

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

Регистрационный номер 011018
Комитета Российской Федерации по печати
Научно-образовательный и прикладной журнал
Издается с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 4 (188) 2015 г.
DOI 10.18522/0321-3056-2015-4

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ	Дидык М.А. К. Ясперс: «осевое время» всемирной истории как конструкция и гипотеза.....	5
	Снеговая О.А., Долгановская Н.В., Катичева М.Г. Аспекты культурной динамики в теориях глобализации.....	9
	Устименко Д.Л., Шарыпова В.А. Контуры антропологического учения Э. Гуссерля.....	14
	Юшина С.В. Политическая теология как одно из явлений современной исламской концепции власти	18
СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ	Денисова Г.С., Валув Д.Г. Историческое образование как инструмент политической социализации: проблема идентификации гражданственности и патриотизма.....	22
	Иванова А.А. Трансформация брачно-семейных отношений в российской семье: сравнительный анализ социологических исследований.....	27
	Кузнецова А.В., Петрулевич И.А. Миф и мифологема города в тексте культуры: социологический и лингвокогнитивный аспекты	32
	Меркулов Е.Д. Пути преодоления социально обусловленных массовых болезней в современном обществе.....	37
	Сухоносенко Д.С., Морозова Н.В., Обьедкова О.А. Сравнительный анализ субъективного восприятия источников опасности населением крупного города Волжского и малого города Николаевска	42
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ	Аверьянов А.В. Национальная политика на Дону в 1930-е годы: на примере Калмыцкого района	50
	Землянский К.А. Организация устной пропаганды в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ростовской области).....	55
	Краснова И.А. Память рода в семейных книгах Флоренции XIV – XV веков	59
	Мануковский Н.Г. Модернизация и социальное развитие: перспективы изучения	65

	Мининкова Л.В. Теория вотчинного государства в советской и современной отечественной историографии	70
	Надолинская А.И. Политика Э. Хита в Северной Ирландии: попытка перехода от силовых методов к переговорному процессу.....	77
	Олифирова К.А. Ипотечная деятельность Донского отделения Крестьянского поземельного банка Российской империи в конце XIX – начале XX века	83
	Подольников В.П. Франко-прусская война (1870–1871) в русской периодике 70-х годов XIX века	90
	Филатова Н.В. Процесс по делу Агнес Семпсон в контексте охоты на ведьм в Шотландии раннего Нового времени	95
ЭКОНОМИКА И ПРАВО: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	Воскресов Б.Н. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как дополнительный вид наказания.....	102
	Евченко Н.Н., Филонич В.В. Кризис российско-украинских отношений и внешняя торговля: проекция для трех уровней управления.....	108
	Чернов С.А., Дайкер А.О. Сетевая организация: закономерности, тенденции развития	114
ФИЛОЛОГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ	Абдокова М.Б. Энциклопедия ностальгических переживаний поэты черкесского зарубежья Зейн Кандур.....	119
	Зарипова А.Р. Семантическая эволюция слова <i>жребий</i> в истории русского языка.....	121
	Карпова Г.Ф. Педагогика и психология в современном архитектурно-художественном образовании.....	126
	Стаканова Е.В., Толстихина Е.В. Смыслообразующие стратегии обучения иностранному языку	129
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	Черюкина Г.Л. III Международная научно-практическая конференция «Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации» (Ростов-на-Дону, 17–18 сентября 2015 г.).....	136
ЗАМЕТКИ О КНИГАХ	Дзидзоев В.Д. Анализ политических репрессий на Северном Кавказе в 20–30-е годы XX века (Эльбуздукаева Т.У. Политические репрессии на территории Чечни и Ингушетии в 1920–1930-е годы. Махачкала, 2015. 840 с.).....	137
	Корневский А.В. <i>Ищенко А.С.</i> Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. Ростов н/Д., 2014. 276 с.	140
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ	Гасанов М.Р. Корифей кавказской этнографии (к 125-летию со дня рождения Г.С. Читая).....	143
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	145
	Указатель материалов, опубликованных в журнале «Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки» в 2015 г.	146

IZVESTIYA VUZOV. SEVERO-KAVKAZSKII REGION

Reg. No. 011018

Of the Russian Federation Committee for the Press

Educational-research journal of applied sciences

Published since 1973.

4 issues per a year

N 4 (188) 2015

DOI 10.18522/0321-3056-2015-4

SOCIAL SCIENCES

CONTENTS

PHILOSOPHY AND CULTURE STUDY	Didyk M.A. Karl Jaspers: "Axial Time" of World History as the Construction and Hypothesis.....	5
	Snegovaya O.A., Dolganovskaya N.V., Katicheva M.G. The Aspects of Culture Dynamics in the Theory of Globalization	9
	Ustimenko D.L., Sharypova V.A. The Contours of the Anthropological Doctrine of Husserl	14
	Yushina S.V. Political Theology as One of the Phenomena of Modern Islamic Power Concept	18
SOCIOLOGY AND POLITOLOGY	Denisova G.S., Valuev D.G. Historical Education as a Tool of Political Socialization: The Problem of Civic Identity and Patriotism	22
	Ivanova A.A. Transformation of Marriage and Family Relations in Russian Family: Comparative Analysis of Sociological Studies	27
	Kuznetsova A.V., Petrulevich I.A. Myth and Mythologem of City in the Text of Culture: Sociological and Lingvokognitive Aspects.....	32
	Merkulov E.D. Ways to Overcome Socially Conditioned Diseases in Modern Society	37
	Suhonosenko D.S., Morozova N.V., Obedkova O.A. Comparative Analysis of the Subjective Perception of the Hazards by the Population of the Volzhsky City and the Small Town of Nikolaevsk	42
	Averyanov A.V. National Policy on the Don Region in the 1930th on the Example of the Kalmyk Region	50
ISSUES OF HISTORY	Zemlyansky K.A. Organization of Oral Propaganda During the Great Patriotic War (on the Materials of the Rostov Region).....	55
	Krasnova I.A. The Genus Memory in the XIV-XV Century Florence Family Books	59
	Manukovskiy N.G. Modernization and Social Development: Perspective of Exploration	65
	Mininkova L.V. Theory of the Patrimonial State in the Soviet and Modern National Historiography	70
	Nadolinskaya An.I. E. Heath Policy in Northern Ireland: the Attempt of Transition From Force Methods to the Negotiation Process.....	77
	Olifirov K.A. Mortgage Activity of the Don Department of the Russian Empire Peasants' Land Bank in the Late XIX - early XX Centuries	83

	Podolnikov V.P. French-Prussian War (1870-1871) in the Russian Periodicals in the 70-ies of 19th Century	90
	Filatova N.V. The Trial of Agnes Sampson in the Context of a Witch-hunt in Early Modern Times Scotland	95
ECONOMICS AND LAW: PRACTICE AND THEORY	Voskresov B.N. Deprivation of the Right to Occupy Certain Positions or to Be Engaged in Certain Activities as an Additional Form of Punishment	102
	Evchenko N.N., Filonich V.V. Crisis of Russian-Ukrainian Relations and Foreign Trade: The Projection for Three Levels of Government ...	108
	Chernov S.A., Daiker A.O. Network Organization: Regularities, Trends of the Development	114
PHILOLOGY AND EDUCATION	Abdokova M.B. Encyclopedia of Nostalgic Feelings of Circassian Abroad Poetess Zein Kandur	119
	Zaripova A.R. The Semantic Evolution of Word “Lot” in the History of Russian Language	121
	Karpova G.F. Pedagogics and Psychology of in Modern Architectural-Artistic Education	126
	Stakanova E.V., Tolstikhina E.V. Sense-creative Strategies of a Foreign Language Teaching	129
SCIENTIFIC LIFE	Cheryukina G.L. III International Scientific-Practical Conference “Advertising and Public Relations: Tradition and Innovation” (Rostov-on-Don, 17-18 September 2015).....	136
BOOKS REVIEW	Dzidzoev V.D. Analysis of Political Repression in the North Caucasus in the 20-30th of XX century (Elbuzdukaeva T.U. Political Repression on the Territory of Chechnya and Ingushetia in 1920-1930s. Makhachkala, 2015, 840 p.).....	137
	Korenevsky A.V., Ishchenko A.S. Vladimir Monomakh in the Russian Socio-historical Consciousness: Mythological Image and Historical Reality. Rostov-on-Don, 2014. 276 p.	140
TOUCHES TO THE PORTRAIT	Gasanov M.R. The Coryphaeus of Caucasus Ethnography (to the 125th anniversary of the G.S. Chitay).....	143
OUR PERSONS	145
	Index of Materials, published in the Journal “Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennyye nauki” in 2015.....	146

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 130.2

DOI 10.18522/0321-3056-2015-4-5-9

К. ЯСПЕРС: «ОСЕВОЕ ВРЕМЯ» ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ КАК КОНСТРУКЦИЯ И ГИПОТЕЗА

© 2015 г. М.А. Дидык

Дидык Марина Александровна –
кандидат философских наук, доцент,
кафедра теории культуры, этики и эстетики,
Институт философии и социально-политических наук
Южного федерального университета,
пер. Днепроvский, 116, г. Ростов-на-Дону, 344065.
E-mail: madidyk@yandex.ru

Didyk Marina Alexandrovna –
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Department of Theory of Culture, Ethics and Aesthetics,
Institute of Philosophy and Social and Political Sciences
of the Southern Federal University,
Dneprovskii Lane, 116, Rostov-on-Don, 344065, Russia.
E-mail: madidyk@yandex.ru

Рассматривается одна из наиболее активно разрабатываемых идей в современной западной и отечественной философии и культурологии. Акцент сделан на гипотетическом характере идеи и конструкции «осевого времени» К. Ясперса. Предлагается новое видение проблемы и вводится новая система координат. Происходит соединение как бы двух слоев мысли – «осевого времени» в истории и масштаба «великих личностей» – в универсальной системе ранжирования и духовно-интеллектуальной культуре человечества.

Ключевые слова: К. Ясперс, «осевое время», гипотеза, конструкция.

The author of the article considers one of the most actively developing ideas in modern Western and Russian philosophy and culture. The emphasis is placed on the hypothetical ideas and constructions of Karl Jaspers' "axial time". The new vision of the problem is suggested and the new system of coordinates is introduced. The connection of the two layers of thought - "axial time" in the history and the scale of the "great personalities" - in the universal ranking system, the spiritual and intellectual culture of mankind takes place.

Keywords: Karl Jaspers, "axial time", hypothesis, construction.

В ходе проведенного нами в два этапа исследования «осевой» концепции культуры К. Ясперса [1, 2] установлен факт преемственности и разрыва между философско-исторической идеей «осевого времени» (1948 г.) и историко-философским понятием «масштаб-задающего-сознания» (1956–1957 гг.), предельно актуальных и сегодня в силу критического восприятия европоцентристских схем и способов мышления в философии, политике и культуре. Представляется возможным принципиальное акцентирование внимания не столько на воспроизведении и характеристике конструкции «осевого времени», сколько на моменте гипотетичности этой идеи. На специальных исследованиях «осевого времени», как и представленности этой идеи у самого К. Ясперса, нам уже приходилось останавливаться [3, 4], так что в данной статье ограничимся только реконструкцией идеи Ясперса, а также его «кружения» вокруг этой идеи.

В «Истоках истории и ее цели» утверждается [5], что область всемирной истории и культуры для европейского (христианского) сознания за-

ключена в соответствии с библейской символикой между грехопадением человека и наступлением «страшного суда». Причем христианское воззрение *центральным событием* реальной истории считает «явление Сына Божьего», названное в «Философии истории» Гегеля, как отмечает К. Ясперс, «осью» истории. Сам Ясперс говорит об «истоках» и «щели», подставляя на эти «места» реальную «доисторию» и ожидающее людей «будущее». А вместо гегелевской «оси», сутью которой является приход в мир Иисуса Христа, в центре у него оказывается «осевое время» истории, перемещенное в середину I тыс. до Р.Х. (до н.э.). Ясперс выступил с экзистенциальным постижением этой первой «пограничной ситуации» мирового масштаба и зафиксировал самым острым образом противоречие-проблему соотношения исторического (древнего) «осевого времени» и современной ему ситуации как допускающей экзистенциальное ее «прочтение» и интерпретацию [6, с. 622].

Определяя переход от доистории к истории (имеется в виду появление «древнейших культур» –

шумеро-вавилонской, египетской и эгейской на Западе, доарийской – в долине Инда и китайской), Ясперс констатирует: «Вся атмосфера внезапно меняется. Здесь уже не царит молчание» [5, с. 70]. «Немой» (молчаливый, молчащий) и «говорящий» (письменный) миры по сути образуют два основных типа и два исторически последовательных этапа в существовании и развитии человеческой культуры. Критерий, позволяющий говорить о различии между «немой культурой» и «культурой слова», не нов: фактически на том же основании разделял свои «предысторию» и «историю» уже Гегель. Однако Ясперс настаивает на различии не просто между историей и доисторией, но также культурой и предшествующим ей состоянием: «*Возникновение культуры территориально охватывает лишь узкую полосу* всей земной поверхности от Атлантического до Тихоокеанского побережья, от Европы через Северную Африку, Переднюю Азию до Индии и Китая <...> Внутри необъятного пространства, заселенного людьми, область возникновения культуры очень мала. То же можно сказать и о времени ее существования» [5, с. 51].

Следовательно, в самом человеке его причастность к истории и культуре оказываются взаимосвязанными, а с другой стороны – противостоящими тому в нем, что является докультурным и доисторическим, но все же при этом – неприродным и надприродным: «Развитие человека в доисторическую эпоху – это становление основных конститутивных свойств человеческого бытия; развитие человека в историческую эпоху – это развертывание ранее обретенного содержания духовного и технического характера». Но что же это за «духовное» и «техническое» содержание человеческого бытия? В общей форме ответ Ясперса на этот вопрос таков: «Результатом доисторического становления является то, что наследуется биологически, что, следовательно, способно устоять во всех катастрофах истории. Исторические же приобретения тесно связаны с традицией, они передаются и поэтому могут быть утрачены». Ясперс называет этот вторичный – культурный слой в человеке «тонкой оболочкой над кратером вулкана» [5, с. 56–57].

Перейдем теперь к основному интересующему нас элементу из числа исходных «шифров», предложенному Ясперсом «веро-философского» постижения истории – к «осевому времени», в котором могут быть выделены следующие черты: 1) драматический универсализм; 2) онтологическая рефлексивность; 3) принципиальная гуманистичность мирозерцания. Если уподобить «немоту культуры» *наличному бытию*, а звучание

«слова» (что для Ясперса равнозначно проявлению самой культуры) – *сознанию*, то в «самосознании» (рефлексии) осевая культура оказывается *духом*. И сам Ясперс, подыскивая общий эквивалент новациям в культуре, которые принесло «осевое время», использует термин «одухотворение» [5, с. 34]. Приведем несколько примеров: в «осевое время», по его мнению, «полностью формируется подлинный человек в его *духовной* открытости миру»; к осевым народам Ясперс относит те народы, «которые, последовательно продолжая свою историю, совершили скачок, как бы вторично родились в нем, тем самым заложили основу *духовной* сущности человека и его подлинной истории»; в четырехчленной схеме истории человечества (доистория, эпоха великих культур древности, осевое время с его последствиями, эпоха развития техники) осевая эпоха названа Ясперсом «эпохой *духовной основы* (курсив наш. – М.Д.) нашего человеческого бытия» [5, с. 53, 76].

Важно, что Ясперс в характеристике осевого прорыва к полноте бытия *не стремится поставить над ним* – как высшее и абсолютное – *христианство*. Более того, по мнению А.Н. Типсиной, «Ясперс хочет освободиться от самого имени “христианская религия”, скомпрометировавшего себя фанатизмом и нетерпимостью по отношению к инакомыслящим, неспособностью к общению с другими религиями, враждебностью ко всему новому. Он ратует за “библейскую религию”, свободную от нетерпимости и жестокости, готовую к коммуникации с другими культурами. Условием для существования “библейской религии” в будущем Ясперс считает отказ от притязаний христианства на исключительность» [7, с. 72].

При таком отношении к реальному, историческому христианству в ситуации остро осознаваемого Ясперсом факта «разбожествления мира» в массовом европейском сознании, оно не только не могло быть поставленным выше осевого сознания, но даже *не достигало на роль осевого центра* истории и культуры. Аргумент, который в этой связи он выдвигает, очень простой: «Христианская вера – это лишь одна вера, а не вера всего человечества» [5, с. 32]. Ясперс, как видим, явно снижает значение христианства в истории (если считать критерием то, что содержала сама проповедь Христа, а особенно факт его земной жизни как воплотившегося Бога). Для Ясперса Христос – человек, один из последних иудейских пророков. В более поздней работе «Великие философы» он поставлен рядом с Буддой, Конфуцием и Сократом, причем «Ясперс обращает внимание на то, что Иисус,

Будда и Конфуций никогда не обожествляли себя» [7, с. 88, 95]*.

С другой стороны, снижение, приземление христианства идет у Ясперса по линии отвержения за ним роли и статуса «религии откровения» (или «абсолютной религии» по выражению Гегеля). Ясперс или не верит, или как-то по-особому понимает то, что евангельская проповедь должна прозвучать для всех народов мира, т.е. для всего человечества. Смысловое единство культуры и истории, поскольку оно является в ней во времени, Ясперс стремится найти во всех реальных, эмпирически фиксируемых сферах или кругах культуры. Он ищет выход к этому единству – на пути одухотворения культуры – во всех точках культуры, т.е. в культурном мире как целом. Пожалуй, наиболее точно выразил эту сторону ясперсовской концепции культуры С.С. Аверинцев [6, с. 622].

Отвергая позицию Гегеля, сомневался ли Ясперс в предложенной им гипотезе? Ответ однозначен: да, сомневался. «Ось мировой истории, – полагал он, – если она вообще существует, может быть обнаружена только эмпирически, как факт, значимый для всех людей, в том числе и христиан» [5, с. 32]. Предлагая попытаться «наметить структуру мировой истории, отправляясь от осевого времени», он прямо пишет: «Ряд приведенных мною соображений недостаточен для решающего обоснования истинности исторического воззрения. Дать ясность этому тезису – или привести к отказу от него – может только отчетливое представление о всей совокупности исторических данных. Создать его одна небольшая книга не может. Мои указания – не более чем постановка вопроса и предложение проверить значимость этого тезиса» [5, с. 37].

И Ясперс осуществляет первичную «фактическую» проверку предложенного им тезиса.

Первое. Указывая на сходные мысли (Э. Лазо, В. Штраус) относительно обнаружения некоторой загадочности в отношении одновременного центрирования разных культурных потоков, Ясперс подчеркивает их исключительную констатационность. Он пишет: «Насколько мне известно, попытка понять эти явления в их совокупности и тем самым установить параллельность в универсальном развитии, охватывающем все духовное бытие тогдашнего человечества, ни разу не делалась» [5, с. 37].

Второе. Как будто используя гегелевскую диалектическую конструкцию («тезис – антитезис – синтез»), Ясперс предлагает некоторые противоположения своей гипотезы («общность рассматриваемых явлений иллюзорна»; «осевое время вообще не фактическая данность, а результат оценочного суждения»; «выявленная нами параллель не носит исторического характера, ибо то, что близко другу другу в духовном отношении, не входит в единый исторический процесс»), которые в совокупности с тезисом и дают общую синтетическую картину.

Обращаясь непосредственно к проблеме параллелизма, Ясперс анализирует ее одновременно в двух плоскостях: вариативно-типическом и причинно-смысловом. Он выделяет «синхронные» и «несинхронные» исторические параллели с определенной закономерностью («простое совпадение единичных явлений»), противопоставляя им «универсальный параллелизм» осевого времени («в осевое время, обнаруживается параллельность, возникающая не как следствие некоего общего закона; напротив, здесь собственно историческая, единичная данность носит всеохватывающий характер, включает в себя все духовные явления»). Приводя в пример «время возникновения великих культур древности» как параллелизм всемирно-исторического значения, Ясперс усматривает в нем все же явное отличие от «осевого»: он не синхронен, так как растянут во времени. Отвергая при этом объяснения Э. Майера, Э. Лазо, В. Штрауса, Г. Кайзерлинга как описательные и называя гипотезу А. Вебера «спорной в методологическом отношении», Ясперс предлагает свой вариант ответа: «Тайну одновременного начала осевого времени следует, как мне представляется, искать на совсем иной глубине, чем возникновение упомянутых великих культур древности. Во-первых, здесь одновременность выражена со значительно большей точностью; во-вторых, она относится к духовному и историческому развитию сознающего, мыслящего человечества в целом. В трех сферах, уже с возникновения великих культур, отмечавшихся признаками особенной подлинности, в последнее тысячелетие до н. э. возникли творения, на которых покоится вся последующая история человеческого духа» [5, с. 44–47].

Таким образом, Ясперс подводит итог: «Постижение осевого времени определяет наше осознание современной ситуации и исторического развития, доводя его – независимо от того, принимаем ли мы эту идею или отвергаем ее, – до таких выводов, которые я мог здесь лишь наметить» [5, с. 50]. Что же было дальше? Скажем об этом коротко.

* Здесь, однако, можно констатировать, как мы уже писали, и момент тревоги К. Ясперса из-за радикального выведения Иисуса Христа (и христианства) за рамки «осевого» пункта истории, в котором он один только и присутствовал у Гегеля (о чем Ясперсу было известно), но также и у П.Я. Чаадаева (о чем Ясперсу известно не было). См.: [2, с. 82–110].

В 1953 г. (во «Введении в философию») картина остается прежней: идея «осевого времени» сохраняется без изменения и соответственно без новой проверки: достаточно обратиться к ее 9-й части «История человечества», где Ясперс сразу же делает ссылку: «В этой главе дословно использованы выдержки из моей книги "Vom Ursprung und Zieler Geschichte"» [8]. Вместе с тем значимость этого события (включения *проблемной* работы об «осевом времени» как ключевой идее, задающей масштаб для философии истории) в состав *обобщающего* философского сочинения чрезвычайно велика: осевая идея К. Ясперса становится у него одной из фундаментальных идей его экзистенциальной философии.

В 1957 г. выходит работа «Великие философы» [9]. В первой части «Die maßgebenden Menschen»* собраны вместе Sokrates, Buddha, Konfuzius, Jesus. Как понимать такое соединение величия в «масштаб-задающем» ранге. Работает ли здесь идея «осевого времени»?

С одной стороны, Сократ, Будда, Конфуций – это, несомненно, личности «прорывающие» время, но *только* малая их часть. Ведь в 1949 г. Ясперс называет еще и Лао-цзы, Мо-цзы, Чжуан-цзы, Лецзы, Заратустру, Илию, Исаяю, Второисаяю, Иеремию, Гомера, Парменида, Гераклита, Платона, Фукидида, Архимеда и др. Где находят свое место все остальные «осевые» личности, не включенные в первый ранг? Или и вовсе остаются «за бортом» нового корабля духовной рефлексии. С другой стороны, появление Иисуса Христа резко и радикально изменяет и *временную* определенность (три практических «современника» и выведенный в свое время за «осевое время» их «поздний» коллега), и сам принципиальный «осевой» состав. В чем же дело? Можно предположить, что Ясперс фактически *еще раз проверил* свой тезис – гипотезу «осевого времени» – в «Великих философах».

К какому же выводу он пришел? Вариантов не так много. Допустим, что в результате проверки «осевое время» сохраняется. Тогда, учитывая введение Иисуса Христа в ранг «масштаб-задающих личностей» (вместе с «осевыми» Сократом, Конфуцием и Буддой) и выведение из состава так понятого «осевого времени» указанных выше личностей, неизбежно меняются не только временные рамки, но и сам смысл основной идеи. Другой вариант. Положим, что Ясперс отказывается от «осевого времени», вводя в философию истории (через историю философии, через масштаб «великих филосо-

фов») более высокий ранг «масштаб-задающих личностей». Но как тогда объяснить основной ключевой подбор снова собранных вместе личностей прежнего «осевого» типа, а также возникающий здесь парадокс: «нефилософское в философском»?

Таким образом, здесь по сути предлагается новое видение проблемы и вводится новая система координат. Идея о четырех великих личностях и идея об «осевых» личностях сравнимы, но при рассмотрении имен и времен – различны. «Осевая» специфика налицо. И она позволяет соединиться теперь двум слоям мысли – «осевому» времени в истории и масштабу «великих» личностей – в универсальной системе ранжирования в духовно-интеллектуальной культуре человечества.

Литература и примечание

1. Андреева (Дидык) М.А. Осевая концепция культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2002.
2. Дидык М.А. Универсальный регион культуры в контексте «масштаб-задающего» самосознания. Ростов н/Д., 2014.
3. Дидык М.А. Тема «осевого времени» у К. Ясперса // Экзистенциальная философия: вчера и сегодня: материалы конференции «Экзистенциальная философия: от Кьеркегора к Камю», посвященной 200-летию со дня рождения С. Кьеркегора и 100-летию со дня рождения А. Камю. М., 2014. С. 35–42.
4. Дидык М.А. Проблема «осевого времени» в литературе (в региональной специфике) // Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX века: идеи М.К. Петрова: материалы Междунар. науч. конф. Вып. 2. Сб. материалов XXVI «Петровских чтений». Т. 2 / под ред. А.Н. Ерыгина. Ростов н/Д., 2013. С. 8–26.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. М., 1991.
6. Аверинцев С.С. Ясперс // Философская энциклопедия: в 5 т. М., 1970. Т. 5.
7. Типсина А.Н. Философия религии К. Ясперса (Критический анализ). Л., 1982.
8. Ясперс К. Введение в философию / пер. и ред. А.А. Михайлова. Минск, 2000.
9. Частичный перевод этого труда на русский язык был осуществлен Г.Б. Шаймухамбетовой, и в 2007 г. книга «Великие философы», включающая предисловие, введение, «главы, посвященные мыслителям Азии: Будде, Конфуцию, Лао-цзы, Нагарджуна», а в заключении главу – «Суждения в связи с трудом о людях, задающих масштаб (служащих мерилем)», была опубликована в Москве. Ясперс К. Великие философы. Будда, Конфуций, Лао-цзы, Нагарджуна. М., 2007.

* В переводе Г.Б. Шаймухамбетовой – «Люди, задающие масштаб» или «Люди, служащие мерилем».

References

1. Andreeva M.A. (Didyk M.A.) *Osevoyaya kontseptsiya kul'tury*: avtoref. dis... kand. filos. nauk [Axial Concept of Time]. Rostov-on-Don, 2002.
2. Didyk M.A. *Universal'nyi region kul'tury v kontekste "masshtab-zadayushchego" samosoznaniya* [Universal Region of Culture in the Context of the "scale-defining" Self-consciousness]. Rostov-on-Don, 2014.
3. Didyk M.A. Tema "osevogo vremeni" u K. Yaspersa [The Idea of Axial Time in K. Jaspers' Works]. *Ekzistentsial'naya filosofiya: vchera i segodnya*: materialy konferentsii "Ekzistentsial'naya filosofiya: ot K'erkegora k Kamyu", to the 200th anniversary of S. Kierkegaard and 100th anniversary of Kamyu. Moscow, 2014, pp. 35-42.
4. Didyk M.A. Problema «osevogo vremeni» v literature (v regional'noi spetsifike) [Issue of Axial Time in Literature in regional specification]. *Problemy i diskussii v filosofii Rossii vtoroi poloviny XX veka: idei M.K. Petrova*: materials of Interbational Conference N. 2. Col. of works XXVI "Petrovskikh chtenii". Vol. 2. Ed. A.N. Erygin. Rostov-on-Don, 2013, pp. 8-26.
5. Yaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The Sense and Purpose of History]: tr. from Germ. Moscow, 1991.
6. Averintsev S.S. [Yaspers]. *Filosofskaya entsiklopediya* [Philosophical Encyclopedia]: in 5 vol. Moscow, 1970, vol. 5.
7. Tipsina A.N. *Filosofiya religii K. Yaspersa (Kriticheskii analiz)* [Philosophy of K. Jaspers' Religion (Critical Analysis)]. Leningrad, 1982.
8. Yaspers K. *Vvedenie v filosofiyu* [Introduction to Philosophy]. Tr. and ed. A. A. Mikhailov. Minsk, 2000.
9. Chastichniy perevod etogo truda na russkii yazyk byl osushchestvlen G.B. Shaimukhambetovoi i v 2007 g. kniga "Velikie filosofy", vklyuchayushchaya predislovie, vvedenie, "glavy, posvyashchennye myslitelyam Azii: Budde, Konfutsiyu, Lao-tszy, Nagardzhune", a v zaklyuchenii glavu – "Suzhdeniya v svyazi s trudom o lyudyakh, zadayushchikh masshtab (sluzhashchikh merilom)", byla opublikovana v Moskve. Yaspers K. Velikie filosofy. Buddha, Konfutsii, Lao-tszy, Nagardzhuna [A partial translation of this work into Russian was made by G.B. Shaymukhambetova and in 2007 the book "The Great Philosophers", which includes a preface, an introduction, "the chapters on Asian thinkers: Buddha, Confucius, Lao Tzu, Nagarjuna", and at the end the chapter - "Judgment in connection with the labor of the people, giving the scale (a measure of employees)", was published in Moscow. K. Jaspers: The Great Philosophers. Buddha, Confucius, Lao Tzu, Nagarjuna. Moscow, 2007].

Поступила в редакцию

12 октября 2015 г.

УДК 009

DOI 10.18522/0321-3056-2015-4-9-13

АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ В ТЕОРИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

© 2015 г. О.А. Снеговая, Н.В. Долгановская, М.Г. Катичева

Снеговая Ольга Алексеевна –
кандидат философских наук, старший преподаватель,
Институт филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южного федерального университета,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: Snegowaya.olga@yandex.ru

Snegovaya Olga Alekseevna –
Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer,
Institute of Philology, Journalism
and Intercultural Communication
of the Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: Snegowaya.olga@yandex.ru

Долгановская Наталья Владимировна –
преподаватель,
Институт филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южного федерального университета,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: natalya1813@rambler.ru

Dolganovskaya Natalia Vladimirovna –
Lecturer,
Institute of Philology, Journalism
and Intercultural Communication
of the Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: natalya1813@rambler.ru

Катичева Марина Геннадиевна –
кандидат педагогических наук, преподаватель,
Институт филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южного федерального университета,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: kochnevamarina@mail.ru

Katicheva Marina Gennadijevna –
Candidate of Pedagogical Sciences, Lecturer,
Institute of Philology, Journalism
and Intercultural Communication
of the Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: kochnevamarina@mail.ru

Анализируются различные подходы к глобализации с позиций теории и истории культуры. Выделяются четыре основных подхода. Наиболее продуктивными являются те концепты, которые учитывают рост неустойчивости, нелинейности современного состояния культурного взаимодействия и рассматривают диалог культур в качестве стабилизационного фактора. При всей неопределенности прогнозов глобализационного развития именно парадигма диалога культур может разрешить противоречие цивилизационных и культурных факторов в глобализационных процессах.

Ключевые слова: глобализация, мировая культура, линейный процесс, нелинейный подход, антиглобализм, диалог культур.

The article reveals various approaches to globalization from the standpoint of the theory and history of culture. The authors identify four basic approaches, discussing forecasts on the future of culture in the context of globalization and development scenarios and the interaction of cultures. The complexity and diversity of globalization does not exclude the implementation of all the presented scenarios. The ideology of anti-globalization does not offer a constructive way out of the globalization crisis of culture. A large-scale and open dialogue is recognized as the most effective strategy for building the future of world culture.

Keywords: globalization, world culture, linear process, non-linear approach, antiglobalization, dialogue of cultures.

Процесс глобализации включает взаимодействие государств, народов, этносов, социальных общностей в единой системе отношений на планетарном уровне. Это и система открытого культурного обмена, и заимствование образцов поведения, и адаптация культурных стереотипов к условиям глобального бытия, и процесс расширения границ во всех сферах человеческой деятельности, и возникновение глобального экономического, экологического, информационного, культурного пространств.

На протяжении всей человеческой истории имело место стремление к расширению влияния тех или иных культур и ценностей. Создавались мировые империи, с помощью силы насаждались национальные, социальные или религиозные представления. В этом плане с достаточной степенью условности можно говорить о глобализации в античности, средние века и Новое время.

На рубеже третьего тысячелетия процесс глобализации набирает силу, охватывая все новые и новые области, проявляясь в новых формах, демонстрируя новые механизмы и способы распространения. Усиливающийся динамизм и неравномерность глобализационного процесса – важнейшие характеристики постиндустриальной цивилизации.

Распад традиционной культуры вследствие глобальных перемен дает обществу мозаику субкультур, культурное своеобразие отдельных общностей, культурное разнообразие в социальной системе. Перед каждым человеком встает во всей остроте проблема выбора в разноцветье культурного спектра, ответственность за последствия которого невозможно предвидеть, что усиливает настроение неопределенности и страха перед будущим. Диагностируя наличное состояние общества как кризисное, А. Тоффлер вводит понятие

«культуршок», которое указывает на кризис адаптивных способностей человека, неспособность приспособления к требованиям среды в условиях усиливающейся социокультурной динамики [1]. Происходит искусственный разрыв связей человека с ценностями, являющимися базой его воспитания. В результате наступает фрагментация поведения и жизни человека.

Обозначившееся в последнее время мощнейшее воздействие глобальных тенденций на все уровни социального бытия человека меняет представление о содержании и структуре глобализации. В осмыслении глобализационного процесса акценты постепенно смещаются с экономических на культурологические характеристики. Характерную особенность глобализации как явления выделяет Н. А. Косолапов, который считает, что «она объективно подводит человека к неизбежности необратимой смены среды обитания и жизнедеятельности с естественной на искусственную» [2]. В этой замене заключается одна из острейших и жизненнозначимых для человека проблем. Ключ к ее решению лежит не в сфере экономики, экологии или международной политики, а в области духа, в сфере культуры.

Глобализация включает негативные и позитивные тенденции. Негативные моменты на уровне социальных общностей проявляются в возможности утраты культурной самобытности в результате аккультурации и ассимиляции. Сохранение культурного своеобразия в современном обществе стало оцениваться как высшее достижение цивилизации. Необходимость решения этой задачи актуализирует исследование культурной динамики в условиях глобализации.

В силу множественности проявлений глобализация сложно поддается общим оценкам и харак-

теристикам, которые вызывают ожесточенные споры, в том числе концептуального характера.

Однако большинство исследователей признают, что глобализация не единый, равномерный процесс, а более или менее целостная совокупность разнородных процессов, которая в принципе не может стать гомогенной. Наибольшее распространение получила формула глобализма как двуединого процесса интеграции и автономизации существующих культурных общностей, институтов и сфер деятельности. В то же время в оценке превалирования того или иного процесса мнения расходятся.

Сложность и многоплановость процесса глобализации отражена в обширном научном материале. Теории глобализации содержат различные концептуальные подходы к рассмотрению процесса в целом и его культурной составляющей в частности. Эти концепты, сформированные в результате эволюции взглядов известных научных школ, имеют принципиальные отличия. Раскроем суть основных подходов и проследим логику их теоретических построений.

1. Глобализация рассматривается как линейный процесс. Парадигма линейного процесса видит в нем расширение, углубление, увеличение интенсивности интеграции без революционного изменения качества и внутреннего содержания. Линейная глобалистика опирается на такие тенденции, как глобализация капитала, средств массовой информации, новое мировое разделение труда. Подобное видение глобализационного процесса подготовлено теоретическими воззрениями диффузионизма, эволюционизма, неэволюционизма, содержащими свои особенные представления о культурной динамике.

Исследователи, представляющие направление диффузионизма, полагают, что основой общественного развития являются процессы заимствования и распространения культуры из одних центров в другие. Диффузионизм акцентировал внимание на нововведениях, рассматривая их как результаты и каналы внешних влияний, по которым эти влияния осуществляются. В первую очередь в поле зрения исследователей данного направления попадают такие средства распространения культуры, как завоевания, торговля, колонизация, миграция, добровольное подражание, и лишь во вторую очередь – эндогенные (внутренние) факторы развития. Отдельные научные направления в рамках школы диффузионизма выдвигают свои собственные версии относительно механизмов социокультурных изменений:

– с позиций теории культурного центра – процесс распространения культуры изображается в виде последовательных волн рассеяния своего рода миссионерских элит из общей колыбели цивилизации (Шумер, Древний Египет и др.). Чем дальше от центра, тем слабее влияние этих волн. Здесь наблюдается очевидное сходство с современными европоцентристскими теориями модернизации развивающихся стран;

– инвазионизм рассматривает крупные социокультурные изменения как последствия вторжения в культуру племен иммигрантов-носителей культуры более высокого уровня;

– историческое развитие культуры как пространственное перемещение отдельных ее элементов из нескольких центров – культурных кругов – предлагает рассматривать теория культурных кругов или областей. Один из главных разработчиков данной теории Ф. Гребнер, группируя элементы культуры по их сходству и территориальному распространению, вычленил культурные круги безотносительно к конкретным народам, отрывая культуру от ее создателей и носителей. Он не искал ответа на вопрос о происхождении культур, рассматривая их как извечные и неизменные [3].

В модифицированном виде теория культурных кругов переключалась в некоторые современные концепции, отвергая диалектику внутреннего развития культуры.

В противовес изложенной позиции теория эволюционизма объясняла развитие обществ их внутренними свойствами и законами роста по стадиям эволюции. Для современной научной мысли характерно стремление ввести диффузионизм и эволюционизм в общие теоретические рамки как взаимодополнительные положения. Подходы диффузионизма сохраняют первоначальное звучание для более частных тем: объяснений модернизации с помощью культурных контактов, процессов внедрения конкретных нововведений, процессов аккультурации иммигрантов.

Теоретические воззрения эволюционизма на современном этапе оформились в неэволюционизм, который включает три главных направления: неодарвинизм, культурный материализм и эволюционный функционализм. Каждое из направлений выработало свой оригинальный взгляд:

– неодарвинизм, или «культурный селекционизм», рассматривает общества как совокупности дискретных изменчивых явлений и свойств (форм политической власти, типов поселения, институтов родства, брака, наследования и др.). При передаче культуры от поколения к поколению и от че-

ловека к человеку случаются ошибки и новации, аналогичные генетическим мутациям. В результате некоторые вариации будут лучше приспособлены к социально-культурной среде и вытеснят менее приспособленные формы. Усилия неодарвинистов, сосредоточенные на поиске «социальных генов», «атомов культуры», «культурных инструкций», «образцов культурной памяти» и т. п., не принесли ожидаемых результатов [4, р. 31–34]. Искусственная всеобщая единица не в состоянии охватить специфику отдельных подсистем общества и его сложную социальную организацию;

– «культурный материализм» исследует развитие технико-экономической базы культуры, технологические реакции общества на требования среды. В центр теоретических построений при установлении направления эволюции помещается взаимодействие между различными аспектами общества, один из которых признаётся ключевым. М. Салинс предложил различать «специфическую эволюцию, характеризующую возрастающую дивергенцией и адаптивной специализацией конкретных обществ, и общую эволюцию, выражающую тенденции развития человеческой культуры в целом ... но не тождественной прогрессу человечества» [5, р. 70];

– эволюционный функционализм ориентирован на модель развития не популяции (как неодарвинизм), а организма. Общества – это естественные, адаптивные, функционально интегрированные системы. Новации появляются и выживают, потому что соответствуют функциональным требованиям общества как целого, тем самым определяя направление эволюции.

Упомянутые выше научные школы предлагают широкий выбор альтернатив, объясняющих механизмы распространения культурного влияния, но все они решены в парадигме линейного процесса.

2. Иной концептуальный подход, рассматривающий глобализацию как «мир-системную модель», которая исходит из экономического измерения, предложен И. Валлерстайном. В мировом разделении труда существует трёхполюсная структура, которая включает экономическое ядро мировой системы, «полупериферию» и «периферию». Все они образуют существующую мир-систему. Данная концепция видит ее как необходимое условие для перехода к мировому социализму, поскольку мировой капитализм обречён на поражение в силу собственных слабостей и противоречий. Развивая тему переходных периодов в культуре как двигающих культуру к неопределённому результату, Валлерстайн связывает ее с проблемой «детерминизма». Траектория развития культуры

детерминируется набором самодвижущихся, самоподкрепляющихся институциональных структур. В процессе «перехода» происходит распад этих самых структур и, поэтому «реальные исторические альтернативы широки и их сложно предсказать» [6, с. 161–162].

Таким образом, усиление состояния неустойчивости, нелинейности, неравновесности проявляется особенно ярко в переходные периоды. Это напрямую относится к современному этапу глобализации, который чаще всего характеризуют как кризисный, ведущий не только к усилению процессов взаимодействия, но и к распаду системной целостности. История понимается Валлерстайном как отвечающая «скорее тенденции к культурной дифференциации, культурному усложнению, культурному разнообразию» [6, с. 167].

Однако автор подчеркивает, что такого рода центробежный процесс не ведет к культурной анархии, поскольку всегда существовали гравитационные силы, сдерживающие центробежные тенденции. Наиболее мощной силой в современной мир-системе он считает нации-государства, которые одновременно выполняли две роли: создания культурного разнообразия и культурного единообразия.

3. Теорию культурной глобализации связывают с именем Р. Робертсона. Согласно развиваемым им взглядам, культурная глобализация не сводится к гомонизации и унификации культур. В известной мере «глобализационные процессы должны и могут принимать форму, отражающую местные особенности, обычаи, традиции» [7, р. 144]. Отсюда появление таких понятий, как «локализация» и «глокализация».

Теоретики глобального общества видят суть происходящих процессов в «сжатии» мира и расширении взаимозависимости, считая эти процессы следствием распространения культуры модерности. Робертсон, Гидденс и другие ученые полагают, что процесс глобализации происходит одновременно с модернизацией, включая процесс экономической систематизации интернациональных связей и формирование глобальной культуры сознания. Э. Гидденс замечает, что «результат глобализации не является набором изменений, действующих в одном направлении, а складывается из взаимопротивоположных тенденций» [8, с. 81]. Глобальные процессы противоречивы: они могут вызвать как силы фрагментации, так и унификации.

В модели «глобальная культура» выделяются три точки зрения на перспективы развития:

– радикальная, согласно которой национальные культуры будут постепенно сближаться в единую культуру;

– умеренная, утверждающая, что сближение будет сопровождаться дезинтеграцией, поэтому наряду с увеличением общего в культуре разных народов сохранится их собственная культура;

– антиглобалистская, настаивающая на усилении различий между культурами.

Второй и третий сценарий исходят из нелинейного, конфликтного характера глобализации культурных процессов, отражая их сегодняшнее состояние. Первый сценарий основывается на доминанте интеграционных процессов в развитии культуры.

4. Концепция «взаимодействия цивилизаций и культур» – один из вариантов теории глобализации. Теоретическое ядро рассматриваемой концепции составляет идея, согласно которой каждая цивилизация в соответствии со своей спецификой формирует свои глобальные «вызовы» и свои «ответы» на «вызовы» других цивилизаций. Отдельные цивилизации в процессе развертывания глобализации вынуждены все более эксплицитно отвечать на ее «вызовы», выражая тем самым свой уникальный вклад в мировое сообщество. М.А. Чешков вообще рассматривает отдельные цивилизации как «вызовы глобальным императивам» [9, с. 41]. Сами цивилизации становятся возможными лишь как «civilization of meeting – встреча цивилизаций, как их диалог на базе всеобщих символических форм» [10, с. 12].

В настоящее время задача культурологической мысли неизмеримо сложнее, чем в предыдущем столетии в силу беспрецедентного ускорения и усложнения социокультурной динамики. Глобальное общество буквально надвигается на настоящее. Если своевременно не осуществить кардинальную переоценку смыслов и ценностей нашей цивилизации, эволюция общества может приобрести катастрофический характер.

Сегодня остроактуальна разработка новой глобализационной парадигмы, основанной на целостности бытия, взаимозависимости различных культур, многолинейности исторического процесса. Самой эффективной стратегией построения будущей мировой культуры признан широкомасштабный, открытый диалог. Диалог цивилизаций – это взаимопонимание и партнерство между различными государствами современного мира, главное средство предотвращения конфликтов и столкновений, залог успешного решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством в XXI в.

Литература

1. Toffler A. *Future Shock*. N.Y., 1970.

2. Косолапов Н. А. Политическая организация мира: проблемы и модели на среднесрочную перспективу // Материалы семинар-клуба ученых. Вып. 4. М., 2001.

3. Гребнер Ф. Метод этнологии. М., 1976. 322 с.

4. Hallpike C. R. *The principles of social evolution*. Oxford, 1986.

5. Sahlins M. *Evolution and culture*. N.Y., 1960.

6. Валлерстайн И. Анализ мировых систем: современное системное видение мирового сообщества // Социология на пороге XXI века. М., 1999.

7. Robertson R. *Globalization. Social Theory and Global Culture*. L., 1992.

8. Гидденс Э. Постмодернизм. Философия истории. М., 1995.

9. Чешков М. А. Осмысление мироцелостности: новая оппозиция идей или их сближение // МЭ и МО. 1995. № 2.

10. Хантингтон С. П. Демократия и авторитаризм в третьем мире в конце XX века. М., 1995.

References

1. Toffler A. *Future Shock*. New York, 1970.

2. Kosolapov N. A. *Politicheskaya organizatsiya mira: problemy i modeli na srednesrochnuyu perspektivu* [The Political Organization of the World: Challenges and Models for the Medium Term Prospective]. *Materialy seminar-kluba uchenykh* [Proceedings of the Scientific Seminar]. Vol. 4. Moscow, 2001.

3. Grebner F. *Metod etnologii* [Method of Ethnology]. Moscow, 1976, 322 p.

4. Hallpike C. R. *The principles of social evolution*. Oxford, 1986.

5. Sahlins M. *Evolution and culture*. New York, 1960.

6. Vallerstain I. *Analiz mirovykh sistem: sovremennoe sistemnoe videnie mirovogo soobshchestva* [The Analysis of World Systems: Modern System Vision of the International Community]. *Sotsiologiya na poroge XXI veka*. Moscow, 1999.

7. Robertson R. *Globalization. Social Theory and Global Culture*. London, 1992.

8. Giddens E. *Postmodernizm. Filosofiya istorii* [Postmodernism. Philosophy of History]. Moscow, 1995.

9. Cheshkov M. A. *Osmyslenie mirotselostnosti: novaya oppozitsiya idei ili ikh sblizhenie* [Understanding the Integrity of the World: the New Ideas and Their Opposition to the Rapprochement]. *ME i MO*, 1995, no 2.

10. Khantington S. P. *Demokratiya i avtoritarizm v tret'em mire v kontse XX veka* [Democracy and Authoritarianism in the Third World at the End of the XX Century]. Moscow, 1995.

УДК 167.7

DOI 10.18522/0321-3056-2015-4-14-17

КОНТУРЫ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ Э. ГУССЕРЛЯ

© 2015 г. Д.Л. Устименко, В.А. Шарыпова

Устименко Дмитрий Леонидович – кандидат философских наук, доцент, кафедра экономики и управления, Северо-Кавказский филиал Московского технического университета связи и информатики, ул. Серафимовича, 62, г. Ростов-на-Дону, 344002. E-mail: UstimenkoD2006@mail.ru

Ustimenko Dmitry Leonidovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Economics and Management, North-Caucasian Branch of the Moscow Technical University of Communications and Informatics, Serafimovicha St., 62, Rostov-on-Don, 344002, Russia. E-mail: UstimenkoD2006@mail.ru

Шарыпова Вера Алексеевна – студентка, Институт математики, механики и компьютерных наук Южного федерального университета, ул. Мильчакова, 8а, г. Ростов-на-Дону, 344090. E-mail: sharypova97@mail.ru

Sharypova Vera Alekseevna – Student, Institute of Mathematics, Mechanics and Computer Sciences of the Southern Federal University, Milchakova St., 8a, Rostov-on-Don, 344090, Russia. E-mail: sharypova97@mail.ru

Анализируются основные антропологические идеи феноменологии Э. Гуссерля. Их специфика заключается в экспликации феномена человека «из» трансцендентального сознания. Человек осмысляется в категориях универсальности, конкретности, целостности, единственности. Основными методологическими средствами его познания признаются восприятие и идеация. Особое внимание уделено описанию трех структур человеческого естества – тела, души и духа. Показывается методологическая эффективность различения этих структур, совместно образующих неделимость и разумную уникальность человека.

Ключевые слова: феноменология, трансцендентализм, человек, тело, душа, дух, целостность, уникальность.

The article describes the basic anthropological ideas of the phenomenology of Edmund Husserl. Their specificity includes the explication of the human phenomenon “of” transcendental consciousness. The man is comprehended in terms of “universality”, “concrete”, “integrity”, “uniqueness”. The main methodological tools of his cognition recognized are perception and ideation. Particular attention is paid to the description of three structures of human nature - body, soul and spirit. We show the effectiveness of the methodological distinction of these structures, forming the uniqueness and reasonable indivisibility of human.

Keywords: phenomenology, transcendentalism, man, body, soul, spirit, integrity and uniqueness.

Контурное своеобразие понимания человека Гуссерлем характеризуются тремя моментами: во-первых, стремлением усматривать его универсальные структуры, во-вторых, позитивным учетом всего многообразия его уникально-конкретного устройства, и, в-третьих, естественно-философским языком выражения, в котором фиксируется целостность и избегается эмпирический редукционизм. Человек осмысляется Гуссерлем «из» трансцендентального сознания. Подверженная редукции антропология, со всеми своими «непроблематизируемыми предпосылками» на самом деле эксплицируется в его феноменологии через «раскрытие характеристик субъекта» и становится трансцендентальной, коррелятивной сознанию [1, с. 216]. В феноменологии, по мнению Н. А. Ивановой-Георгиевской, переформулирован традиционный «вопрос о познании мира в вопрос о том, каким образом человек представляет мир как имеющий определенное значение и смысл» [2, с. 33]. Поэто-

му неизбежно в поле ее трансцендентального языка решаются вопросы о человеке, конституирующей жизни сознания, телесности, присутствии, корреляции сознания и тела, смысла, времени, Другого, целостности, интересубъективности, историчности. В этом плане антропологическая проблематика не просто находится в центре философских исследований Гуссерля: по мнению О. Мухудинова «вся трансцендентальная философия может быть сведена к антропологии» [3].

Методологически фундирующим источником в феноменологической антропологии выступает индивидуальное восприятие. Именно опыт восприятия является последним истоком, делающим возможным познание мира и своего тела, которое приписывается себе и позволяет самого себя вписывать в этот мир. Очевидность восприятия играет роль праисконного опыта, из которого все прочие доставляющие опыт акты почерпают главную силу. По Гуссерлю, во всяком воспринимающем со-

знании есть то особенное, что оно есть сознание *живого телесного самоприсутствия индивидуального объекта* [4, с. 119]. Однако человек не есть нечто данное в восприятии: он есть особая целостность как одновременно данный с «восприятием» результат осмысления. «Человек» формируется в структурах сознания. Сознание синтезирует, образует и, можно сказать, впервые рождает единство человека. Особенность этого «понятийно-формирующего» принципа познания человека в том, что он образуется «не через движение от единичного через особенное ко всеобщему», не через родовые понятия, не индуктивно и не дедуктивно, а через «коренное отличие от всего повторяющегося, от единичного, особого, всеобщего посредством своеобразного скачка мысли к неповторимо-единственному» [5, с. 234].

Феноменологическая задача в антропологии состоит в извлечении человека из мысленной немоты и попытке без искажения выразить его собственный смысл. В этом плане человек у Гуссерля предстает смысловым горизонтом – всецело видится в призме смысла и просматривается в единственности конкретно-трансцендентальных структур, корреляций и значимостей. Исходя из этих методологических предпосылок, феноменологическая антропология Э. Гуссерля выстраивается в описании цельно-единой, но троичной структуры человека – телесности, души и духа. Естественно, эти структуры получают своеобразное интенциональное наполнение.

Что касается тела, то оно осмысляется Гуссерлем существенной структурой мира – «конституирование человеческого тела» оказывается важнейшей темой, впервые открывающей перспективу понимания смысла «телесности» космоса и бытия как целого. Согласно Гуссерлю, для конституции мира тело играет центральную роль, роль ядра («*Kern-Rolle*»). Благодаря телу, его органам, ощущениям, восприятиям человек непосредственно, жизненно, действительно соприкасается с миром, осваивает и своеобразно его познает. Этот опыт относительно мира ничем другим невозможным, незаменим. Если вообразить себе разумное существо с другим телом, другими органами чувств, то и мир, осваиваемый таким существом, предстанет иным (хотя бы это был тот же космос, та же планета Земля). Во всяком случае история мира сложилась бы иначе, чем история человечества.

В конструкции Гуссерля «мое» тело даже именуется «*Ursache*», т.е. буквально «первовещь» – в том смысле, что изначально только благодаря «опыту тела» человек способен узнавать о других

вещах и о телах других людей. «Мое тело, – пишет Гуссерль, – это личностная центральная вещь (*Zentralding*), по отношению к которой упорядочены все другие пространственные объекты; и оно – центр моей телесной деятельности, касающейся меня самого или касающейся других людей. Через мое тело все непосредственные или опосредованные личностные воздействия входят в пространственный мир. Взятое в целостности, оно – нуль всякого ориентирования. В этом смысле оно – абсолютное “Здесь” для всякого “там”; или: мое тело – это само “Здесь”» [5, с. 240]. При этом понятия «здесь» или «теперь» не имеют «самого по себе» объективистского реального наполнения. Смысл этих слов сам уже предполагает присутствие какого-либо существа: любое присутствие, наличие – это прежде всего определенное положение человеческого тела «здесь».

«Тело человека (*Leib*), – пишет Гуссерль, – первоначально конституируется как нечто двойственное: с одной стороны, оно – физическая вещь, материя; у него есть протяженность, в которую входят его реальные свойства, такие как цвет, гладкость, жесткость, теплота и другие подобные материальные свойства; с другой стороны, я “им” (телом) и “в” нем (в теле) что-то ощущаю: тепло при рукопожатии, холод в ногах, ощущения соприкосновения с чем-либо в кончиках пальцев... И таким способом мое тело, вступая в физические отношения с другими телами (удар, явление, столкновение и т. д.), вообще доставляет не только опыт физических событий, относимый к телу человека и к вещам, но такие специфические события (человеческой) телесности (*Leibesvorkommnisse*), которые мы и называем событиями ощущения (*Empfindnisse*). Такие события отсутствуют в случае “чисто” (*bloß*) материальных вещей» [5, с. 238]. Как видно, что феноменологический анализ антропологичен. Во второй книге «Идей» Гуссерль анализирует также и события ощущения с «темными побуждениями», с чувствами, которые, как «побуждения низшего этажа» «гнездятся» именно в теле. Это относится к пониманию антропологически значимой проблемы воли. Особого внимания заслуживают зрительные и слуховые ощущения, их взаимосвязь, переплетение с осязанием, обонянием. По Гуссерлю, если бы человек был только видящим или только слышащим, он не смог бы познавать в опыте никакой телесности. «Субъект, который обладал бы одним лишь зрением, не смог бы располагать телом, данным в явлении» [5, с. 239]. Он не мог бы сказать: «Это – мое тело». Анализ различия «локализации» и «кинестезии» также при-

дает понимание пространственной структурализации человеческого тела в мире. «Локализация человеческого тела, как и сознание такой локализации, – согласно Н. Мотрошиловой, – от простейшего ощущения “я – здесь” до более сложных форм – является предпосылкой перемещения феноменологического анализа по ступеням, ведущим к тому качеству человеческой жизнедеятельности, которое определяется как наделенность “душой”, “духовностью”» [5, с. 239]. Здесь феноменологическая интуиция совершает перемещение по последовательным ступеням анализа: тело как орган воли и носитель свободного движения, благодаря чему совершается переход к истолкованию некоторых свойств человеческого тела как невещественных.

Вместе с тем человеческое тело наделяется в феноменологии духом и душой. «Уже в простейших проявлениях, движениях, свойствах человеческого тела можно обнаружить зародыши их “одушевленности”, а также истоки и предпосылки “духовности”, которая является наиважнейшей стороной человеческого, “персонального” мира» [5, с. 241]. Различая природное и духовное, феноменологическая антропология Гуссерля не только пытается осмыслить единственность рациональной структуры мира, наводя мосты между отдельными его мирами, но главное – обосновать единую модель науки, «учитывающей “внутреннюю” встроенность субъективности, духовности в образ того мира, в котором реально, фактически живет и действует человек» [5, с. 242].

Феноменологическое понятие души, реабилитированное Гуссерлем, также представляется антропологически существенным. Оно относится к проблематике человеческого тела и его конституции. Подструктуры, заключенные в обобщающем (и тоже структурирующем) понятии души «das Seelische» Гуссерль описывает так: «В известном смысле понимание человека проходит через явление [физического] тела (Körper), которое является [особым] телом, Leib. Оно в известном смысле не останавливается на теле как таковом (Körper) – не на него нацелено это понимание, как бы проходящее сквозь тело. Понимание также ориентировано не на связанный с телом дух, а на [все] человека. И понимание человека, понимание вот этой личности, которая, скажем, танцует и с удовольствием смеется или аплодирует, или ведет со мной научную дискуссию и т.д. – это не понимание духа, который в плену у данного тела, а постижение чего-то, что реализуется через посредство (durch das Medium) телесного проявления, что существенным образом включает в себя

эти телесные проявления и конституирует некоторый объект, о котором я могу сказать: он обладает (hat) человеческой телесностью (Leiblichkeit)» [6, с. 240]. С помощью понятия «душа» Гуссерль стремится вычленивать, суммарно охватить структуру, помечающую ту специфическую особенность жизнедеятельности человека, которая отличает его от тел природы и от чисто духовной составляющей человеческого бытия. При этом фундирующей структурой по отношению к тому, что суммарно охватывается словом «душа» «das Seelische», является особая телесность человека «Leiblichkeit».

Что касается высшей ступени человека, охватываемой понятием «дух», то это не «высший этаж» индивидуальной духовности человека. Он фиксирует, обобщает множественные, разветвленные по содержанию структуры, выделяемые, описываемые и синтезируемые на общем пути нового объяснения мира и человека [5, с. 245]. При этом важным оказывается то, что именно из духа как «предданного мира в качестве повседневности», или «жизненного мира», происходит истолкование телесности, мира как целого и самоистолкование. Дух оказывается не рядоположным, а сплавленным с вещной и телесной природой: то же и человек – именно как неотделимый от смысла он есть «духовное живое существо» (die geistigen Lebewesen) [6, с. 239]. В случае государства, народа, объединения, множество человеческих тел находятся во взаимной коммуникации, которая требует прямых или опосредованных контактов. То, что относится к этому, наполнено смыслом. Всякое тело имеет свой дух, но все они, сверх того, охвачены общественным духом, который не наряду с ними, но является охватывающим их «смыслом» или «духом». Это объективность «высшей ступени» [6, с. 243]. Как верно замечает Н.В. Мотрошилова, в своей антропологии Гуссерль выводит феноменологию «в сферу изначального, фундаментального социально-исторического анализа и окружающего мира, и сущности человека». «Это фундаментальный анализ, который осмысливает духовные объекты, все единства человеческого тела (Leib) и смысла, а следовательно, не только отдельных людей, но человеческие сообщества, все культурные формообразования, все индивидуальные и социальные творения (Werke), институты и т.д.» [5, с. 246].

Исходя из вышесказанного, можно констатировать: гуссерлевское антропологическое понимание исходит из интуиции телесно-душевной конкретности человека, являющейся центром возможности единого мира, природы, опыта, абсолютно «согласованного», скоррелированного с его со-

держательностью. В решении антропологического вопроса феноменология исходит из «уже бытия» человека, описываемого в конкретности его структур. При этом характеристики целостности и конкретности являются основополагающими. Структуры человека – тело, душа, дух – предстают органически спаянными и неделимыми. Только их, схваченная в очевидности целостность образует человека, не подлежащего феноменологическому расчленению и «фрагментаризации» [7]. Их внутренняя феноменологическая связность есть гарант их принципиальной невыводимости ни друг из друга (в любой последовательности), ни их вместе, ни по отдельности из Природы, не соответствующей всей антропологической полноте. Вот почему, на наш взгляд, данная антропология, исключая эволюционизм, подразумевает мгновенность появления человека, поскольку сущностное самосмотрение его оригинальной самоданности фиксирует одновременность уникального многообразия его единства.

Человеческая субъективность предстает в меду самосознания и никогда неотделима от перманентного аспекта «духовного» самоистолкования. По Гуссерлю, «чтобы узнать, что такое человек или что такое я сам как человеческая личность, я должен вступить в бесконечность опыта, в котором я узнаю себя все с новой стороны исходя из все новых и новых свойств, и все совершенней и совершенней» [6, 104]. В соответствии с феноменологической антропологией человек есть феномен – «опыт меня самого» изнутри ноэтического единства сознания, то текуче-постоянное «живое настоящее», в котором я схватываю себя целиком и полностью. Феноменологическая антропология Э. Гуссерля таким образом заключается в Прямом и Непосредственном Самопознании, никогда не «выходящим за» человека. Выяснение антропологического вопроса оказывается мировоззренческой артикуляцией, поскольку познание человека – самоистолкование, вера, прояснение, интерпретация – это по необходимости уже предельно-семантическое Наделение изнутри Библиотеки личного Знания, Культуросознания, Дома.

Литература

1. Зотов А. Ф. Проблема человека у «позднего» Гуссерля // Буржуазная философская антропология XX века. М., 1986.

2. Иванова-Георгиевская Н. А. Феноменологические идеи Э. Гуссерля как предпосылка онтологической экспликации игры О. Финком и Г.-Г. Гадамером // Феноменология I мистецтво. Щорічник. 2002–2003. Киев, 2005.

3. Мухутдинов О. Трансцендентальные основания феноменологии // Топос. 2006. № 1 (12).

4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1 / пер. с нем. А.В. Михайлова; вступ. ст. В.А. Куренного. М., 2009.

5. Мотрошилова Н. В. «Мир» как проблема поздней феноменологии Эдмунда Гуссерля // Историко-философский ежегодник. М., 2008.

6. Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Zweites Buch // Husserliana: Gesammelte Werke. Den Haag, 1952. Bd. IV.

7. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2004.

References

1. Zotov A.F. *Problema cheloveka u «pozdnego» Gusserlya Burzhuaznaya filosofskaya antropologiya XX veka* [The Problem of Man at the "late" Husserl. Bourgeois Philosophical Anthropology of XX century]. Moscow, 1986.

2. Ivanova-Georgievskaya N.A. Fenomenologicheskie idei E. Gusserlya kak predposylka ontologicheskoi eksplikatsii igry O. Finkom i G.-G. Gadamerom [Phenomenological Ideas of Husserl as a Premise of the Ontological Explication of the Game of G. Fink and G.-G. Gadamer]. *Fenomenologiya I mistetstvo. Shchorichnik. 2002–2003*. Kiev, 2005.

3. Mukhutdinov O. Transtsendental'nye osnovaniya fenomenologii [Transcendental Phenomenology Grounds]. *Topos*, 2006, no 1 (12).

4. Gusserl' E. *Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii* [Ideas to Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy]. Book 1. Tr. from German by A.V. Mikhailov; Intoduct. Article of. V.A. Kurennoy. Moscow, 2009.

5. Motroshilova N. V. «Mir» kak problema pozdnei fenomenologii Edmunda Gusserlya [“World” as a Problem of Late Phenomenology of Edmund Husserl]. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik*. Moscow, 2008.

6. Husserl E. *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Zweites Buch. Husserliana: Gesammelte Werke*. Den Haag, 1952. Bd. IV.

7. Gusserl' E. *Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya* [Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology]. Saint Petersburg, 2004.

УДК 101.1

DOI 10.18522/0321-3056-2015-4-18-21

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ КАК ОДНО ИЗ ЯВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ ИСЛАМСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ВЛАСТИ

© 2015 г. С.В. Юшина

Юшина Светлана Владимировна – кандидат философских наук, старший преподаватель, кафедра истории и культурологии, Донской государственной технической университет, пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344000. E-mail: yushinasv@mail.ru

Yushina Svetlana Vladimirovna – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer, Department of History and Culturology, Don State Technical University, Gagarina Sq., 1, Rostov-on-Don, 344000, Russia. E-mail: yushinasv@mail.ru

Рассматривается политическая теология как развитие или деградация физиогенной религиозности, рождающаяся в результате коммуникаций человека с природой, в своих многочисленных проявлениях. Мифорелигиозные идеи настолько глубоко входят в сознание человека, что становятся совершенно обыденными, обуславливающими такое «критическое» и «рациональное» восприятие реальности, в котором религиозные постулаты и догмы находятся вне критики и воспринимаются как нечто само собой разумеющееся.

Ключевые слова: политическая теология, концепция власти, исламизм, христианизация, исламская модель государства, демократическая модель.

The political theology is considered as the development or degradation of physiogenetic religiosity as a result of human communication with nature in its numerous manifestations. Mythological-religious ideas are so deeply included in human consciousness that they become quite commonplace, making such “critical” and “rational” perception the reality, in which religious tenets and dogmas are beyond criticism and perceived as granted.

Keywords: political theology, the concept of power, Islamism, Christianization, the Islamic State model, the democratic model.

В условиях наступающего геополитического кризиса, захватившего Ближний Восток и практически весь цивилизованный мир, особым смысловым содержанием наполняются многие понятия современного мира, такие как политическая теология и возникшие сравнительно недавно современные концепции власти в мире ислама.

Политическая теология как развитие или деградация физиогенной религиозности, рождающаяся в результате коммуникаций человека с природой, в своих многочисленных проявлениях существовала, вероятно, с самого начала человеческой цивилизации, так как всегда имелся соблазн применения религиозных норм и правил для политического управления, но предметом изучения она стала сравнительно недавно, в первой половине XX в.

Как принято считать, термин «политическая теология» впервые был использован К. Шмиттом, профессором юриспруденции в Германии [1].

Особый интерес может представлять научный взгляд на отношение политического к теологии. А для этого прежде всего необходимо знать, что же К. Шмитт понимал под политическим. Следуя его мысли, политическое можно определить, обнаружив и установив специфически политические категории. Политическое, по Шмитту, имеет свои собственные критерии, которые могут действовать в противоположность различным, относительно самостоятельным предметным областям челове-

ского мышления и действия, в особенности в противоположность моральному, эстетическому, экономическому. Если так, то политическое должно основываться на своих, свойственных лишь ему предельных различиях. К примеру, в области морального – это «доброе» и «злое»; в области эстетического – «прекрасное» и «безобразное», в экономической – «полезное» и «вредное» или «рентабельное» и «нерентабельное». Вопрос, по Шмитту, состоит в том, есть ли такое же, не зависящее от приведенных предельное различие в области политического? И его ответ – да, есть такой критерий политического. Специфически политическое различие, как он считает, к которому можно свести политические действия и мотивы, – это различие «друга» и «врага» [2].

Политическая теология – это прежде всего набор религиозных доктрин, которые используются в политических целях. Она, как ныне считается, имеет дело с основаниями политического в религии и с религией как источником политического порядка. Предполагает непосредственное и сущностное единение-связь между политическим и религиозным [3].

В этом отношении нам следует различать политическое содержание религиозных документов, священных текстов и политику религиозных сообществ. Священные тексты, в которых проповедуется любовь к ближнему, но концептуально заложено разделение людей на (теологических) друзей и врагов,

фактически являются политическими текстами. Однако даже если текст не несет в себе такого деления, то религиозная организация может по-своему трактовать его и определить друга и врага, т.е. стать политической независимо от неополитического текста.

В последнее время религия в лице соответствующих религиозных организаций формирует свой рациональный дискурс, претендующий на доминирование и тотальность не только в политической сфере, но и в сфере науки. Создается ситуация, когда мифорелигиозные идеи настолько глубоко входят в сознание человека, что становятся совершенно обыденными, обуславливающими такое «критическое» и «рациональное» восприятие реальности, в котором религиозные постулаты и догмы находятся вне критики и воспринимаются как нечто само собой разумеющееся [4].

Допустив однажды теологию к проблеме легитимизации государства и государственной власти, мы получим агента влияния на все сферы социальной жизни, в том числе и на независимую пока от теологии науку. Введение бога в науку закономерно приведет к изменению топологии научной рациональности, доступу в научную сферу областей знаний, ранее не считавшихся научными. Нельзя исключить того, что изменение топологии научной рациональности, которое закономерно сделает бога «другом», не привнесет в науку категорию противостоящего ему «врага», как это и положено для политико-теологической науки.

Исходя из анализа ключевых факторов, влияющих на развитие и распространение современной исламской концепции власти, необходимо дать определение понятию власти и обратить внимание на социальные и политические процессы, происходящие в первом и втором десятилетии XXI в.

Если говорить о власти применительно к исламу, то он использует иную психологию власти, нежели римские государственные и правовые традиции, его власть основана прежде всего на насилии. Если же говорить о государственной власти, то она священна – этот мотив последовательно утверждает сакральность исламской культуры. Ислам в отличие от христианства – не только религия, идеология, этика и мораль, но и право [5].

Во второй половине XX в. исламизм явился реакцией на провал разного рода национальных, «социалистических», западноориентированных рыночных моделей развития. Его идеология глубоко социальна, что сообщается с его религиозной культурой и претензиями на разрешение светских проблем. Именно в данном ключе и возникают такие понятия, как «исламская экономика» и «исламское государство» [6].

При всем размахе новейших явлений в мире ислама для них до сих пор не существует общепринятого обозначения. Вероятно, можно вести речь о попытке вторичной исламизации ислама в странах мусульманской культуры на рубеже XX – XXI вв. «Вторичность» феномена заключается в том, что современный опыт вторичной исламизации тяготеет к общественно-политической сфере, а не к религиозно-богословской, к области идеологии, а не к области духовного самоуглубления веры. Это не значит, что новейшие тенденции в мире ислама совсем лишены теологической глубины [7]. Именно новейшие общественно-политические течения, выступающие под флагом ислама, привели к саморасширяющемуся насилию и вырождаются в серию подобных действий по дестабилизации существующих государственных образований.

Уход религии в частную сферу является незыблемым достижением современного мира, экспансия политических групп, провозгласивших исламское государство, ставит под вопрос многие истины. Чисто внерелигиозные политические идеи все менее становятся востребованы в мире религиозных возрождений. Придавленное гонениями в тоталитарных странах христианство и сдерживаемое ранее, при колониализме, мусульманство вновь набирают свою силу. Похоже что и традиционные межцивилизационные противостояния в XXI в. будут строиться в значительной мере через призму межрелигиозных отношений. В этом смысле наиболее характерными цивилизациями, исповедующими деизм в той или иной форме в XXI в., безусловно, надо назвать мир западный и мир мусульманский. Взаимоотношения христианства и мусульманства никогда не были мирными, да и не могли быть такими, потому что взаимно исключают друг друга в самых существенных пунктах своего учения [7].

Ось христианства – это не просто вера в сокровенное Верховное Начало, центр его Богочеловек, откровение Сущего через конкретную Личность, Мессию. Такого не знала ни одна религия, ни одно учение. Еще в древности возникла мысль, что чем выше религия, тем труднее она для человека. К христианству это относится в полной мере. Камнем преткновения стала сама тайна Богочеловечества, что видно на примере главных церковных ересей. Одни сочтут Христа только тварным существом, другие – только Богом. Успехи ислама лишней раз подтвердят, насколько сильным осталось искушение вернуться к более простой религии, где Бог – все, человек – ничто [8].

Ислам возник в начале VII в. н.э., когда христианская церковь переживала период внутреннего

раздора вследствие коррупции, ослабления веры в церковную доктрину. Разочарованным в вероучении церкви ислам предложил новое направление. Этот путь оказался более заземленным в человеческую деятельность. Упор делается не на мистический смысл учения, а на деятельность в мире. Христиан обвиняли за то, что они верят в Иисуса и Троицу как в Бога. Подчеркивалось, что только Аллах является Богом и что он один и один Тот, кто умер в состоянии неверия в Аллаха, лишается надежды на спасение [8].

Подобные утверждения и системы верований были приняты как истинными последователями ислама, так и использовавшими его учение лишь как удобный повод к войне с «неверными». Этот факт способствовал быстрому распространению ислама на всем ближнем Востоке, будучи причиной «священных войн», позволивших исламу завоевать значительные территории. При этом поощрялась национальная гордость и стремление установить господство исламской культуры во всем мире.

Знаменательно, что христианство не породило единой культуры, как ислам. Напротив, чем богаче и разнородней станет жизнь Церкви, тем отчетливее проступают грани христианского творчества, соответствующие определенной среде и эпохе. Роль связующего стержня выполняет вероучительные формулы и канонический строй общин. Ислам же представляет собой не только религиозную доктрину, подобно христианству, но вместе с тем государственную систему.

Исламская модель государственного устройства основана на шариате – системе исламского права. Особенностью шариата является то, что он базируется на двух сборниках текстов: во-первых, на Коране, который признается творением Аллаха, переданным мусульманам через пророка Мохаммеда, и таким образом является результатом божественного откровения, во-вторых, на Сунне, где описываются жизнь и деяния пророка Мохаммеда. Шариат для мусульман – божественное право, основанное на толковании этих текстов. Он выступает в качестве основы исламского права в целом и даже больше. В шариате заключены этика, мораль, духовная цель жизни верующего, даже правила хорошего тона. Внесение любых изменений в шариат приравнивается к ереси и во многих исламских странах карается уголовным преследованием.

Эта недоступность шариата для изменений, безусловно, является одной из особенностей традиционного ислама, удерживающих исламское государство на некоторой дистанции от основных течений мировой политики. Тем не менее успешно

идет выработка и формирование иной исламской модели государственного устройства – реформистской, рассмотрение которой продолжит наше исследование.

Исламские правоведы, являющиеся сторонниками реформистской системы исламского государственного устройства, например, суданский ученый и правозащитник А. А. Ан-Наим, предлагают провести реформу шариата, не посягающую на основы ислама. Суть предложения состоит в следующем [9].

Явное противоречие, проникшее в самую сущность модели исламского государства, заключается в том, что шариат необходим для его существования, с одной стороны, но его принципы уже не могут быть безболезненно реализованы – с другой. Ортодоксальность и жесткость системы государственного устройства в исламской модели, по мнению Ан-Наима, объясняется не священными текстами, а несовершенством их толкований. Тексты Корана и Сунны, которые сотни лет служили надежным источником закона для исламских государств, теперь являются устаревшими, не удовлетворяющими требованиям времени. Ан-Наим предлагает заменить стихи, используемые до настоящего времени, на другие, более подходящие. Подчеркивая то, что предлагаемая реформа не посягает на основы ислама, Ан-Наим цитирует Коран: «Аллах сказал: “Всякий раз, когда Мы отменяем стих или заставляем его забыть, Мы приводим лучший, чем он, или похожий на него”» [9].

Основная задача реформы модели исламского государства – показать, что шариат не является правом, установленным самим Аллахом. Аргументация идет следующим образом: людям через Мохаммеда был передан только Коран. Шариат – лишь интерпретация священных текстов, проведенной ранними исламскими правоведом, т. е. людьми, что подтверждает его человеческое, а не божественное происхождение. Такая расстановка ударений принципиальна для реформистского ислама.

Отметив для себя этот немаловажный фактор, необходимо упомянуть и о том, каковы требования, предъявляемые демократической и исламской моделями к государству. Основное требование демократической модели можно сформулировать следующим образом: принципы свободы, равенства и парламентаризма должны быть не только целью государства, но и средством достижения этой цели. Власть для демократии – не что иное, как доверие народа к своим представителям [10].

Основное требование исламской модели – принципы нравственности должны реализовываться любой ценой и во всех областях общественной

жизни. Традиционный ислам призывает рассматривать власть как доверие Аллаха, которое нужно использовать, помня, что за все свои поступки ты будешь отвечать перед ним в этой и в грядущей жизни. Важнейшим отличием ислама от других крупнейших мировых религий является то, что в сознании верующих мусульман изначально присутствовала уверенность в единстве государства и религии.

В своей работе «На пути к исламской реформации», посвященной проблемам ислама и исламского государства в современную эпоху, Ан-Наим утверждает, что ислам в принципе совместим с демократическим государственным устройством. Для этого следует лишь осознать, что главное не в том, насколько мусульманин стремится быть верным основам ислама, а в том, какое политическое и юридическое выражение принимает сегодня это стремление. Даже сама постановка вопроса: совместим ли ислам с современным политическим (т. е. демократическим) развитием? – уже не удовлетворяет современным условиям. Нужно ставить, говорит Ан-Наим, более универсальный вопрос: «Какой ислам и как совместим с современным политическим развитием мусульманского мира и необходим для него?» [9].

Итак, отличие исламской модели от демократической состоит в отношении к правовой системе как к базису государственного устройства, что наиболее ярко проявляется в степени ее открытости. В системе координат гражданина неисламского государства, исламская модель, благодаря закрытости своей правовой основы, оценивается как недемократичная. Но несмотря на труднодоступности шариата для изменений извне, можно заключить также, что и шариат не является до конца закрытым.

Образ исламского государства как жестко детерминированного религиозными факторами, чуждого демократии и развитию вообще, во многом следует считать стереотипом (нужно добавить, что схожие стереотипы встречаются и в среде мусульман). Но, как свидетельствует опыт реформистского ислама, и в теории, и на практике существуют легитимные с точки зрения шариата методы, которые позволят сделать его более гибким и, следовательно, более соответствующим современным политическим условиям, сложившимся в мире, более близким к демократическим принципам государственного строительства.

Литература

1. Шмитт К. Политическая теология: пер. с нем. М., 2000. 336 с.

2. Brecht A. *Political Theory: The Foundations of Twentieth-Century Political Thought*. 1959.

3. Легойда В.Р. «Гражданская религия» в США: генезис и основные характеристики // Государство, церковь, религия в России и за рубежом. 1999. № 4. С. 88–101.

4. Исламская интеллектуальная альтернатива в XX веке / под общ. ред. Г. Джемала. М., 2005. С. 88.

5. Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005. С. 105.

6. Левин З.И. Реформа в исламе. Быть или не быть? М., 2005. С. 11.

7. Малащенко А.В. Исламская альтернатива и исламистский проект. М., 2006. С. 44–45.

8. Степанянц М.Т. Мусульманские концепции в философии и политике. XIX–XX век. М., 1982. С. 75.

9. Ан-Наим А.А. На пути к исламской реформации: пер. с англ. / отв. ред. Д. Фурман. М., 1999. 284 с.

10. Сюкияйнен Л.Р. Ислам против ислама. Об исламской альтернативе экстремизму и терроризму // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 3. С. 86–98.

References

1. Shmitt K. *Politicheskaya teologiya* [Political Theology]. Trans. from German. Moscow, 2000, 336 p.

2. Brecht A. *Political Theory: The Foundations of Twentieth-Century Political Thought*. 1959.

3. Legoida V.R. “Grazhdanskaya religiya” v SShA: genезis i osnovnye kharakteristiki [“Civil Religion” in the United States: Genesis and Main Features]. *Gosudarstvo, tserkov', religiya v Rossii i za rubezhom*, 1999, no 4, pp. 88–101.

4. *Islamskaya intellektual'naya al'ternativa v XX veke* [Islamic Intellectual Alternative in the XX Century]. Ed. G. Dzhemal'. Moscow, 2005, p. 88.

5. Landa R.G. *Politicheskii islam: predvaritel'nye itogi* [Political Islam: Preliminary Results]. Moscow, 2005, p. 105.

6. Levin Z.I. *Reforma v islame. Byt' ili ne byt'?* [The Reform in Islam. To Be or Not to Be?]. Moscow, 2005, p. 11.

7. Malashenko A.B. *Islamskaya al'ternativa i islamistskii projekt* [The Islamic Alternative and the Islamist Project]. Moscow, 2006, pp. 44–45.

8. Stepanyants M.T. *Musul'manskie kontseptsii v filosofii i politike. XIX–XX vek* [The Muslim Concept in Philosophy and Politics. XIX–XX Centuries.]. Moscow, 1982, p. 75.

9. An-Naim A.A. *Na puti k islamskoi reformatsii* [On the Way to Islamic Reformation]. Transl. from Eng.; ed. D. Furman. Moscow, 1999, 284 p.

10. Syukiyainen L.R. *Islam protiv islama. Ob islamskoi al'ternative ekstremizmu i terrorizmu* [Islam Against Islam. On Islamic Alternative to Extremism and Terrorism]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*, 2002, no 3, pp. 86–98.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.334.3

DOI 10.18522/0321-3056-2015-4-22-27

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА*

© 2015 г. Г.С. Денисова, Д.Г. Валуев

Денисова Галина Сергеевна –
доктор социологических наук, профессор,
кафедра исторической политологии,
Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: denigs@aanet.ru

Denisova Galina Sergeevna –
Doctor of Social Sciences, Professor,
Department of Political Science,
Institute of History and International Relations
of the Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: denigs@aanet.ru

Валуев Дмитрий Георгиевич –
магистрант, кафедра исторической политологии,
Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: dima.valuev.1992@mail.ru

Valuev Dmitrii Georgievich –
Master's Degree Student, Department of Political Science,
Institute of History and International Relations
of the Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: dima.valuev.1992@mail.ru

Рассматриваются проблема формирования гражданской активности и патриотизма, концептуализация исторического образования с точки зрения его направленности на формирование основных компонентов политической культуры – когнитивного, аксиологического и деятельностного. На основе анализа стандартов исторического образования 2004 и 2012 гг., а также результатов социологического опроса учащихся старших классов г. Ростова-на-Дону показывается воспроизводство отечественной традиции формирования ценности государства и его патерналистской роли по отношению к обществу и гражданину, соответственно – сохранение традиционного понимания гражданственности как служения государству.

Ключевые слова: политическая культура, гражданственность, патриотизм, историческое образование, государство, гражданские права, патернализм, активизм, ценности.

The article investigates the topical issue of civic identity and patriotism shaping. The authors examine conceptualization of historical education from the perspective of its being aimed at shaping the main components of political culture – cognitive, axiological and performative. Being based on the analysis of historical curriculum standards of 2004 and 2012 and on the result of sociological survey among high school pupils in Rostov-on-Don, the article demonstrates that national tradition of comprehending state values and state paternalistic role towards the society and the citizen is reproduced. Consequently, the traditional understanding of citizenship as serving the state is preserved.

Keywords: political culture, civic mindedness, patriotism, historical education, state, civil rights, paternalism, activism, values.

Системные реформы в последние два столетия в любом европейском государстве провоцировали обострения политического интереса к интерпретации истории. Не случайно высказывание «История – это политика, опрокинутая в прошлое» приобрело статус крылатого афоризма. В Российском государстве эта ситуация осложняется глубиной политических преобразований. В этой связи проблема содержательного наполнения курса отечественной

истории в школе волнует политиков, включая первых лиц государства [1, 2], различные слои общества и ученых [3–5]. Результатом обсуждения этой проблемы в обществе стал новый образовательный стандарт по преподаванию истории в средней школе, который был принят в конце 2014 г. и включает в себя «...принципиальные оценки ключевых событий прошлого, основные подходы к преподаванию отечественной истории в современ-

* Статья подготовлена в рамках проекта Распределенного научного центра межнациональных и межконфессиональных отношений «Мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации; анализ проблем этнокультурного и исторического образования; анализ языковой политики в регионах Южного федерального округа» (научный руководитель – академик В. Тишков). Госзадание № 213.01.- 11/2015-2.

ной школе с перечнем обязательных для изучения тем, понятий и терминов, событий и персоналий, призван содействовать формированию единого культурно-исторического пространства РФ» [6]. В 2015/16 учебном году учащиеся средней школы начнут изучать историю России по учебным пособиям, которые разрабатывались на основе данного стандарта. Преподавание истории направлено на решение важнейшей задачи социализации – формирование политической культуры и патриотического чувства. Однако в российской культуре на протяжении последних нескольких столетий существует противоречие между бесспорностью эмоционального чувства любви к Родине и рационально-критическим отношением к институтам государственной власти, которые не создали достаточных условий для развития личностных свобод и инициатив.

Это противоречие не снято до настоящего времени и поэтому сам конструкт политической культуры предполагает уточнение: он имеет подданическое или гражданско-активистское содержание. Известные теоретики политической культуры Г. Алмонд и С. Верба выделили в ней совокупность аксиологических, когнитивных и поведенческих установок и ориентаций. И по этим позициям определили два ведущих типа: подданический и партисипаторный (гражданский, активистский). Первый характеризуется приоритетом государства над гражданином, осознанием и согласием гражданина с невозможностью какой-либо индивидуальной или групповой активности вне поля государственных инициатив; второй – высокий уровень гражданской грамотности, политической автономности граждан по отношению к политическим институтам, ответственности гражданина за политику государства и потому – рациональная критика этой политики, формирование партнерских отношений с государством через институты гражданского общества [7, с. 117–119]. Добавим также, что такой подход к типологии политической культуры укоренен в европейской интеллектуальной традиции отделения государства от общества, автономизации гражданина по отношению к государству.

Содержание учебников по курсу истории страны через интерпретацию ключевых исторических событий, которые эмоционально насыщены, задает тот или иной конструкт соотношения государства и гражданина, принцип патернализма или партнерства, формирование индивидуальной или коллективной ответственности за политические события. Сравнительный анализ учебных пособий по курсу

истории и политической конъюнктуры в разных странах показывает, что содержание исторического образования находится в прямой зависимости от политических действий элит, которые ориентированы в первую очередь на решение политических проблем, но не на отображение исторических реалий [8]. Стандарты исторического образования в последнее десятилетие не отрефлексированно совмещают традиционное понимание «патриотизма» (не только как эмоциональной привязанности и любви к Родине, но и как преданного служения государству) и гражданственности, концепт которой базируется на Конституции РФ, полностью соответствует европейскому пониманию индивидуализированной ответственности и политического активизма.

В частности, в образовательных стандартах первого поколения для среднего образования (2004 г.) в качестве центральной задачи школьного курса истории было выдвинуто «*воспитание патриотизма, уважения к истории и традициям нашей Родины, к правам и свободам человека, демократическим принципам общественной жизни*» [9]. В образовательном стандарте по истории, принятом в 2012 г., более развернуто отображены принципиальные позиции исторического образования, на основе которых можно выделить формируемый конструкт гражданской культуры. Согласно этому документу, история России должна отражать: во-первых, «*...российскую гражданскую идентичность, патриотизм, уважение к своему народу, чувства ответственности перед Родиной, гордости за свой край, свою Родину, прошлое и настоящее многонационального народа России, уважение государственных символов (герб, флаг, гимн)*»; во-вторых, «*... гражданскую позицию как активного и ответственного члена российского общества, осознающего свои конституционные права и обязанности, уважающего закон и правопорядок*»; в-третьих, «*... готовность к служению Отечеству, его защите*» [10].

Данный стандарт более детализировано определяет задачи исторического образования. В нем четче прослеживается «политический заказ» на формирование политической культуры со смещением в сторону подданничества, так как идет ориентация на преобладание государственных интересов над частными, уважение к государственному прошлому и настоящему, культивируется идея активной деятельности во благо Отечества.

Перед историческим образованием ставятся задачи, чтобы изложение материала формировало «у учащихся ценностные ориентации, направленные

на воспитание патриотизма, гражданственности». «...Одной из главных задач школьного курса истории является формирование гражданской общероссийской идентичности...», – подчеркивается в стандарте. Эти положения подтверждают его историко-культурную взаимосвязь с предыдущими стандартами.

Конкретизация и детализация образа государства и его роли в истории прослеживается с первого параграфа методологических рекомендаций по истории древнерусского государства [10]: «... восточные славяне, а также ряд финноязычных народов, обитавших на Восточноевропейской равнине, были объединены под единой княжеской властью, под главенством одной династии...». Здесь показывается роль элиты, существующей на принципе кровного родства. В том же разделе, в контексте упоминания раздробленности на Руси указывается: «... продолжало существовать представление о формальном единстве Руси, о Киеве как общерусской столице, о главенстве киевского князя («князя всея Руси») над всеми Рюриковичами». Объединительная тематика сохраняется и далее. К примеру, проблема образования единого Российского государства с конце XV по XVII в. представлена следующим образом: «... создание единого централизованного Российского государства, в рамках которого под властью московских государей были собраны русские земли».

Роль государства акцентируется в более поздних периодах отечественной истории. В отношении реформ конца XIX – начала XX в. говорится о том, что «правительственная политика была важнейшим фактором ускорения экономического развития». Здесь делается акцент на роли народа в изменениях: «Судьба реформ во многом зависела от повседневного взаимодействия государства с общественными силами». Помимо этого в данном разделе можно найти рекомендации, которые ориентируют учителя на освещение взаимодействия власти и общества. Однако это взаимодействие – не равноправное сотрудничество, а активная поддержка обществом инициатив государства. Инициатива общественных групп, например, деятельность Хельсинской группы, требующей от государства выполнения подписанных международных конвенций, рассматривается в негативной коннотации, как диссидентство, «поддержанное Западом».

Все рекомендации к преподаванию истории России за XX в. носят двойственный характер: конспективно рассматриваются и репрессии, и гонения за инакомыслие как эпизоды в истории

страны, и такие эпизоды внешней политики, как военные операции СССР в Венгрии и в Чехословакии, реакция на эти события диссидентских групп. Однако этим событиям не дается ни правовой, ни глубокой нравственной характеристики. И главное – они не анализируются в контексте проявлений гражданской активности, попытки установления диалога общества и государства. Иными словами, в новом стандарте исторического образования сохраняется максима доминирования государства по отношению к гражданину и обществу, контроля государством общественных инициатив.

Такое наличие одновременно позиции традиционного патриотизма, которая опирается на сложившиеся советские практики внеаудиторной работы с учащимися, подкрепленные патерналистскими практиками взаимодействия учителей и учащихся, и упоминания необходимости формирования представлений о гражданских правах и обязанностях, размывает четкость конструкта политической культуры. Ответственность за его содержание передается на уровень интерпретации функционеров системы образования, которые часто воспроизводят привычную патерналистскую схему, «отредактированную» в рамках нового демократического тезауруса. Вместе с тем широкая либерализация информационного пространства, институционализация Интернета в качестве важнейшего агента социализации, задает молодежи другие представления, отторгающие патернализм в любых сферах, включая политическую. Тем самым у учащейся молодежи формируются микшированные ценностные установки в сфере политической культуры.

Фрагментарность политической культуры, которая формируется на выходе из школы, показывают социологические опросы. Приведем некоторые результаты пилотного опроса учащихся старших классов г. Ростова-на-Дону, который был проведен в марте 2015 г. коллективом Южно-Российского научно-образовательного центра региональных исследований и социально-коммуникативных технологий Института истории и международных отношений ЮФУ. Всего было опрошено 260 школьников, обучающихся в 9–10-м классах. Инструментарий опроса предполагал выявление следующих компонентов политической культуры: аксиологического (включая интерпретацию патриотизма, символов родины, ценностного отношения к праву и др.), когнитивного, индикаторами которого выступают знание международных и российских документов о гражданских правах, истории утверждения их в РФ и др.; уста-

новки в сфере практики взаимодействия гражданина и государства, важным индикатором которых выступает возможность индивида оппонировать государственным структурам, готовность включаться в гражданские сообщества.

Анализ собранного эмпирического материала позволяет увидеть сохранение примерно у половины опрошенных традиционного единства государства и общества (в поэтических метафорах – «Родины-матери» и «Отечества-государства»). Четвертая часть школьников под родиной понимают уникальность культуры и природы того края, в котором родился человек. Еще 27,6 % родину определяют как территорию, где проходит жизнь человека. Поэтому неудивительна и символика восприятия Родины, сложившаяся у учащихся: 53,8 % ассоциируют родину с природными ландшафтами и животным миром, 44,2 % – с государственными и воинскими символами, и эти группы пересекаются лишь отчасти (на 14,7 %). Но при этом восприятие коллективного «Мы» у основного большинства опрошенных связано с близким «теплым» кругом – родными, друзьями и товарищами, собственным поколением. Только 11,3 % респондентов ассоциируют «Мы» с гражданами всей страны, современниками, 10,3 % – со всем народом России в прошлом и настоящем.

Индикативными вопросами, проясняющими восприятие школьниками роли государства, были открытые вопросы о том, что вызывает чувство гордости или стыда за свою страну. Понятие «страна» было выбрано как нейтральное, включающее в себя и государственные структуры, и ландшафты, и народ вместе с его культурой. Ответы на вопрос относительно чувства гордости показывают, что она сосредоточена преимущественно на полюсе «государства» – это гордость за военные победы и достижения, включая празднование 9 мая (58 %), спортивные достижения (34,3 %), территориальный масштаб (10,1 %), внешнюю политику Президента РФ В.В. Путина (9,1 %), государственную власть (6,6 %). Значительно меньше респондентов указали на «не государственный» полюс – культура и искусство (11,6 %), патриотизм и самоотдача народа (16,2 %), дружелюбие народа (3,5 %). И как альтернатива – чувство стыда формируется на полюсе «общества»: стыд вызывает отсутствие культуры и образования (18,8 %), алкоголизм, наркомания и бродяжничество (13,8 %), криминальная обстановка (9,4 %). У немногих опрошенных возникает стыд и за государство: нарушение прав человека (8,3 %), период советской власти (6,6 %), слабую организацию

медицины (4,4 %), поражения СССР в холодной войне (2,2 %). Иными словами, на уровне культурных архетипов воспроизводится гордость за государство и стыд за общество (человека, гражданина). Наиболее успешными периодами в истории России, по мнению школьников, выступают те, когда государство под руководством сильного лидера добивалось значительных успехов в международных отношениях, – это период Петра I, советский период под руководством И. Сталина, и особенно близкая история – третий период руководства страной Президента РФ В.В. Путина (46,7 %).

Еще один штрих к этому описанию политических представлений добавляет вопрос о характеристиках патриотизма. Основные позиции, которые поддерживаются учащимися, также концентрируются на двух полюсах со смещением к полюсу государственности. Патриотизм – это «бескорыстная любовь и служение государству» (54,4 %), готовность к самопожертвованию для защиты государства (49,7 %), «интересы и цели государства выше собственных» (24,4 %), «стремление трудиться для процветания Родины» (19,7 %). Патриотизм как любовь к национальной культуре, следование обычаям и укладу жизни поддерживается 40,4 %.

Видимо, укорененность в общественном сознании государственности как *ценности* объясняет приверженность школьников доминанте государства. Знакомство с основными российскими и международными документами – Конституцией РФ (1993), Всеобщей декларацией прав человека (1948), Конвенцией о правах ребенка (1989), где закрепляется основополагающая роль гражданина (гражданских прав) по отношению к государству, не влияет на ценностное сознание. Закон и гражданские права остаются на уровне знаниевой компоненты образования, не формируются в качестве ценности, способной регулировать поведенческие установки. В частности, на вопрос о том, при каких условиях возможно ограничение прав граждан, большинство учащихся указали: «Если это нужно для поддержания порядка и стабильности в стране» (49,2 %), «в условиях военных действий» (31,6 %), «если это нужно для расследования преступления» (29,5 %), «если это нужно для борьбы со стихийными бедствиями» (24,9 %), «если это нужно для улучшения материального положения людей» (22,3 %). Все это свидетельствует о том, что и на уровне повседневных практик государственный интерес рассматривается как более высокий по сравнению с гражданскими правами личности. Позиции безусловности защиты граждан-

ских прав отдали предпочтение только 11,9 %. Дилемма служения обществу и критики государства во имя защиты человеческого достоинства и гражданских свобод, которая остро ставилась российской литературой от П. Чаадаева до А. Солженицына, сегодня большинством школьников решается просто: «патриотом не может быть человек, который из-за собственных политических взглядов, выехал за границу» (59,8 %).

Наконец, освещая проблему формирования у школьников установок на гражданскую активность, следует отметить то же расслоение знаний и готовности к деятельности. Учащиеся хорошо осведомлены о формах проявления гражданской активности – волонтерской деятельности, работе в различных общественных организациях, экологических обществах и т.д., но две трети респондентов не участвуют в такой деятельности. Большая часть считает, что гражданская активность должна быть организована органами государственной власти, местного самоуправления и руководителями предприятий. Иными словами, когнитивный компонент, выпадая за рамки ценностного сознания, не мотивирует на социальную активность.

Представленный анализ эмпирического материала позволяет сделать следующие выводы:

– динамика стандартов исторического образования показывает сохранение отечественной традиции формирования ценности государства и его патерналистской роли по отношению к обществу и гражданину; соответственно – сохранение традиционного понимания гражданственности как служения государству;

– анализ культурного компонента гражданской ответственности, который выявлен в коллективных представлениях учащейся молодежи, свидетельствует о синкретизме общества и государства, отождествлении культуры народа и политической формы управления;

– индикатором успешности исторического развития в коллективных представлениях школьников по-прежнему выступает деятельность государственного лидера в сфере защиты интересов государства на международном уровне;

– правовые знания основным большинством школьников не осмыслены с точки зрения производности права от ценности человеческого достоинства. Современный стандарт исторического образования не ориентирован на формирование представлений о проблематичности утверждения гражданских прав в истории и культуре России. Следовательно, он не рассматривает концепт гражданских прав, который положен в основу

Конституции РФ 1993 г. как историческое достижение народов России. Однако без формирования данного ценностного компонента не возможно утверждение политической культуры гражданского (активистского) типа.

Литература

1. Медведев: Россия должна отстаивать историческую правду. URL: <http://www.interfax.ru> (дата обращения: 11.08.2015).
2. Путин одобрил введение единого учебника истории. URL: <http://ria.ru> (дата обращения: 11.08.2015).
3. *Вяземский Е.Е.* Историческая политика государства, историческая память и содержание школьного курса истории России // Проблемы современного образования. 2011. № 6. С. 89–97.
4. *Вяземский Е.Е.* Образовательная политика постсоветской России и реформа общего исторического образования // Проблемы современного образования. 2014. № 3. С. 5–21.
5. *Пронина Е.И.* Особенности воспитания гражданской ответственности и патриотизма в старших классах // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 97–103.
6. Интервью министра образования и науки Дмитрия Ливанова газете «Коммерсант». URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2553829> (дата обращения: 11.08.2015).
7. *Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М., 1989.
8. *Стрелова О.Ю.* Изучая историю, изучаем мифы // История и политика в современном мире: материалы Междунар. науч. конф. (МГГУ им. М.А. Шолохова, 24–25 сентября 2015 г.). М., 2015.
9. Федеральный государственный образовательный стандарт общего образования от 2004 г. / Министерство образования Российской Федерации. М., 2004.
10. Федеральный государственный образовательный стандарт общего образования от 2012 г. URL: <http://минобрнауки.рф/документы> (дата обращения: 11.08.2015).

References

1. *Medvedev: Rossiya dolzhna otstoyat' istoricheskuyu pravdu* [Medvedev: Russia must defend the historical truth]. Available at: <http://www.interfax.ru> (accessed 11.08.2015).
2. *Putin odobril vvedenie edinogo uchebnika istorii* [Putin approved the introduction of a single history textbook]. Available at: <http://ria.ru> (accessed 11.08.2015).
3. *Vyazemskii E.E.* Istoricheskaya politika gosudarstva, istoricheskaya pamyat' i sodержanie shkol'nogo kursa istorii Rossii [Historical State Policy, Historical Memory

and the Content of School Course of Russian History]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, 2011, no 6, pp. 89-97.

4. Vyazemskii E.E. *Obrazovatel'naya politika postsobetskoi Rossii i reforma obshchego istoricheskogo obrazovaniya* [Educational Policy of Post-Soviet Russia and the Reform of History Education]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, 2014, no 3, pp. 5-21.

5. Pronina E.I. *Osobennosti vospitaniya grazhdanstvennosti i patriotizma v starshikh klassakh* [Features of Teaching Citizenship and Patriotism in High School]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2011, no 5, pp. 97-103.

6. *Interv'yu ministra obrazovaniya i nauki Dmitriya Livanova gazete "Kommersant"* [Interview with the Minister of Education and Science Dmitry Livanov to the newspaper "Kommersant"]. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2553829> (accessed 11.08.2015).

7. Almond G., Verba S. *Grazhdanskaya kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranakh* [Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Countries]. Moscow, 1989.

8. Strelova O.Yu. [Studying the History, We Study the Myths]. *Istoriya i politika v sovremennom mire* [History and Politics in the Modern World]. Materials intern. scient. conf. (MGGU named after M.A. Sholokhov, 24-25 September 2015). Moscow, 2015.

9. *Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart obshchego obrazovaniya ot 2004 g.* Ministerstvo obrazovaniya Rossiiskoi Federatsii [The Federal State Educational Standard of Education, 2004. Ministry of Education]. Moscow, 2004.

10. *Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart obshchego obrazovaniya ot 2012 g* [Federal State Educational Standard of General Education from 2012]. Available at: <http://minobrnauki.rf/dokumenty> (accessed 11.08.2015).

Поступила в редакцию

27 октября 2015 г.

УДК 318.38

DOI 10.18522/0321-3056-2015-4-27-32

ТРАНСФОРМАЦИЯ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2015 г. А.А. Иванова

Иванова Анна Алексеевна –
аспирант, кафедра социологии,
Астраханский государственный университет,
ул. Татищева, 20а, г. Астрахань, 414056.
E-mail: aurora@mail.ru

Ivanova Anna Alekseevna –
Postgraduate Student, Department of Sociology,
Astrakhan State University,
Tatischev St., 20a, Astrakhan, 414056, Russia.
E-mail: aurora@mail.ru

Анализируются особенности трансформации брачно-семейных отношений в современной российской семье. Рассматриваются традиционно-патриархальная, советская, спонсорская, бикарьерная, эгалитарная модели брачно-семейных отношений. Но традиционно-патриархальная модель брачно-семейных отношений встречается всё реже. Наблюдается снижение сторонников такой модели. Приводятся доказательства, почему среднюю российскую семью нельзя отнести к эгалитарному типу, и от чего зависит низкий уровень распространённости неопатриархальной и бикарьерной моделей брачно-семейных отношений.

Ключевые слова: гендерная роль, институт семьи, брачно-семейные отношения, провинциальная российская семья, эгалитарные ценности, советская модель, бикарьерная модель, эгалитарная модель, идеальная семья, семейные обязанности.

The article analyzes the features of the transformation of marriage and family relations in modern Russian family. The author examines the traditionally patriarchal, Soviet, sponsorship, bicareer, egalitarian model of marriage - family relations. But traditional patriarchal model of marriage and family relations are becoming increasingly rare. The decline in the number of the patriarchal model of marriage - family relations supporters is obvious. The average Russian family cannot be attributed to the egalitarian type. Low prevalence and neopatriarchal, bicareer models of marriage - family relationships, the author explains in the context of the socio-economic conditions.

Keywords: gender role, the institution of family, marriage and family relations, provincial Russian family, egalitarian values, the Soviet model, bicareer model, egalitarian model, ideal family, family responsibilities.

В период всей истории развития общества у различных народов мира семья имела традиционно-патриархальную модель брачно-семейных отношений, для которой было характерно четкое гендерное ролевое разделение между супругами и детьми при доминирующей роли мужчины, экономическая и материальная зависимость жены и детей от мужа, неприемлемость в общественном сознании и мнении развода и нетипичных форм семейно-брачных отношений, таких как сожитительство. Основными сферами деятельности женщины считались материнство, воспитание детей и ведение хозяйства по дому. Мужчина выполнял роли в профессиональной и общественной сферах, считался главой и кормильцем, связующим звеном между обществом и семьей в целом. Традиционная – патриархальная семья по своему типу семейных отношений и семейного поведения соответствовала нормам и правилам, принятым в обществе, как на формальном, так и на неформальном уровнях.

По мере развития общества и усложнения социальной жизни произошла трансформация традиционно-патриархальной модели семьи, основными факторами этого процесса выступили эмансипация женщин и детей, переход от закрытой к открытой системе заключения брака, роста личностной свободы каждого из членов семьи. Статистические данные по России за последнее время свидетельствуют о снижении показателей заключаемых браков и роста числа разводов. Неофициальные супружеские союзы (сожитительства) становятся всё более распространённым социальным феноменом в европейских странах и в России. Итоги Всероссийской переписи населения в 2010 г. показали, что число супружеских пар по сравнению с 2002 г. сократилось почти на 1 млн и составило 33 млн [1, с. 54]. В настоящее время наблюдаются изменения в сфере семейно-брачных отношений, происходит трансформация института семьи и брака, переход от «традиционного» типа к «современному», сопровождающийся ростом альтернативных форм семейно-брачных отношений. В XX в. в России стали возникать другие типы и модели семейных отношений – советская, эгалитарная, бикарьерная и спонсорская.

Советская модель семейных отношений постепенно вытеснила традиционно-патриархальную и стала основной в 80-е гг. Становлению ее способствовала господствующая марксистская идеология равноправия полов и «социальное раскрепощение» женщины, её выход в профессиональную и общественные сферы наряду с мужчинами, процессы индустриализации и урбанизации. Профессио-

нальный труд женщин стал важным ресурсом социально-экономического развития страны, в массовом сознании населения остались традиционные представления о мужском и женском предназначении, поэтому для большинства «двойная» загруженность женщины профессиональным и домашним трудом соответствовала представлению о равноправии полов.

Для советской модели брачно-семейных отношений характерны «двойная» занятость женщин, декларирование равноправия семейных обязанностей между супругами. Роль мужчины состояла в профессиональной занятости и пополнении семейного бюджета, а на самом деле профессиональная занятость обоих супругов являлась залогом благополучия советской семьи и материальный вклад жены в бюджет семьи зачастую был значительным. Социологические опросы 1970–1980-х гг. показывали, что у женщин, имеющих детей, домашний труд занимал в пять раз больше времени, чем у их мужей [2, с. 34].

Политические, экономические и социальные изменения, произошедшие в России в конце XX в., привели к резкому расслоению общества по доходам, расширили возможности профессиональной самореализации личности в условиях рыночной экономики, становления новой идеологии индивидуализма и личностного гедонизма способствовали формированию новых типов моделей брачно-семейных отношений – эгалитарной, бикарьерной и спонсорской.

В семье эгалитарного типа отсутствует главенство в семье, все вопросы решаются супругами совместно, способы планирования досуга определяются по договоренности, домашние обязанности распределяются равномерно, участие в домашних делах, занятия с детьми осуществляются мужем и женой обоюдно, мужчина и женщина имеют равные права и возможности для самореализации в профессиональной, общественной и семейной сферах.

Для бикарьерной модели характерны отношения, когда оба супруга хотят добиться профессионального роста и не хотят жертвовать своей карьерой ради выполнения семейных обязанностей. Они вносят свои вклады в благополучие и материальное обеспечение семьи, реализуют свой потенциал в профессиональной и общественной сфере и перекладывают выполнение домашних обязанностей на родственников или наемных работников [2, с. 35].

Для спонсорской модели характерно доминирование супруга, он располагает всеми своими

властными полномочиями и материальными ресурсами. Женщина не работает и материально зависит от мужа, но при этом бытовые обязанности перекладываются на наемных работников. Муж спонсирует расходы на поддержание привлекательности жены. Властные полномочия могут осуществляться как мужем, так и супругами совместно. В вопросах проведения досуга, воспитания детей, планирования текущих расходов инициатива может принадлежать женщине. Экономическая несамостоятельность женщины ставит ее в зависимое положение. Данная модель семьи распространена среди семей с высоким материальным достатком мужчины, где муж является представителем экономической элиты, а жена выполняет роль домохозяйки, подтверждая тем самым высокий социально-экономический статус мужа. В данной модели прослеживается сходство с традиционно-патриархальной моделью в позиции неизменной роли «кормильца» для мужчины, однако современные правовые нормы, закрепленные в Семейном кодексе, и эмансипация женщин и детей в структуре современной семьи дают большую свободу всем её членам, что позволяет назвать данную модель неопатриархальной [2, с. 36].

Для анализа динамики изменения моделей брачно-семейных отношений нами был проанализирован ряд социологических исследований, проведенных за последние годы в России. Так, по данным ВЦИОМ, инициативный всероссийский опрос проведен 17–18 июня 2008 г. Опрошено 1600 чел. в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России, статистическая погрешность не превышает 3,4 %.

Приверженцев абсолютного равенства в семье, полагающих, что главы семьи быть не должно и все решения глобальных вопросов должны приниматься совместно всеми членами данной семьи, а более мелких – в зависимости от разделения труда и своих обязанностей – 38 % опрошенных. Сторонников патриархальных отношений, считающих, что главой (старшим) семьи должен быть мужчина, но если его нет, то старшая в семье женщина – 32 % опрошенных [3]. На протяжении трёх лет доля последних снизилась с 38 до 32 %. Такую модель предпочитают 38 % мужчин и 27 % женщин.

По мнению 14 % респондентов, важные и глобальные решения должен принимать именно тот член семьи, который лучше ориентируется в современной ситуации, и 12 % исходят из принципа, кто основной добытчик денег, тот и глава семьи. Женщина в семье отвечает за мелкие ежедневные

покупки, а мужчина берет на себя решения по крупным затратам, полагают 49 % респондентов. А вот 51 % считает, что жена имеет полное право самостоятельно решать и располагать деньгами на крупные покупки, даже если деньги зарабатывает в семье муж. Первую точку зрения поддерживает большинство мужчин (62 %), а вторую – большинство женщин (62 %).

Карьера и рост в профессиональной сфере жены не менее важна, чем и сама карьера мужа, отмечают 54 % опрошенных, 46 % считают, что замужняя женщина не может долго задерживаться на работе, у неё есть обязанности по дому. Первый термин находит больше поддержки среди женщин (61 %), второй – среди мужчин (54 %). Денежным эквивалентом должен располагать и распоряжаться тот, кто ведёт хозяйство, полагают 71 % опрошенных, среди которых 75 % женщин и 66 % мужчин, за три года респонденты более укрепились в своем мнении. И только 28 % отмечают, что деньгами должен распоряжаться тот, кто их зарабатывает [3].

Ведение домашнего хозяйства тяжелая работа, которую супруги должны делить поровну, считают три четверти опрошенных, в том числе 79 % женщин и 66 % мужчин, три года назад сторонников этого мнения было чуть меньше 67 %. Что домашним хозяйством должна заниматься главным образом жена, считают 27 % респондентов, среди которых 34 % мужчин и только 21 % женщин [3]. То, что в их семье оба супруга в равной степени поддерживают отношения с родственниками, отмечают 55 %, решают вопросы проведения досуга, выходных, отпуска – 54 %, распределения средств на крупные расходы – 50 %. На много меньше респондентов указывают, что в их семье оба супруга в равной мере занимаются воспитанием детей (44 %), ведут домашнее хозяйство (37 %), распределяют средства на текущие расходы (32 %) и зарабатывают деньги (30 %) [3]. Результаты опроса, проведенного ВЦИОМ 26–27 февраля 2011 г., говорят о том, что большинство обязанностей в среднестатистической российской семье лежит на женщине. Совместно выполняются покупки продуктов (51 %), организация всех досугов (56 %), покупка подарков (56 %), уход за домашними животными (31 %) [3]. В рамках опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» (ФОМ) 14 июля 2013 г. в 43 субъектах РФ, респондентам был задан вопрос относительно распределения обязанностей в семье. 83 % опрошенных считают, что ведением домашнего хозяйства жена и муж должны заниматься в равной мере, при этом число

респондентов, придерживающихся такой точки зрения, с каждым годом возрастает (2003 г. – 70 %, 2007 г. – 73 %), уменьшается доля тех, кто считает, что ведением домашнего хозяйства должна заниматься только жена (2003 г. – 26 %, 2007 г. – 22 %, 2013 г. – 14 %) [4].

По результатам опроса ВЦИОМ, проведенного 17–18 августа 2013 г., идеальной семьей, где царят взаимопонимание и взаимоуважение, считают 25 % респондентов, благополучие и достаток – 22 %, наличие обоих родителей и детей – 17 %. Для 13 % важным фактором идеальной семьи является любовь, для 11 % – счастье каждого члена семьи. Представления мужчин и женщин об идеальной семье различаются. Так, для женщин, больше чем для мужчин, имеют значение благополучие и материальные ценности в семье (25 % против 18 %) и то, что семья полная (20 % против 14 %). Молодые россияне чаще считают основным фактором показательной семьей царящую в ней любовь (19 %). При этом старшее поколение выбирает этот фактор только в 10 % случаев. Они прежде всего называют взаимопонимание между членами семьи (31 %), этот фактор среди молодых выбирают 17 % [3].

Аналогичное исследование было проведено ФОМ 14 июля 2013 г. в 43 субъектах РФ. В данном опросе понятие «идеальная семья» изучалось посредством открытого вопроса «Что первое приходит Вам в голову, когда Вы слышите выражение “идеальная семья”?» [4]. Так, одним из основных признаков «идеальной семьи», по мнению респондентов, являются «любовь, уважение, взаимопонимание» – 32 %. В качестве «идеальной семьи» 14 % опрошенных представляют «благополучную, счастливую, гармоничную семью». Столько же процентов «идеальной семьей» считают ту, в которой «мир, живут дружно». На четвертом месте находится «достаток» – 13 %, вариант «полная семья» отметили 8 %, «взаимное доверие, нет измен» выбрали только 7 % [4].

Анализируя данные опроса ВЦИОМ, проведенного 29–30 июня 2013 г., отношение россиян к разводам за последние десятилетия существенно не изменилось. Большинство склонны считать, что за распад семьи ответственны в равной степени и мужа, и жены – 64 %. Такой позиции придерживаются женщины – 65 %, те, кто женат или состоит в гражданском браке, – 66 %, те кто вступал в официальный брак один раз – 66 %. Причем мужчинам более свойственно винить в разводах женщин, а женщинам – мужчин. И еще 12 % опрошенных отмечают, что всему виной сложившиеся внешние

обстоятельства [3]. По мнению респондентов, к разводам людей чаще всего вынуждает измена – 24 %, а также бедность – 21 %. К наиболее значимым факторам также относятся неумение идти на компромисс, ссоры в семье – 19 % и вредные привычки – наркомания, алкоголизм – 16 %. Реже в качестве причин распада семьи фигурируют несовпадение характеров и взглядов на жизнь – 8 %, бытовые проблемы – 7 %. Почти половина опрошенных полагают, допустимо разводиться или нет зависит от конкретного случая – 48 %. Сторонники такой позиции – прежде всего те, кто ни разу не вступал в официальный брак – 52 %. Каждый десятый считает, что разводиться можно в любом случае и хуже от этого не будет – 11 %, чаще всего так думают те, кто два раза и более вступал в брак, – 16 %. Почти столько же придерживаются альтернативной позиции, считая, что разводиться нельзя и брак надо сохранить любой ценой 10 % [3].

В Ивановской области в 2013 г. под руководством Ю. С. Задворновой было опрошено 1200 мужчин и женщин, состоящих в браке, проживающих в областном центре, среднем и малом городах с численностью жителей соответственно 408 тыс., 88 тыс., 27 тыс. чел. 30 супругов приняли участие в интервью. Социальный портрет семей, участвующих в исследовании, – это супруги, состоящие в зарегистрированном браке более 10 лет, имеющие, как правило, одного ребенка и доход на одного члена семьи в размере 10–15 тыс. рублей в месяц, работающие по найму полный рабочий день в качестве рядовых сотрудников. Обозначенные характеристики можно экстраполировать в целом на семьи, проживающие в провинциальных городах России, где в отличие от мегаполисов рынок труда представлен профессиями с низким и средним уровнем оплаты труда, уровень доходов населения невелик, инфраструктура для обеспечения жизнедеятельности семей развита недостаточно [5, с 53].

Результаты опроса показали, что 69 % супругов придерживаются эгалитарных взглядов на распределение гендерных ролей в семье. По их мнению, лидера в семье не существует, все решения принимаются совместно, а в конфликтных ситуациях они стремятся прийти к компромиссу. Анализ выявил, что эгалитарные установки имеют супруги, состоящие в зарегистрированном браке более 10 лет и имеющие высшее образование. В то же время в 60 % семей, где муж принимает основные решения, супруги имеют среднее и среднее специальное образование [5, с. 55].

Наличие эгалитарных тенденций в процессе трансформации семейных ролей подтверждает

ориентация супругов на совместное распоряжение семейным бюджетом – 66,9 % семей. При этом роль распорядителя бюджета отводится женщине в 22,5 % случаев. Как правило, это семьи со средним и низким доходом, что соответствует советской модели, когда для более рационального использования денежных ресурсов появляется необходимость их сосредоточения в одних руках и функция контроля возлагается на женщину. Только в 4,5 % семей опрошенных бюджет полностью контролирует мужчина, что соответствует неопатриархальной модели брачно-семейных отношений. В семьях данного типа женщины признают лидерство мужа, при этом роль домохозяйки носит, по их мнению, формальный характер, поскольку домашние обязанности осуществляются наемными работниками или родственниками [5, с. 56].

В 69 % опрошенных семей супруги вносят равные доли в семейный бюджет, однако, по их же мнению, в большинстве случаев роль кормильца выполняет мужчина. В семьях с низким достатком респонденты обычно отводят роль кормильца женщине [5, с. 57].

Поэтому в ходе исследования выяснено, что роли главы семьи и кормильца могут не совпадать: если в вопросах главенства большинство супругов придерживаются эгалитарных установок, то в вопросах материального обеспечения семьи сильны патриархальные установки, которые в реальности не подтверждены экономическим фактором.

Несмотря на то что большинство супругов относятся либерально к проблеме равноправия распределения семейных обязанностей, на практике провинциальные российские семьи придерживаются советской модели распределения семейных обязанностей. Результаты исследования показали, что сферы домашнего труда в семье четко разграничены: если супруги делят домашние обязанности между собой, женщина выполняет две трети всей домашней работы, причем, как правило, систематически. Так, приготовление пищи считают своей обязанностью 70 % женщин, уборку дома – 65 %, стирку – 88 %, мытье посуды – 89 %. Мужчина занимается в основном работой, необходимость в которой возникает изредка. По мнению 79 % мужчин, их обязанность – мелкий ремонт по дому, 70 % – ремонтно-строительные работы. Налицо серьезная деформация распределения домашних обязанностей в сторону женского труда. Необходимо отметить, что мужчина воспринимает свое участие в домашней работе как помощь жене, в то время как женщина рассматривает свою работу по дому как необходимость и неотъемлемую обязанность.

Создается ситуация, принятая в советской модели семейных отношений. По мнению респондентов, домашние обязанности делятся поровну, а в реальности большая их часть закреплена за женщиной. В 70 % опрошенных семей обязанности, связанные с уходом за ребенком (приготовление пищи, уход за больным, сбор в детский сад/школу), выполняет жена. Вопросы, связанные с образованием, культурно-нравственным воспитанием ребенка, в 67 % семей решаются супругами совместно [5, с. 57]. При этом среди респондентов нет мужчин, которые бы собирали ребенка в школу или в детский сад и готовили пищу, лишь 1 % опрошенных мужчин ответили, что ухаживают за больным ребенком.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что, несмотря на установки супругов на равноправные отношения, на практике уход и воспитание детей полностью возложены на женщину. Вместе с тем существующая модель брачно-семейных отношений для обоих полов кажется нормой, поскольку 88 % респондентов удовлетворены разделением домашних обязанностей. Среди тех, кто ими не удовлетворен, большинство составляют женщины. Они отмечали, что не получают помощи в домашних делах, им не хватает внимания, уважения и заботы мужчины. Таким образом, брачно-семейные отношения в современной российской семье сохраняют параметры советской модели. К ним относится 69 % семей, 16 % – к спонсорской (неопатриархальной), 11 % – к бикарьерной, 4 % – к эгалитарной [5, с. 58].

Современная российская семья продолжает трансформироваться: традиционно-патриархальная модель брачно-семейных отношений встречается всё реже, в ней нет жестко обозначенного главенства мужа, растет число семей, где равенство супругов в решении всех проблем семьи становится нормой – наблюдается снижение сторонников патриархальной модели брачно-семейных отношений, при этом ее сторонниками в большей степени являются мужчины нежели женщины [6, 7].

Эгалитарные ценности сосуществуют с традиционными патриархальными представлениями о разделении ролей и обязанностей в семье – среднюю российскую семью нельзя отнести к эгалитарному типу, поскольку в реальности и это демонстрируют результаты репрезентативных всероссийских опросов, «двойная занятость» женщины как основная черта советской модели по-прежнему являются нормой в общественном сознании и в брачно-семейном поведении.

Низкий уровень распространенности неопатриархальной и бикарьерной моделей брачно-

семейных отношений можно объяснить социально-экономическими условиями жизни, а также сложившимися в массовом сознании стереотипами и нормами семейных отношений.

Литература

1. Миронова Ю.Г., Тырнова Н.А. Сожительство как альтернативная форма семейно-брачных отношений в современном российском обществе // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 3 (23). С. 54–60.
2. Задворнова Ю. С. Тенденции трансформации гендерных ролей в современной российской семье // Женщина в российском обществе. 2013. № 2. С. 32–41.
3. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru> (дата обращения: 22.09.2015).
4. База данных опроса ФОМ. URL: <http://soc.fom.ru> (дата обращения: 22.09.2015).
5. Задворнова Ю. С. Дифференциация домашнего труда в российской семье: гендерные стереотипы и современные тенденции // Женщина в российском обществе. 2014. № 1. С. 51–58.
6. Захаров С.В. Новейшие тенденции формирования семьи в России // Мир России. 2007. № 4. С. 24–48.
7. Карцева Л.В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 48–51.

References

1. Mironova Yu.G., Tyrnova N.A. Sozhitel'stvo kak al'ternativnaya forma semeino-brachnykh otnoshenii v sovremennom rossiiskom obshchestve [Cohabitation as an Alternative Form of Family Relations in Modern Russian Society]. *Vestn. Volgograd. gos. un-ta. Seriya 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii*, 2014, no 3 (23), pp. 54-60.
2. Zadvornova Yu. S. Tendentsii transformatsii gendernykh rolei v sovremennoi rossiiskoi sem'e [Trends of Transformation of Gender Roles in Modern Russian Family]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, 2013, no 2, pp. 32-41.
3. *Initiativnyi vserossiiskii opros VTsIOM* [Initiative Russian Opinion Poll]. Available at: <http://wciom.ru> (accessed 22.09.2015).
4. *Baza dannykh oprosa FOM* [Database of the Poll]. Available at: <http://soc.fom.ru> (accessed 22.09.2015).
5. Zadvornova Yu. S. Differentsiatsiya domashnego truda v rossiiskoi sem'e: gendernye stereotipy i sovremennye tendentsii [Differentiation of Domestic Work in Russian Family: Gender Stereotypes and Current Trends]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, 2014, no 1, pp. 51-58.
6. Zakharov S.V. Noveishie tendentsii formirovaniya sem'i v Rossii [Latest Trends of Family Formation in Russia]. *Mir Rossii*, 2007, no 4, pp. 24-48.
7. Kartseva L.V. Model' sem'i v usloviyakh transformatsii rossiiskogo obshchestva [Model of Family in the Conditions of Transformation in Russian Society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2003, no 7, pp. 48-51.

Поступила в редакцию

7 октября 2015 г.

УДК 316.421

DOI 10.18522/0321-3056-2015-4-32-36

МИФ И МИФОЛОГЕМА ГОРОДА В ТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ

© 2015 г. А.В. Кузнецова, И.А. Петрулевич

Кузнецова Анна Владимировна –
доктор филологических наук, профессор,
кафедра отечественной литературы,
Институт филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южного федерального университета,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: avk21@yandex.ru

Kuznetsova Anna Vladimirovna –
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Department of Russian Literature,
Institute of Philology, Journalism
and Intercultural Communication
of the Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: avk21@yandex.ru

Петрулевич Ирина Анатольевна –
доктор социологических наук, доцент,
профессор, кафедра технологии и организации
туроператорской и турагентской деятельности,
Высшая школа бизнеса Южного федерального университета,
ул. 23-я Линия, 43, г. Ростов-на-Дону, 344019.
E-mail: irusia2@rambler.ru

Petrulevich Irina Anatol'evna –
Doctor of Social Sciences, Associate Professor,
Professor, Department of Technology and Organization
of Tour and Travel Activities Agency,
Higher School of Business of the Southern Federal University,
23 Liniya St., 43, Rostov-on-Don, 344019, Russia.
E-mail: irusia2@rambler.ru

Рассматриваются топос и мифологема города как когнитивно-семантические структуры, обладающие значительным рецептивно-интерпретативным потенциалом и содержащие универсальные культурные смыслы, архетипические в своей основе, что оказывает влияние и на осмысление данной мифологема в социологическом аспекте. В современном мире эта мифологема амбивалентна по своей сути: она эксплицирует приоритетность исключительности и инноваций, совместимую с консервацией культурных ценностей данной социокультурной общности. В целом этот процесс характеризует уплотнение смысловой структуры текста культуры.

Ключевые слова: миф, мифологема, семантическое пространство, символ, текст, топос.

Mythologem of the city represents an ideal model, having an ontological status in the cultural space. Aesthetic cognition fits into dialogic relationship with the system of mythology, manifest in the text culture. Topos and the myth of the city can be viewed in this perspective, as the cognitive-semantic structures with significant receptive-containing interpretative potential and universal cultural meaning, archetypal basically that may affect the interpretation of the myths in the sociological aspect. In today's world, this myth is ambivalent in nature: it makes explicit the priority of exclusivity and innovation, consistent with the preservation of cultural values of the socio-cultural community. In general, this process is characterized by the seal of semantic structure of the text culture.

Keywords: myth, mythology, semantic space, symbol, text, topos.

Для современной гуманитарной парадигмы особое значение приобретает изучение тех сущностей, которые оказывают большое влияние на мышление, язык и бытие человека. Этот актуальный процесс обусловлен антропоцентричностью исследований, что, бесспорно, характерно для многих наук. На наш взгляд, особое место в антропоцентрической парадигме занимает исследование тех координат, в которых человек формируется и развивается как личность. Именно такими координатами становится и город, развивающийся до уровня мифологема, запечатлеваемой в тексте культуры [1, 2].

Для исследования нами использованы лингвокогнитивный анализ, а также сравнительно-сопоставительный метод, культурологический анализ, на основе чего устанавливаются архетипы [3], символы и другие когнитивные структуры, образующие мифологема города.

Несомненно, город становится топосом, в котором приоритетное значение приобретает деятельность, символическая по своей природе: в ряду видов такой деятельности необходимо обозначить мифологию, религию, идеологию, искусство (в том числе кино), рекламу и PR, которые создают виртуальный мир. Именно поэтому реальность личности, чья жизнь связана с городским пространством, можно квалифицировать как реальность символическую, а ее труд – как работу с символами, символическую деятельность, опосредованно оперирующую с реальными референтами, которые не облигаторны для этой деятельности. Значит, символическая деятельность направлена не на сами предметы, явления, феномены действительности, а на их образы, семантику, что создает их символы, коррелирующие с эйдосами, логосами, универсальными архетипами. Такому роду деятельности релевантным оказывается культур-

ный код, описывающий системность мировоззрения, мифологических и идеологических представлений, метафизических доминант конкретной культуры. Город предстает как константа культуры и религии, становясь универсальным символом, архетипическим по своему характеру, к тому же он сам производит символы и смыслы.

Современная культура смещает представление о мифологема города с исторического плана и визуализации архитектурных форм на уровень конвенциональных структур (архетипы, символы, образы). Поэтому миф города предстает как результат самых разных его трактовок (социологических, лингвокогнитивных, экономических, градостроительных и пр.), который в свою очередь способен генерировать новые смыслы.

Эмоционально-эстетическое восприятие города позволяет говорить о культурном мифе города как системе значений, которые, с одной стороны, способны маркировать значимые фрагменты языковой картины мира личности, а значит, транслировать лингвокогнитивную специфику данного мыслительного конструкта, с другой – они манифестируют ценностно-смысловые планы бытия индивида и социума, что позволяет утверждать значимость мифологема города в формировании личностного и общественного сознания. Мифологема города способствует в том числе и органичному включению личности в социальное бытие.

В культурном мифе города с необходимостью присутствуют исторические маркеры (основание города, узловые моменты его развития), способствующие восприятию его сущности. Как многоуровневый семиотический феномен культурный миф города возникает и развивается в координатах социокультурного контекста. Мифологическая модель в данном случае позволяет создать благоприятные условия для целостного восприятия го-

рода как социальной структуры, что детерминирует её сохранность наряду с научными знаниями и особое влияние на социум индивида. В культурном мифе города устанавливается тесная взаимосвязь между человеком и городской средой в социальном времени.

Мифологема города многоаспектно отражает «наращение» смысла данного топоса, несмотря на ограниченные возможности анализа и интерпретации посредством культурного мифа. Многомерность восприятия и трансформации мифологема города предстает как следствие поливариативности картин мира индивидуумов. Она в целом ориентирована на аналогии, функционализацию явлений социокультурной жизни, что отражается в упорядочивании мифологических компонентов по степени важности при исключении несущественного. Инвариантности мифологема города релевантны социокультурные варианты, что обуславливается рядом факторов: усложняющейся городской инфраструктурой, потребностью в построении новых семиотических взаимодействий, компетентностью воспринимающего субъекта. Мифосимволическое восприятие действительности детерминировано и мощным информационным фоном, способствующим редукции смыслов.

Гипертекстовый характер современного города обуславливается его нелинейной организацией как в предметно-пространственном, так и в лингвокогнитивном планах. Образное содержание материальных форм способствует активизации символических значений топоса города и отдельных его составляющих, которые участвуют в формировании исследуемой мифологема. Культурный миф города становится следствием логического осмысления и эмоционального переживания городской среды, природно-климатической специфики, исторических событий, социокультурного бытия.

В социологическом аспекте узловыми элементами рецепции мифологема города являются различные составляющие городского пространства (улицы, площади, парки, скверы и пр.), которые несут семиотические послания, динамические во времени. Семиотика мифологема города порождается и развивается посредством «сообщений», в которых фиксируются настроения и чувства разных исторических эпох.

С социокультурных позиций топос города может быть рассмотрен как медиатор между Вселенной и Человеком, что обеспечивает ему структурную устойчивость и историческую изменчивость. Кроме того, мифологема города отражает со-бытие объектов, относимых к разным историческим эпохам.

Мифологема города предстает как идеальная модель, онтологическая по своему характеру, фиксированная в образе города как фрагменте культурного пространства. Эта когнитивно-семантическая структура характеризуется синкретизмом в представлении основных признаков, релевантных самоорганизации и генезису культуры. Эстетическая когниция в этой связи демонстрирует диалог с системой мифологем, среди которых мифологема города занимает одно из значимых мест. Продюцент культурного текста осуществляет диалог со структурируемым семантическим пространством, в частности топосом и мифологемой города, имеющими значительный рецептивно-интерпретативный потенциал.

Трансформация первичных архетипических семантем завершается уровнем мифологем, манифестирующим методологически значимые когнитивные механизмы восхождения от абстрактного к конкретному. Морфология пространства культуры, сопряженная с его социологией, может быть описана с позиций нескольких незамкнутых рядов архетипов (числа, визуальные геометрические фигуры, ролевые образы и мифологема). Мифологема представляют собой «свернутые структуры» инвариантных метасюжетов коллективного бессознательного, которое постоянно репрезентировано в пространстве культуры. Не требует дополнительных доказательств тезис об архаическом мифе как о метатексте, который выступает инвариантом для всех других текстов культуры. В таком ракурсе мифологема города предстает как поле, которое объединяет универсальные культурные смыслы.

Семантика города закономерно обуславливается этимологией данной лексической единицы, которая связана с понятием ограды, границы, преграды, защиты, укрытия. Это позволяет противопоставить мифологему города открытому, некультурному месту, которое не имеет структуры, не включает как постоянный момент существования в нем человека. Открытое пространство без человека выступает как архетипический символ смерти и хаоса. Город в своей внутренней форме манифестирует защищенность и безопасность, отгороженность от враждебного мира, позволяющие преодолеть ужас перед Ничто.

Город представляет собой своего рода метафизическую границу между Космосом и Хаосом, это космическое измерение в координатах человека. Именно мифологема города позволяет оформить базовые оппозиции когнитивной деятельности: культура – дикость, варварство, свое – чужое, жизнь – смерть, бытие – небытие. Город как гра-

ница и отделяет противоположаемые сферы и сталкивает их в амбивалентных сущностях. Здесь возможен личностный переход от одной сферы к другой, фактически манифестирующее обретение Иного, нового знания.

Мифологема города становится пересечением двух семиотически концептуальных пространств: физического, географического и символического, семантического. Так на топографические координаты накладываются координаты топоса, приобретающая характеристики города-текста, города-символа. Семиозис и аксиологическая система города превращает его в культурное пространство, насыщенное символами, обладающее собственным семиозисом. Именно поэтому большое значение всегда придавалось выбору места, на котором будет основан город – оно должно было быть высоким, светлым, чистым, что отражало стремление человечества к благу и добродетели.

Данный когнитивный конструкт всегда транслирует в тексте культуры представление о модели мира конкретной культуры, проецируя в реальность космическую иерархию, делая зримыми уровни мироздания. Поэтому данная мифологема несет в себе семантику идеальной реальности, которая уже была явлена человечеству в Золотом веке, теперь утеряна, но возможна в будущем.

Мифологема города тяготеет к обозначению топоса центра и вертикали, поэтому город на горе, семи холмах предстает как универсальный культурный код. В этой связи представляется интересным изучение мифологемы Москвы в русской культуре и литературе [4], в художественных текстах разных эпох и жанров, противоположаемой мифологеме Петербурга именно в параметрах центра и вертикали [5]. Кроме того, значимыми становятся мифологемы провинциальных городов, также вырастающие до значимых художественных образов.

Мифологема города демонстрирует устойчивую тенденцию к оппозиции: она включает компоненты *город-рай* и *город-ад*. Как рай город воспринимается в сакральных координатах, сосредоточивая цивилизационные ценности материального и духовного порядка. Исследуемая мифологема с необходимостью включает понятия духовной и светской власти, что в целом приближает человека тем или иным путем к Богу, к трансцендентным сущностям. Как рай, город способен защитить человека от стихии и врагов посредством упорядочивания пространства и установления гармонии. В этом случае город становится крепостью, домом для человека. Но город может быть и

адом, включая репрезентации города-призрака, города-лабиринта, города-ловушки, города-пустоты. Так, мифологема города продуцирует метасюжет исхода, становится пространством, которое необходимо покинуть посредством бегства, паломничества по святым местам, ухода в монастырь, в пустыню. Значимыми способами исхода могут выступать безумие, самоубийство, смерть. Кроме того, в координатах функционирования мифологемы города возможно и бегство внутри города в виде бродяжничества.

Для изменения траектории развития образа героя, манифестирования аксиологической системы персонажа необходимо, чтобы он покинул родное пространство. Семиотически значимым оказывается в этой связи именно выход за пределы города как пространства защищенного. Герой совершает путешествие, он подвергается испытаниям и проходит посвящение, что с необходимостью включает также и поступки, значимые для его персонажного статуса – одним из кардинально важных в данном ключе становится его подвиг.

Инициация, совершаемая в координатах города, детерминирует не только исход из него, но и возвращение в новом статусе. Однако движение героя к обретению силы и власти всегда обусловлено городом и реализуется в нем. Поэтому важен не исход из определенного места, а перемещение в конкретный топос как способ самосовершенствования, спасения и освобождения.

Текст культуры фиксирует культурные формы, которые для мифологемы города эксплицированы в формах храмов, площадей, городской стены. Именно эти компоненты имеют архетипические основания, изначально направленные на управление стихией природы посредством магических сил. Семантическое пространство текста культуры находит в мифологеме города непротиворечивую экспликацию поливариативных культурных моделей и амбивалентных смыслов. Это и понятно, ведь различные виды искусства, строго говоря, зарождаются именно в городской культуре в отличие от синкретической художественной деятельности, явленной в фольклоре в самом широком смысле, народном творчестве и пр.

Мифологема как когнитивный конструкт с необходимостью транслирует и идею выбора, концептуально важного для героя, причем этот выбор имеет поливариативный характер: от выбора религии, покровителя до выбора партнера или товара. Индивидуализированность творческих усилий, характерная для искусства, продуцируется именно пространством города как провоцирующим к по-

стоянному выбору. Мифологема города фиксирует смысловое уплотнение, сгущенность пространственных и временных пределов. Вместе с тем увеличивается скорость социальных процессов, протекающих в компактном городском физическом пространстве.

Город продуцирует особую топологию пространства, коррелирующую с временем культуры. Тем самым возможно утверждать наличие особого культурного хронотопа, который основывается на разграничении пространства на особые территории – компоненты (сакральные – Центр, промежуточные – промзоны, табуированные – кладбища, тюрьмы, запретные – секретные производства, опасные – свалки, пустыри и пр.). Структурирование мифологема города происходит как продуцирование сетевой матрицы (дороги, каналы, электричество, водопровод, канализация, метро, интернет).

С другой стороны, мифологема города фиксирует в тексте культуры идею свободы, риска, пространства, формирования и реализации личности как экзистенциальный топос. Город становится способом структурирования духовного пространства, имеющим онтологический статус, метафизическая сущность проявляет себя в самосознании человека. Трансцендентная (лат. *transcensus* – ‘через границу, за предел’) сущность мифологема города проявляет предельность сущности человека, что запечатлевается на разных уровнях художественного текста – от структуры и семантики до композиции, мотивов и сюжетного построения.

Топосы, имеющие антропоцентрический характер и закрепленные географически, вне фиксации в координатах конкретной территории становятся семиотическими комплексами, способными интерпретировать пространство с позиций его рецепции и осмысления в эмоционально-ценностной системе личности и его картине мира. Наиболее значимыми оказываются те образы, которые сформированы в условиях социокультурных противоречий, а в самом пространстве акцентируются образные компоненты. Именно с таких позиций мифологема города приобретает инвариантные свойства в диахроническом и синхроническом аспектах: как совокупность историко-культурных слоев, транслирующих образность и как динамический процесс интерпретирования топоса города.

Данная мифологема может быть изучена с позиций представлений о городской среде, имеющих обобщенный образный характер, что позволяет утверждать наличие в современном социокультур-

ном пространстве сложного культурного кода. Он имеет синтетический характер, совмещающий иконические, пространственные, акустические, кинестетические, вербальные компоненты. Мифологема города позволяет сохранять, реконструировать и транслировать картину мира конкретного этноса, что соответствует основной социальной функции данного культурного мифа. Именно образ города обладает уже в архаическую эпоху определенным семиотическим потенциалом, позволяющим генерировать образ мира в сознании индивида и общества. Исследуемый конструкт концептуально важен как в социологическом, так и в лингвокогнитивном аспектах, чему способствует установление в её структуре разноуровневых семиотически значимых компонентов, имеющих локально-специфический и универсальный характер.

Литература

1. Гуревич П.С. Социальная мифология. М., 1983. 175 с.
2. Гуревич П.С. Философия культуры. М., 1994. 286 с.
3. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. М.; Мн., 2005. 400 с.
4. Москва – Петербург: лики культурной идентичности. Опыт сравнительной культурологии : материалы круглого стола, Санкт-Петербург, 2 марта 2007 г. СПб., 2007. 66 с.
5. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской культуры» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического : избр. М., 1995. С. 259–367.

References

1. Gurevich P.S. *Sotsial'naya mifologiya* [Social Mythology]. Moscow, 1983, 175 p.
2. Gurevich P.S. *Filosofiya kul'tury* [Philosophy of Culture]. Moscow, 1994, 286 p.
3. Jung K. G. *Dusha i mif. Shest' arkhetipov* [Soul and Myth. Six Archetypes]. Moscow; Minsk, 2005, 400 p.
4. *Moskva – Peterburg: liki kul'turnoi identichnosti. Opyt sravnitel'noi kul'turologii* : materialy kruglogo stola, Sankt-Peterburg, 2 March 2007 [Moscow - St. Petersburg: Faces of cultural identity. Experience in comparative cultural studies: round table materials]. Saint Petersburg, 2007, 66 p.
5. Toporov V.N. [Petersburg and "Petersburg Text of Russian Culture"]/ Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in Mythopoetical]: selected. Moscow, 1995, pp. 259-367.

УДК 101.1:316

DOI 10.18522/0321-3056-2015-4-37-41

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫХ МАССОВЫХ БОЛЕЗНЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

© 2015 г. Е.Д. Меркулов

Меркулов Егор Демьянович –
ОБУ ЦСП ЛО «Школа высшего спортивного мастерства»,
пер. Попова, 5, г. Липецк, 398016.
E-mail: egormer@mail.ru

Merkulov Egor Dem'yanovich –
RBI CST LR "High Sports School",
Popova St., 5, Lipetsk, 398016, Russia.
E-mail: egormer@mail.ru

Анализируются возможные пути и способы преодоления социально обусловленных болезней в современном обществе, а также минимизации негативного воздействия факторов, способствующих их распространению. В интересах противодействия названным факторам их совокупность подразделяется на системные и ситуативные, определяются возможности и специфика устранения факторов каждой группы и предлагаются наиболее адекватные пути для этого.

Ключевые слова: массовые заболевания, социально обусловленные болезни, деформации общественного развития, системные и ситуативные негативные факторы, устранение негативных социальных факторов.

The article offers socio-philosophical analysis of possible ways and means of overcoming socially determined diseases in modern society and minimize the negative impact of factors contributing to their spread. In the interests of countering the above factors, the author divides the whole set of them in a systematic and situational, identifies opportunities and specific factors of each group and offers the most adequate way to do this.

Keywords: disease outbreaks, socially conditioned diseases, deformation of social development, systemic and situational factors are negative, the elimination of negative social factors.

К настоящему времени человечество сумело найти способы профилактики многих массовых (и, следовательно, социально опасных) инфекционных заболеваний – холеры, чумы, сифилиса, туберкулеза; смогло взять под контроль распространение болезней, способствующих возникновению СПИДа. Однако основной путь борьбы с названными заболеваниями связан с применением мер сугубо медицинского характера – с нахождением лекарств, способных преодолеть болезнь, и с вакцинацией в целях ее профилактики. Гораздо сложнее обстоит дело с устранением социальных факторов, способствующих возникновению и распространению массовых заболеваний.

Цель представленной статьи — проведение социально-философского анализа возможных путей преодоления социально обусловленных болезней в современном обществе, т.е. таких болезней, которые, не являясь инфекционными, стремительно поражают большие группы населения (лудомания, наркомания, гиперпотребление/нищета, эскапизм, психические расстройства различной этимологии, слабоумие и др.). В наши задачи входит: 1) определение понятия «социально обусловленные болезни»; 2) выделение критериев разграничения социальных факторов, способствующих распро-

странению массовых заболеваний, на системные и ситуативные; 3) выявление путей минимизации воздействия негативных социальных факторов на здоровье больших групп населения.

Под социально обусловленными болезнями следует понимать объективные, наблюдаемые, распознаваемые по внешним признакам отклонения в физическом, психическом или умственном состоянии человека, возникновение которых тесно связано с воздействием социальных факторов. Наиболее ярко негативная роль таких факторов проявляется в тех случаях, когда сами они являются отражением дисфункционального состояния отдельных общественных элементов или всего общества в целом. Широкое распространение подобных отклонений приводит к тому, что заболевания приобретают массовый характер, независимо от того, имеют они инфекционную природу или нет. При этом можно говорить о прямой зависимости между масштабами распространения болезни и степенью ее социальной обусловленности: чем более социально детерминированные причины имеет болезнь, тем более широкие массы населения она поражает.

Если в качестве основной предпосылки распространения социально обусловленных болезней

рассматривать дисфункциональные состояния отдельных общественных элементов или всего общества в целом, то в качестве наиболее очевидного пути устранения таких болезней (или как минимум сокращения их численности) следует рассматривать способы устранения деформаций общественного развития. Однако сколь неоднородны социальные причины и факторы, обуславливающие массовое распространение тех или иных заболеваний, столь же неоднородны и возможные пути минимизации воздействия названных факторов. При этом исходить следует именно из того, что основная специфика социальных факторов заключается в том, что полностью исключить их воздействие из жизни общества невозможно. Говоря иначе, пока существует и развивается само общество, будут существовать и те или иные деформации в его развитии, способные вызывать отклонения в физическом, психическом, умственном состоянии человека, в моральном состоянии общества в целом. При таком подходе на первый план выдвигаются социальные корреляты массовых заболеваний, отчетливо просматривается их социальная природа. Не только индивид может предстать перед лицом своего социального окружения как больной или «ненормальный», но и вся общественная жизнь оказывается патологичной, если рассматривать ее в свете высших человеческих потребностей и ценностей. Становится возможным решать проблему «оздоровления общества» в числе первоочередных социальных и политических задач современности.

Следовательно, исследуя проблемы преодоления негативного воздействия социальных факторов, способствующих возникновению и распространению массовых болезней, важно понимать, что речь может идти не столько о полном устранении соответствующих факторов, сколько о значительном ограничении, минимизации их влияния на состояние групп населения или общества в целом.

Стоит отметить, что решением проблем преодоления социальной обусловленности массовых болезней в истории общественной мысли занимались многие философы, социологи, психологи, культурологи. Так, например, немецкий философ Г. Маркузе, обосновывавший в свое время необходимость постепенного перехода к цивилизации нерепрессивного типа, проповедовал Великий Отказ — отрешение от принципов и ценностей репрессивной цивилизации. Согласно его учению, счастье и благополучие человека требуют полной реорганизации общества с целью превращения тяжелого труда (основы общественной жизни) в

«свободную игру человеческих способностей» [1]. Однако каких-либо конкретных рекомендаций по переустройству общества и созданию такой социальной системы, которая позволила бы человеку вернуть себе наслаждение жизнью во всей полноте, философ не оставил.

Э. Фромм выход из патологического состояния, охватившего все общество как единый организм, видел в целом ряде экономических, политических и культурных преобразований, в изменении всей системы социальных ценностей, в подчинении социальной практики человеческой солидарности и духу благоговения перед жизнью [2]. Фромм таким образом справедливо полагал, что оздоровление отдельных индивидов невозможно вне рамок глобального переустройства общества.

Представляется, что наиболее эффективные способы преодоления негативного воздействия социальных факторов, способствующих распространению массовых заболеваний, могут быть определены лишь с учетом разграничения их на системные и ситуативные. Различия между ними заключаются в характере их проявления и способности человека осмысленно влиять на их распространение. Так, факторы системного характера, хотя и связаны непосредственно с деятельностью человека, возникают в силу объективных условий развития общества и априори не могут быть устранены полностью. К причинам, порождающим такие факторы, относятся научно-технический прогресс и достижения человечества в различных сферах жизнедеятельности (процессы глобализации, появление информационных технологий, открытия в медицине, генной инженерии, использование атомной энергии, загрязнение окружающей природной среды и т.п.). В современной отечественной философии отражены способы классификации таких причин в зависимости от принадлежности к основаниям, означающим способ существования человека в мире. Это взаимосвязи «человек – техника», «человек – культура» и «человек – природа» [3]. В каждой системе взаимосвязей по-своему проявляется опасность, грозящая человечеству, и соответственно формируются факторы, способные провоцировать распространение массовых заболеваний. Так, система «человек – техника» несет в себе угрозу уничтожения человечества в результате ядерной войны, «самоперерождения» робототехники. Система «человек – культура», затрагивающая сущностные характеристики человека, способна поколебать его моральные устои и принципы. В недрах системы «человек – природа» под воздействием неразумной че-

ловеческой активности возможно уничтожение самой биологической основы жизни людей.

Следствием причин системного характера и порожденными ими факторами являются: общее удлинение продолжительности жизни человека, сокращение смертности детей и новорожденных, повышенный уровень травматизма, возникновение различных форм зависимостей, гиподинамия, депрессивные состояния, снижение способности к деторождению и многое другое. К болезням, возникающим под воздействием соответствующих факторов, относятся: уход человека в мир виртуальной реальности как особая форма эскапизма, различные формы старческого слабоумия (сенильный старческий психоз, болезнь Альцгеймера и др.), заболевания, ставшие следствием хирургического вмешательства во внутренние органы человека (демпинг-синдром, гипогликемический синдром), болезни, обусловленные изменением качества и количества потребляемой пищи (атеросклероз, пищевые аллергии), заболевания, вызванные радиоактивным облучением (лучевой синдром, болезни систем кровообращения, пищеварения, нервной системы), и др.

К ситуативным факторам относятся те, которые, будучи непосредственно порожденными причинами системного характера, в значительной степени зависят от целенаправленной деятельности человека и соответственно в результате волевых усилий самого общества могут быть устранены если не полностью, то в значительной степени. К факторам такого рода относятся прежде всего степень распространенности и доступности отдельных провоцирующих элементов: алкоголя, наркотиков и иных биологически активных веществ, залов игровых автоматов, реальных и виртуальных казино, геномодифицированных продуктов, агрессивной пропаганды «глянцевого», «дорогого» стиля жизни, информации о новых направлениях в моде, косметологии, технологий манипулирования большими массами людей посредством воздействия на массовое сознание и т.п. Так, помимо таких, ставших уже неотъемлемыми спутниками современного общества болезней, как пьянство, наркозависимость, СПИД, игромания и др., все большее распространение получают заболевания, связанные с различными формами «самоповреждения» и аффектации (анорексия, булимия, деформация кожных покровов, отказ от сна). Развиваются неврозы на почве унификации взглядов и убеждений, нивелирования индивидуальности и усиления внушаемости. Стремительно (особенно в «благополучных» странах) прогрессирует мужское

бесплодие, обусловленное среди прочего, по мнению ряда исследователей, такими факторами, как сидячий образ жизни и нездоровое питание (в том числе продуктами, содержащими ГМО [4]).

В зависимости от характера факторов, обуславливающих распространение тех или иных болезней, необходимо, как уже отмечалось, дифференцировать и способы противодействия им. В частности, тот факт, что устранить воздействие факторов системного характера невозможно, вызывает необходимость формирования механизмов, рассчитанных не столько на устранение самих факторов, сколько на ликвидацию последствий их влияния. Методы, которые используются для этого, имеют довольно широкий диапазон: от широкой пропаганды «здорового образа жизни» до внедрения развернутых, широкоформатных программ помощи, социальной и физической реабилитации больных.

Всю совокупность таких методов (с учетом мнений российских исследователей и реально существующей практики [5]) следует разделить на соответствующие группы по признаку основного направления воздействия:

а) организационно-правовые механизмы стимулирующего характера (к которым следует отнести, например, информационные и финансовые программы поддержки и охраны материнства и детства, объектов окружающей природной среды и т.п.);

б) организационно-правовые механизмы, обеспечивающие равные возможности доступа населения к медицинскому обслуживанию (совершенствование системы медицинского страхования; внедрение принципов семейной медицины и др.);

в) восстановление и развитие государственных и общественных механизмов мониторинга сохранности «здоровой жизненной среды» (государственного санитарного надзора, общественного контроля за состоянием окружающей природной среды);

г) формирование качественно новой системы реабилитации и медицинского обслуживания инвалидов, лиц пожилого возраста и других, нуждающихся в социальной поддержке, категорий населения (создание сети геронтологических учреждений, бесплатных реабилитационных центров для инвалидов; внедрение патронажной системы обслуживания данных категорий граждан на дому по типу патронажа над новорожденными);

д) внедрение обязательной системы диспансеризации и профилактических осмотров населения, позволяющей выявлять на ранних стадиях заболевания сердечно-сосудистой системы, рака и других, что является условием снижения уровня смертности от соответствующих болезней;

е) развитие при одновременном повышении уровня безопасности профилактической вакцинации населения от инфекционных заболеваний;

ж) отдельная тема — развитие системы психологической реабилитации для лиц, побывавших в «горячих точках», принимавших участие в боевых действиях, переживших войну (события последних лет, к сожалению, лишь подтверждают актуальность создания институтов реабилитации и адаптации такого рода);

з) другие формы адаптации и компенсации утраченного здоровья.

Наконец, исходя из того факта, что, согласно исследованиям, две трети взрослого населения России проживают в условиях высокого и среднего уровня хронического психоэмоционального стресса, обусловленного факторами социально-экономического порядка [6], важнейшим условием ослабления влияния системных факторов является процесс стабилизации социально-экономического и политического положения в стране. Этот процесс предполагает проведение реформ, направленных на повышение уровня жизни населения, качественный скачок в развитии системы социального обеспечения, устранение угроз экономической безопасности, снижение экологических рисков хозяйственной деятельности и уровня неблагополучия окружающей среды отдельных территорий и т.п.

Противодействие же факторам ситуативного характера требует применения мер воздействия, направленных на физическое устранение провоцирующих элементов и ограничение доступа к ним. На первом месте в данном случае опять же следует назвать меры юридического и организационного характера. Так, прямой нормативный запрет деятельности игротек, реализованные в России меры ограничения продажи алкогольной и табачной продукции, преследование за хранение и распространение наркотиков, — безусловно, принципиально важный шаг на пути сокращения уровня наркомании, алкоголизма, табакокурения. Однако само по себе введение соответствующих запретов и ограничений не сможет достичь цели без создания широкой сети реабилитационных институтов больных наркоманией и алкоголизмом, без последовательной деятельности правоохранительных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков, алкогольной продукции, пресечению работы нелегальных игровых клубов и т.п.

Соответствующую роль организационно-правовые меры должны играть и в деле ограничения доступа на рынок, например, геномодифицированных продуктов, товаров, изготовленных из

вредных для здоровья материалов, неконтролируемых информационных потоков рекламного, пропагандистского характера. Способом противостояния последним должно стать не столько тотальное ограничение гарантированной Конституцией «свободы слова», сколько соответствующая просветительская деятельность, способная «перепрограммировать» восприятие человека, вывести его из-под воздействия целенаправленно навязываемых образов, моделей поведения и потребления.

Особый вопрос в этой области — отвлечение детей и подростков (а зачастую и взрослых людей) от повального увлечения компьютерными играми, нахождение способов «нерепрессивного» ограничения доступа к компьютеру, смещения интереса подростка в сферу реальной жизни. Представляется, что основное бремя решения этой чрезвычайно сложной задачи должно лежать на родителях, обязанных, возможно, в ущерб собственным желаниям, найти способ взаимодействия с ребенком вне виртуальной реальности — чтение книг вслух, путешествия, любые совместные занятия (за исключением походов по магазинам и азартных игр).

Весьма существенную роль в деле противодействия ситуативным факторам играет профилактика поведенческих рисков (преодоление интереса к наркотикам, алкоголю и др.) путем формирования и пропаганды основ здорового образа жизни, особенно у детей и подростков. Согласно заключению экспертов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), состояние здоровья населения на 50 % определяется именно образом жизни. При этом в единое понятие «образа жизни» входят такие составляющие, как злоупотребление табаком, нерациональное питание, употребление алкоголя, вредные условия труда, стрессовые ситуации, гиподинамия, плохие материально-бытовые условия, употребление наркотиков, злоупотребление лекарствами, непрочность семейных связей, низкий образовательный и культурный уровень, чрезмерно высокий уровень урбанизации. Понятие же «здорового образа жизни» помимо отсутствия вредных привычек, правильного режима труда и отдыха, система питания и т.п., включает в себя также жизненные цели и ценности и сложную систему отношений: к себе, к другому человеку, к жизни в целом.

Очевидно, что основные составляющие здорового образа жизни имеют общий характер. Однако в своей совокупности они образуют динамичную систему поведения человека, которая основана на знаниях различных факторов, оказывающих влияние на здоровье, и постоянной корректировке своего поведения с учетом приобретенного опыта и

возрастных особенностей. Пропаганда столь обширного перечня условий «здорового образа жизни» требует разработки соответствующей идейной стратегии и последовательного проявления политической воли, направленной на достижение позитивного результата.

В этой связи некоторое внимание следует уделить и мотивации поведения людей в сфере здоровья. В феномене мотивации своеобразно представлена и реализуется на личностном уровне вся гамма слагаемых социальной обусловленности здоровья: потребность (либо отсутствие таковой) иметь хорошую физическую форму, повышать уровень образования, иметь устойчивость к разного рода повреждающим факторам. Отсюда — значительный упор на формирование правильной мотивации личного поведения (прежде всего — у молодого поколения и пожилых граждан) в целях сохранения физического, психического и морального здоровья.

Таким образом, подлинное оздоровление человека неотделимо от оздоровления общества в целом. Соответственно минимизация воздействия негативных социальных факторов на уровень распространения массовых болезней предполагает разработку целой системы мер, направленных, с одной стороны, на оказание всеобъемлющей помощи индивиду в преодолении им негативного воздействия факторов системного характера, а с другой — на устранение факторов ситуативного характера. Задача противодействия факторам системного характера обуславливает необходимость формирования механизмов, рассчитанных на оздоровление и реабилитацию лиц, пострадавших от их воздействия. Устранение же ситуативных факторов требует применения мер, направленных на ограничение доступности провоцирующих элементов, а в идеале — на их физическое устранение. Взаимозависимость поставленных задач обуславливает необходимость применения совокупности мер (институциональных, нормативных, социально-организационных, мотивационных, ресурсных, управленческих и др.), характеризую-

щихся их объективной и субъективной взаимообусловленностью. В соответствии с этим должна быть разработана глобальная стратегия оздоровления общества — создание широкой системы противодействия негативным социальным факторам на основе гуманистических принципов.

Литература

1. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. 368 с.
2. Фромм Э. Здоровое общество. М., 2005.
3. Гирусов Э.В. Экологическая культура как высшая форма гуманизма // *Философия и общество*. 2009. № 4. С. 74–92.
4. Животные, которых кормили ГМО, перестают давать потомство. URL: <http://www.pcr-rus.com/article.php#%D0%B710> (дата обращения: 22.09.2015).
5. Лучкевич В.С. Основы социальной медицины и управления здравоохранением: учеб. пособие. СПб., 1997.
6. Солдатенко С.А. Основы социальной медицины: учеб.-метод. пособие. Кемерово, 2011.

References

1. Markuze G. *Odnomernyi chelovek* [One Dimensional Man]. Moscow, 1994, 368 p.
2. Fromm E. *Zdorovoe obshchestvo* [Healthy Society]. Moscow, 2005.
3. Girusov E.V. *Ekologicheskaya kul'tura kak vysshaya forma gumanizma* [Ecological Culture as the Highest Form of Humanity]. *Filosofiya i obshchestvo*, 2009, no 4, pp. 74-92.
4. *Zhivotnye, kotorykh kormili GMO, perestayut davat' potomstvo* [Animals Fed With GMO, Stop Producing Offspring]. Available at: <http://www.pcr-rus.com/article.php#%D0%B710> (accessed 22.09.2015).
5. Luchkevich V.S. *Osnovy sotsial'noi meditsiny i upravleniya zdravookhraneniem* [Foundations of Social Medicine and Health Management]. Textbook. Saint Petersburg, 1997.
6. Soldatenko S.A. *Osnovy sotsial'noi meditsiny* [Foundations of Social Medicine]. Textbook. Kemerovo, 2011.

УДК 316.654

DOI 10.18522/0321-3056-2015-4-42-49

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СУБЪЕКТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ ИСТОЧНИКОВ ОПАСНОСТИ НАСЕЛЕНИЕМ КРУПНОГО ГОРОДА ВОЛЖСКОГО И МАЛОГО ГОРОДА НИКОЛАЕВСКА*

© 2015 г. Д.С. Сухоносенко, Н.В. Морозова, О.А. Обьедкова

Сухоносенко Денис Сергеевич – кандидат географических наук, доцент, кафедра природопользования, Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, г. Волжский, Волгоградская область, 404133. E-mail: dsuhonosenko@mail.ru

Suhonosenko Denis Sergeevich – Candidate of Geography Science, Associate Professor, Department of Environmental Management, Volzhskiy Humanitarian Institute (branch) of the Volgograd State University, 40 Let Pobedy St., 11, Volzhsky, Volgograd Region, 404133, Russia. E-mail: dsuhonosenko@mail.ru

Морозова Наталия Владимировна – старший преподаватель, кафедра природопользования, Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, г. Волжский, Волгоградская область, 404133. E-mail: Moroznatali@bk.ru

Morozova Natalya Vladimirovna – Senior Lecturer, Department of Environmental Management, Volzhskiy Humanitarian Institute (branch) of the Volgograd State University, 40 Let Pobedy St., 11, Volzhsky, Volgograd Region, 404133, Russia. E-mail: Moroznatali@bk.ru

Обьедкова Ольга Александровна – старший преподаватель, кафедра природопользования, Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, г. Волжский, Волгоградская область, 404133. E-mail: obedkova.olga@yandex.ru

Obedkova Olga Aleksandrovna – Senior Lecturer, Department of Environmental Management, Volzhskiy Humanitarian Institute (branch) of the Volgograd State University, 40 Let Pobedy St., 11, Volzhsky, Volgograd Region, 404133, Russia. E-mail: obedkova.olga@yandex.ru

Представлены результаты исследования особенностей субъективного восприятия различных источников опасности населением, проживающим в городах Волжский и Николаевск. В результате социологического опроса населения установлено статистически достоверное различие в восприятии респондентами двух городов некоторых источников опасности. Кроме того, выявлены различия в субъективном восприятии источников опасности мужчинами и женщинами. Проведена оценка готовности населения заплатить, чтобы уменьшить воздействие канцерогенного загрязнения окружающей среды. Проведен анализ влияния различных социально-демографических характеристик респондентов на готовность платить за уменьшение воздействия канцерогенного загрязнения окружающей среды.

Ключевые слова: субъективное восприятие риска, людность города, социологический опрос, недооценка риска, пол респондента, готовность населения заплатить.

The article represents the results of studies of the subjective perception of different hazards by the population living in Volzhsky and Nikolaevsk. According to the public opinion poll a statistically significant difference in the perception of the respondents of the two cities some hazards was revealed. In addition, the differences in the subjective perception of the hazards by men and women in Volzhsky and Nikolaevsk have been identified. The public's willingness to pay for the reduction of the carcinogenic pollution effects in Nikolaevsk and Volzhsky was assessed. The analysis of the impact of various socio-demographic characteristics of respondents to the willingness to pay for reduction of the carcinogenic pollution effects was conducted.

Keywords: subjective perception of risk, population size of the city, sociological survey, underestimation of risk, respondent's gender, wiliness to pay.

Постановка проблемы

Понятие воспринимаемого риска подразумевает сочетание субъективной вероятности неблагоприятного события (потери, несчастного случая и т. п.)

и оценки его возможных негативных последствий [1]. Восприятие риска многомерно, крайне субъективно и зависит от большого числа факторов [2].

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-36-01256.

В отечественной науке лишь немногие исследования посвящены изучению специфики субъективного восприятия населением различных источников опасности для здоровья [3–6]. Между тем в зависимости от особенностей восприятия риска у населения формируется мнение о государственных мероприятиях по обеспечению безопасности, о качестве жизни, об эффективности осуществляемых природоохранных мер.

Вопрос влияния размера города (его людности) на субъективное восприятие населением источников опасности изучен слабо. При этом степень проявления различных источников опасности для жизни и здоровья человека в городе во многом зависит от его размера (людности). Уровни преступности, загрязнения окружающей среды, производственного травматизма, частота автомобильных аварий в малых и крупных городах существенно различаются. Поэтому субъективное восприятие различных источников опасности (в том числе – экологических) населением, проживающим в городах с различной людностью, должно иметь определенные отличия.

Материалы и методы исследования

Объекты исследования. На территории Волгоградской области располагаются города, относящиеся в зависимости от численности проживающего в них населения к малым, средним, большим, крупным и городам-миллионерам. Нами отражены результаты исследования, проведенного в крупном городе Волжском численностью населения 314 тыс. чел. и малом городе Николаевске – 14,8 тыс. чел.

Для выявления различий в субъективном восприятии источников опасности проведен социологический опрос населения методом анкетирования. Регистрация ответов осуществлена как заочно, так и очно. Опрос велся через учебные заведения, с которыми Волгоградский государственный университет осуществляет постоянное взаимодействие.

Проектирование выборки предполагало использование метода квот. Основным параметром, по которому состав опрашиваемого населения (выборочной совокупности) соответствовал пропорциям генеральной совокупности (население городов Волгоградской области), является половозрастной состав. Размер выборки (число опрашиваемых) зависел от числа параметров, по которым обеспечена репрезентативность. В данном исследовании таких параметров два (по полу и возрасту), объем выборки в каждом исследуемом городе составил 400 человек.

Анкеты были пронумерованы (номер включает три цифры от 001) и состояли из двух разделов. В общем разделе респонденты должны были отнести себя к одной из социальных групп (пол, возраст).

Во втором (специальном) разделе им было предложено ответить на три вопроса. Во-первых, необходимо было расположить в порядке убывания двадцать источников опасности (причин смерти) для жизни среднестатистического жителя России. В анкете перечислены источники опасности, степень проявления которых может зависеть от размера (людности) города: производственный травматизм, промышленные аварии, преступность, самоубийства, катастрофы на транспорте (автомобильном, авиационном, железнодорожном). Кроме того, были указаны причины смерти, связанные с образом жизни (алкоголь), различными заболеваниями (туберкулез, новообразования и др.), опасными природными явлениями.

Для каждого из двадцати источников опасности рассчитано среднее арифметическое значение ранга, отражающее субъективное восприятие населением данного фактора. Полученные ответы респондентов в крупном городе Волжском и малом городе Николаевске сопоставлены между собой. Это позволило провести оценку случайности различий между средними показателями восприятия риска (критерий Стьюдента).

Результаты опроса в виде ранжированных перечней источников опасности (причин смерти) были сравнены со средними статистическими показателями по России [7–10], что позволило определить те источники опасности, которые недооцениваются или переоцениваются населением, проживающим в малом городе и крупном. Такое сравнение осуществлено для различных групп городского населения.

Во втором вопросе респондентам было предложено оценить значимость источника опасности для жизни среднестатистического жителя именно их города, а не среднестатистического россиянина. Жители г. Волжского и г. Николаевска должны были оценить степень опасности (в виде числа смертей в год) разных факторов онкологической смертности. Предварительно им было сообщено точное суммарное число человек, которое, по данным госстатистики, умирает в данном городе от новообразований. В качестве источников канцерогенного риска в анкете были указаны следующие факторы: прохождение флюорографии и рентген-снимков; загрязнение питьевой воды (хлороформ при хлорировании), продуктов питания местного производства и атмосферного воздуха канцероген-

ными веществами; вдыхание радиоактивного газа радона в помещениях.

Результаты и обсуждение

В табл. 1 представлены результаты сравнения субъективного восприятия источников опасности населением в г. Волжском и Николаевске. Наиболее значимым источником опасности (наименьшее среднее значение ранга) респонденты в г. Волжском считают аварии на автомобильных дорогах и злокачественные новообразования – значения ран-

га 5,221 и 7,404 соответственно [11]. Согласно статистическим данным [8–10] (по показателю смертности населения), эти источники опасности среди двадцати предложенных в анкете имеют ранг 7 и 2.

В г. Николаевске наибольшее опасение вызывают такие причины смерти населения, как болезнь, вызванная ВИЧ, и убийство (средний ранг 8,224 и 7,06 соответственно). Согласно статистическим данным [8–10] (по показателю смертности населения), эти источники опасности среди двадцати предложенных в анкете имеют ранг 13 и 9 соответственно.

Таблица 1

Результаты сравнения субъективного восприятия источников опасности населением в г. Волжском и г. Николаевске

Источник опасности	Средний ранг (R_c)		Объективный ранг (R_o)*	Ошибка $\Delta=R_c - R_o$	
	Волжский	Николаевск		Волжский	Николаевск
Авария на железнодорожном транспорте	13,03	10,134	19	-5,97	-8,87
Опасные природные явления	11,15	9,3134	18	-6,85	-8,69
Авария на водном транспорте	13,64	9,3134	20	-6,36	-10,69
Несчастный случай на производстве	11,22	10,866	11	+0,22	-0,13
Авария в промышленности	10,55	8,2687	15	-4,45	-6,73
Пищевое отравление ядовитыми грибами	15,18	13,269	17	-1,82	-3,73
Болезнь, вызванная ВИЧ	7,87	8,2239	13	-5,127	-4,78
Убийство	8,187	7,0597	9	-0,813	-1,941
Болезни системы кровообращения	8,097	10,343	1	+7,097	+9,343
Авария на воздушном транспорте	11,55	11,791	16	-4,45	-4,21
Авария на автомобильных дорогах	5,221	8,4925	7	-1,779	+1,493
Злокачественные новообразования	7,404	10,239	2	+5,404	+8,239
Самоубийство	12,05	8,9104	6	+6,05	+2,91
Болезни органов дыхания	8,547	11,209	4	+4,547	+7,209
Случайное утопление	14,33	13,149	12	+2,33	+1,149
Болезни органов пищеварения	10,4	12,403	3	+7,4	+9,403
Систематическое употребление алкоголя	8,828	11,866	5	+3,828	+6,866
Туберкулез	8,839	9,9403	8	+0,839	+1,94
Случайное отравление алкоголем	12,43	12,761	10	+2,43	+2,761
Несчастные случаи под воздействием огня	11,28	11,657	14	-2,72	-2,34

* Ранг 1 – наиболее опасный, ранг 20 – наименее опасный.

Наименее опасными респонденты в г. Волжском считают такие причины смерти, как пищевое отравление ядовитыми грибами (средний ранг равен 15,18) и случайное утопление (средний ранг равен 14,33) [11]. В г. Николаевске наибольшие средние значения ранга получены для тех же источников опасности (13,269 и 13,149 соответственно). Согласно статистическим данным [8–10] (по показателю смертности населения), эти источ-

ники опасности среди двадцати предложенных в анкете имеют ранг 17 и 12 соответственно.

Для каждого из двадцати источников опасности определена величина ошибки Δ субъективного восприятия фактора риска (табл. 1). Она рассчитана как разность между средним арифметическим значением ранга R_c (на основе ответов респондентов) и объективным значением ранга R_o (по статистическим данным [8–10]). Это позволило опреде-

лить те источники опасности, которые недооцениваются или переоцениваются населением, проживающим в крупном городе и малом.

И в г. Волжском и в Николаевске в наибольшей степени переоцениваются (максимальные отрицательные значения ошибки Δ) такие источники опасности, как опасные природные явления, аварии на водном, воздушном и железнодорожном транспорте; аварии в промышленности; болезнь, вызванная ВИЧ. В наибольшей степени недооцениваются (максимальные положительные значения ошибки Δ) такие источники опасности, как болезни органов пищеварения, системы кровообращения и органов дыхания; самоубийство; систематическое употребление алкоголя.

Для каждого из двадцати источников опасности проведена оценка случайности различий между средними показателями восприятия риска респондентами в г. Волжском и Николаевске. При этом использован параметрический критерий Стьюдента для независимых выборок неравных дисперсий. Сравнение средних значений в двух выборках малого объема с нормальным распределением и неравными дисперсиями составляет сущность проблемы Беренса-Фишера.

Сравнительный анализ субъективного восприятия населением источников опасности показывает, что жители малого города больше опасаются катастрофических событий, чем жители крупного. Так, например, различие в субъективном восприятии населением г. Волжского и Николаевска таких источников опасности, как авария на железнодорожном транспорте, опасные природные явления, авария на водном транспорте, авария в промышленности, обусловлено большей переоценкой данных факторов риска респондентами в г. Николаевске.

Также установлено, что жители малого города меньше, чем жители крупного, опасаются факторов риска, связанных с заболеваниями. Различие в субъективном восприятии населением г. Волжского и Николаевска таких источников опасности, как болезни системы кровообращения, злокачественные новообразования, болезни органов дыхания и пищеварения, обусловлено недооценкой данных факторов риска респондентами в г. Николаевске. Данная закономерность может быть связана с тем, что в крупных городах более высокие уровни загрязнения окружающей среды вызывают значительное число дополнительных случаев заболевания различных систем организма. Поэтому жители крупного промышленного города Волжского более настороженно относятся к данным факторам риска.

Наиболее статистически достоверным является различие в субъективном восприятии населением обоих городов таких источников опасности, как аварии на водном транспорте и на автомобильных дорогах. Последний фактор риска жители крупного города переоценивают, а малого – недооценивают. Данную закономерность можно объяснить тем, что в больших городах существенно больше автотранспортных средств, более интенсивное движение на магистралях, значительно чаще происходят аварийные ситуации. Поэтому жители крупного города Волжского больше опасаются таких аварий, чем жители малого города Николаевска.

Проведен анализ влияния на субъективное восприятие источников опасности различных социально-демографических характеристик респондентов (табл. 2).

Установлено, что в обоих городах характер субъективного восприятия источников опасности одинаков для мужчин и женщин. То есть те источники опасности, которые мужчины-респонденты недооценивают, также недооценивают и женщины-респонденты, и наоборот, и теми и другими переоцениваются одни и те же источники опасности.

Для каждого из двадцати источников опасности проведена оценка степени различий между средними показателями восприятия риска респондентами мужского и женского пола в г. Волжском. При этом использован параметрический критерий Стьюдента для независимых выборок неравных дисперсий. С его помощью установлена статистическая достоверность ($p < 0,01$) различий средних значений ранга для таких источников опасности, как убийство, злокачественные новообразования и случайное утопление [11]. Наиболее статистически достоверным является различие в субъективном восприятии респондентами мужского и женского пола г. Волжского такого источника опасности, как злокачественные новообразования.

Для респондентов мужского и женского пола в г. Николаевске максимальные различия в оценке установлены для таких источников опасности, как аварии на железнодорожном и воздушном транспорте, злокачественные новообразования, пищевое отравление ядовитыми грибами, убийство, болезни органов дыхания, несчастные случаи под воздействием огня.

При этом женщины больше, чем мужчины, опасаются катастроф (аварии на железнодорожном и воздушном транспорте) и болезней (злокачественные новообразования, болезни органов дыхания). Мужчины больше, чем женщины, опасаются случайных

событий (пищевое отравление ядовитыми грибами, случайное утопление, случайное отравление алкоголем, несчастные случаи под воздействием огня).

В рамках данной работы была проведена оценка субъективного восприятия жителями г. Волжского различных факторов онкологической смертности. При этом степень опасности каждого фактора канцерогенного риска была выражена в процентах от общей величины риска (табл. 3).

Наиболее значимым фактором онкологической смертности, по мнению жителей г. Волжского, является загрязнение атмосферного воздуха канцерогенными веществами.

Такие источники риска, как загрязнение питьевой воды (хлороформ при хлорировании) и продуктов питания канцерогенными веществами, получили практически одинаковую оценку по степени их опасности.

Таблица 2

**Результаты сравнения субъективного восприятия источников опасности
мужчинами и женщинами в г. Волжском и Николаевске**

Источник опасности	Средний ранг, Волжский		Разность $\Delta=M-J$	Средний ранг, Николаевск		Разность $\Delta=M-J$
	Муж.	Жен.		Муж.	Жен.	
Авария на железнодорожном транспорте	13,01	13,05	-0,04	10,94	9,17	+1,77
Опасные природные явления	11,79	10,79	+1	9,36	9,28	+0,08
Авария на водном транспорте	13,67	13,63	+0,04	9,13	9,47	-0,34
Несчастный случай на производстве	11,41	11,12	+0,29	10,52	11,17	-0,65
Авария в промышленности	11,01	10,29	+0,72	7,97	8,53	-0,56
Пищевое отравление ядовитыми грибами	14,57	15,52	-0,95	12,36	14,06	-1,7
Болезнь, вызванная ВИЧ	8,198	7,69	+0,508	8,39	8,08	+0,31
Убийство	6,979	8,865	-1,886	7,87	6,36	+1,51
Болезни системы кровообращения	8,552	7,842	+0,71	10,45	10,25	+0,2
Авария на воздушном транспорте	11,57	11,54	+0,03	12,61	11,08	+1,53
Авария на автомобильных дорогах	5,271	5,193	+0,078	8,87	8,17	+0,7
Злокачественные новообразования	8,771	6,637	+2,134	11,42	9,22	+2,2
Самоубийство	11,24	12,5	-1,28	8,65	9,14	-0,49
Болезни органов дыхания	8,771	8,421	+0,35	12,16	10,39	+1,77
Случайное утопление	13,52	14,78	-1,26	12,48	13,72	-1,24
Болезни органов пищеварения	11,04	10,04	+1	12,65	12,19	+0,46
Систематическое употребление алкоголя	8,323	9,111	-0,788	11,52	12,17	-0,65
Туберкулез	9,01	8,743	+0,267	9,26	10,53	-1,27
Случайное отравление алкоголем	12,01	12,66	-0,65	12,1	13,33	-1,23
Несчастные случаи под воздействием огня	11,36	11,24	+0,12	10,55	12,61	-2,06

Таблица 3

**Характер субъективного восприятия жителями г. Волжского
различных факторов онкологической смертности**

	Прохождение флюорографии	Загрязнение пить- евой воды	Загрязнение про- дуктов питания	Загрязнение атмо- сферного воздуха	Радиоактивный газ радон
Субъективная оценка, %	6,28	20,09	24,08	33,92	15,63
Объективная оценка, %	3,26	0,81	29,27	35,77	30,89
Ошибка	+3,02	+19,28	-5,19	-1,85	-15,26

Наименее опасными факторами респонденты считают прохождение флюорографии и вдыхание радиоактивного газа радона в помещениях.

Результаты оценки субъективного восприятия факторов онкологической смертности были сопоставлены с объективными данными, для того чтобы выявить, насколько недооцениваются или переоцениваются населением те или иные источники опасности. В рамках данного исследования была проведена расчетная оценка объективной величины канцерогенного риска здоровью населения [12]. Полученная расчетная величина риска использована в качестве «эталоны сравнения» для анализа ответов респондентов на второй вопрос анкеты.

Из табл. 3 видно, что такой источник канцерогенного риска, как загрязнение питьевой воды (хлороформ при хлорировании), респондентами в г. Волжском сильно переоценивается. С другой стороны, такие факторы онкологической смертности, как загрязнение продуктов питания канцерогенными веществами и вдыхание радиоактивного газа радона в помещениях, респондентами сильно недооцениваются.

Полученные закономерности в субъективном восприятии населением г. Волжского факторов онкологической смертности можно объяснить следующим образом. Такие факторы риска, как продукты питания, содержащие канцерогенные вещества, и радиоактивный газ радон, не воздействуют на органы чувств человека, не формируют у него ощущений и предметного образа воздействия. Поэтому они могут восприниматься как необычная и непонятная угроза, в силу чего и недооцениваются респондентами.

Источники риска, которые воздействуют на органы чувств (питьевая вода, содержащая хлор или загрязненный атмосферный воздух), постоянно «напоминают» о себе человеку посредством формируемых ощущений. Поэтому эти факторы риска оцениваются респондентами адекватно или переоцениваются.

Особенности субъективного восприятия жителями г. Николаевска различных факторов онкологической смертности представлены в табл. 4. При этом степень опасности каждого фактора канцерогенного риска была выражена в процентах от общей величины риска.

Таблица 4

Характер субъективного восприятия жителями г. Николаевска различных факторов онкологической смертности

	Прохождение флюорографии	Загрязнение питьевой воды	Загрязнение продуктов питания	Загрязнение атмосферного воздуха	Радиоактивный газ радон
Субъективная оценка, %	11,4	17,99	24,78	22,3	23,53
Объективная оценка, %	4,15	1,04	37,38	3,43	54
Ошибка	+7,25	+16,95	-12,6	+18,87	-30,47

Наиболее значимым фактором онкологической смертности, по мнению жителей г. Николаевска, является загрязнение продуктов питания канцерогенными веществами. При этом такие источники риска, как вдыхание радиоактивного газа радона в помещениях, загрязнение атмосферного воздуха и продуктов питания канцерогенными веществами, получили практически одинаковую оценку по степени их опасности. Наименее опасными факторами респонденты считают прохождение флюорографии и загрязнение питьевой воды.

Из табл. 4 видно, что такой источник канцерогенного риска, как загрязнение питьевой воды (хлороформ при хлорировании) и атмосферного воздуха канцерогенными веществами, респондентами в г. Николаевске сильно переоценивается. С

другой стороны, такие факторы онкологической смертности, как загрязнение продуктов питания канцерогенными веществами и вдыхание радиоактивного газа радона в помещениях, респондентами сильно недооцениваются.

Одним из методов оценки субъективного восприятия населением источников опасности является оценивание по готовности физических лиц платить за устранение риска смерти. Данный метод позволяет выявить многочисленные факторы, влияющие на процесс восприятия риска, и механизмы, управляющие этим процессом.

Метод готовности платить основан на оценке социального отношения к систематическому загрязнению окружающей среды и отражает неявно готовность общества платить за качество здоровья

и окружающей среды. При этом необходимо отметить, что субъективная недооценка (переоценка) риска смерти ведет, как правило, к занижению (завышению) оценки собственной жизни [13, 14].

Для оценки денежной суммы, которую население готово заплатить, чтобы уменьшить, избежать или предотвратить воздействие канцерогенного загрязнения окружающей среды, проведен социологический опрос населения крупного (г. Волжского) и малого (г. Николаевск) городов Волгоградской области методом анкетирования. В специальном разделе анкеты респондентам был предложен вопрос: «Окружающая среда загрязнена веществами, которые могут вызывать у человека онкологические заболевания. Какую сумму Вы готовы платить ежемесячно за осуществление органами власти мероприятий, которые устранят для Вас данный источник опасности?». Для определения готовности заплатить в анкете были размещены следующие варианты цен, из которых респондент должен был выбрать приемлемую для него величину: 100 р.; 500 р.; 1000 р.; 3000 р.; свой вариант.

Среднее значение денежной суммы, полученное для г. Волжского, составляет 644,3 р. [15], для г. Николаевска – 662,3 р. При этом различие данных средних значений не является статистически значимым.

Проведен анализ влияния социально-демографических характеристик респондентов на готовность платить за уменьшение воздействия канцерогенного загрязнения окружающей среды. В г. Волжском среднее значение денежной суммы, которую готовы заплатить мужчины и женщины, составляет соответственно 702,8 и 611,4 р. [15]. В г. Николаевске готовность женщин платить за уменьшение воздействия канцерогенного загрязнения окружающей среды несколько выше, чем мужчин (678,8 и 644,8 р. соответственно). При этом ни в одном из городов не установлено статистически значимого различия между средними значениями денежных сумм, которые готовы заплатить мужчины и женщины.

Таким образом, в результате исследований выявлены особенности субъективного восприятия различных источников опасности населением, проживающим в крупном г. Волжском и малом Николаевске. Установлено, что жители последнего больше опасаются катастрофических событий и меньше – факторов риска, связанных с заболеваниями, чем жители первого. Такой фактор риска, как авария на автомобильных дорогах, жители

крупного города переоценивают, а малого – недооценивают.

Кроме того, выявлены определенные различия в субъективном восприятии различных факторов онкологической смертности жителями городов различной величины. Так, в Волжском больше опасаются загрязнения атмосферного воздуха канцерогенными веществами, чем в Николаевске. Данную закономерность можно объяснить тем, что в больших городах существенно больше источников загрязнения атмосферного воздуха (автотранспортных средств и промышленных предприятий). При этом если жители крупного города достаточно объективно оценивают вклад данного источника риска, то жители малого города сильно его переоценивают.

В то же время для всех исследованных городов выявлены общие особенности субъективного восприятия жителями различных факторов онкологической смертности. Такие факторы риска, которые не воздействуют на органы чувств человека, не формируют у него ощущений и предметного образа воздействия (продукты питания, содержащие канцерогенные вещества, и радиоактивный газ радон), недооцениваются респондентами. Источники риска, которые воздействуют на органы чувств (питьевая вода, содержащая хлор или загрязненный атмосферный воздух), постоянно «напоминают» о себе человеку посредством формируемых ощущений. Поэтому эти факторы риска переоцениваются. Кроме того, в обоих городах выявлены различия в субъективном восприятии источников опасности мужчинами и женщинами.

Литература

1. *Otway H., Thomas K.* Reflections on risk perception and policy // *Risk Analysis*. 1982. Vol. 2, № 2. P. 69–82.
2. *Никитин С. М., Феофанов К. А.* Социологическая теория риска в поисках предмета // *Социол. исслед.* 1992. № 10. С. 297–298.
3. *Архангельская Г.В., Зыкова И.А.* Мониторинг радиотревожности // *Международ. журн. радиационной медицины*. 2001. № 1–2. С. 154.
4. *Родионова Н.В.* Понимание ситуаций радиационной опасности профессионалами и непрофессионалами: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 26 с.
5. *Моляко В. А.* Формирование образа экологической катастрофы на примере Чернобыльской атомной аварии // *Вопр. психол.* 1992. № 5–6. С. 16–22.
6. *Корнилова Т.В.* Психология риска и принятия решений. М., 2003. 286 с.

7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: стат. сб. / Росстат. М., 2010. 996 с.

8. Российский статистический ежегодник. 2013: стат. сб. / Росстат. М., 2013. 717 с.

9. Демографический ежегодник России. 2012: стат. сб. / Росстат. М., 2012. 535 с.

10. Здравоохранение в России. 2013: стат. сб. / Росстат. М., 2013. 380 с.

11. Сухоносенко Д.С., Морозова Н.В., Кононенко Е.А. Оценка субъективного восприятия источников опасности населением г. Волжского и г. Волгограда // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2014. № 5. С. 25–33.

12. Сухоносенко Д.С., Морозова Н.В., Гасанова Д.М. Оценка комплексного риска для здоровья населения при многокомпонентном загрязнении окружающей среды в городах Волгоградской области // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Естеств. науки. 2014. № 5. С. 88–94.

13. Кручинина И.А., Лисанов М.В., Печеркин А.С., Сидоров В.И. К вопросу об оценке стоимости человеческой жизни // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. 2003. № 4. С. 72–75.

14. Ваганов П.А. Риск смерти и цена жизни // Правоведение. 1999. № 3. С. 67–82.

15. Сухоносенко Д.С. Стоимостная оценка ущерба, обусловленного увеличением онкологической смертности населения городов Волгоградской области в результате загрязнения окружающей среды канцерогенными веществами // Экологические системы и приборы. 2014. № 12. С. 3–8.

References

1. Otway H., Thomas K. Reflections on risk perception and policy. *Risk Analysis*, 1982, vol. 2, no 2, pp. 69-82.

2. Nikitin S. M., Feofanov K. A. Sotsiologicheskaya teoriya riska v poiskakh predmeta [Sociological Theory of Risk in Search of the Subject]. *Sotsiol. issled.*, 1992, no 10, pp. 297-298.

3. Arkhangel'skaya G.V., Zykova I.A. Monitoring radio-trevozhnosti [Monitoring of Radio Anxiety]. *Mezhdunar. zhurn. radiatsionnoi meditsiny*, 2001, no 1-2, p. 154.

4. Rodionova N.V. *Ponimanie situatsii radiatsionnoi opasnosti professionalami i neprofessionalami* : avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk [Understanding of the Situation of Radiation Danger by Professionals and Nonprofessionals]. Moscow, 2004, 26 p.

5. Molyako V. A. Formirovanie obraza ekologicheskoi katastrofy na primere Chernobyl'skoi atomnoi avarii [For-

mation of the Image of Environmental Catastrophe on the Example of the Chernobyl Nuclear Accident]. *Vopr. psikhol.*, 1992, no 5-6, pp. 16-22.

6. Kornilova T.V. *Psikhologiya riska i prinyatiya reshenii* [Psychology of Risk and Decision-making]. Moscow, 2003, 286 p.

7. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli*. 2010 [Socio-Economic Indicators. 2010]: stat. sb. / Rosstat. Moscow, 2010, 996 p.

8. *Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik*. 2013 [Russian Statistical Yearbook. 2013]: stat. sb. / Rosstat. Moscow, 2013, 717 p.

9. *Demograficheskii ezhegodnik Rossii* [Russian Demographical Yearbook. 2012]: stat. sb. / Rosstat. Moscow, 2012, 535 p.

10. *Zdravookhranenie v Rossii*. 2013 [Healthcare in Russia. 2013]: stat. sb. / Rosstat. Moscow, 2013, 380 p.

11. Sukhonosenko D.S., Morozova N.V., Kononenko E.A. Otsenka sub"ektivnogo vospriyatiya istochnikov opasnosti naseleniem g. Volzhskogo i g. Volgograda [Evaluation of the Subjective Perception of the hazards by the population of Volzhsky and Volgograd]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki*. 2014, no 5, pp. 25-33.

12. Sukhonosenko D.S., Morozova N.V., Gasanova D.M. Otsenka kompleksnogo riska dlya zdorov'ya naseleniya pri mnogokomponentnom zagryaznenii okruzhayushchei sredy v gorodakh Volgogradskoi oblasti [Evaluation of the Subjective Perception of the Hazards by the population of Volzhsky and Volgograd]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Estestv. nauki*. 2014, no 5, pp. 88-94.

13. Kruchinina I.A., Lisanov M.V., Pecherkin A.S., Sidorov V.I. K voprosu ob otsenke stoimosti chelovecheskoi zhizni [On the Estimation of the Value of Human Life]. *Problemy bezopasnosti i chrezvychainykh situatsii*, 2003, no 4, pp. 72-75.

14. Vaganov P.A. Risk smerti i tsena zhizni [The Risk of Death and the Price of Life]. *Pravovedenie*, 1999, no 3, pp. 67-82.

15. Sukhonosenko D.S. Stoimostnaya otsenka ushcherba, obuslovlennogo uvelicheniem onkologicheskoi smertnosti naseleniya gorodov Volgogradskoi oblasti v rezul'tate zagryazneniya okruzhayushchei sredy kantserogennymi veshchestvami [The Evaluation of Damage Caused by the Increase of Cancer Mortality of the Volgograd Region Urban Population Caused by the Carcinogenic Substances Environmental Contamination]. *Ekologicheskije sistemy i pribory*, 2014, no 12, pp. 3-8.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

УДК 94 (47-57) 1917/1991

DOI 10.18522/0321-3056-2015-4-50-55

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА ДОНУ В 1930-е ГОДЫ: НА ПРИМЕРЕ КАЛМЫЦКОГО РАЙОНА

© 2015 г. А.В. Аверьянов

Аверьянов Антон Викторович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра исторической политологии, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета, ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082. E-mail: aver18071981@yandex.ru

Averyanov Anton Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Historical Political Science, Institute of History and International Relations of the Southern Federal University, B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia. E-mail: aver18071981@yandex.ru

Анализируются особенности национальной политики большевиков на примере Калмыцкого района Азово-Черноморского края в 1930-е гг. На основе архивных документов установлено, что создание Калмыцкого национального района было обусловлено необходимостью интеграции донских калмыков в формирующуюся социально-хозяйственную модель советского общества. Выявлены основные направления политики краевых партийных органов в районе в рамках проводившейся на юге РСФСР национальной и экономической политики.

Ключевые слова: Юг России, Азово-Черноморский край, донской регион, Калмыцкий район, национальная политика, национальный район, ВКП(б).

The article is devoted to the analysis of Bolsheviks' national policy features on the example of the Kalmyk region of the Azov-Black Sea Area in the 1930th. On the basis of archival documents it is established that creation of the Kalmyk national area was caused by need of integration of the Don Kalmyks into the formed socioeconomic model of the Soviet society. The main directions of the regional party bodies' policy in the area within the national and economic policy pursued in the South of RSFSR are revealed.

Keywords: The South of Russia, Azov-Black Sea region, the Don region, the Kalmyk region, national policy, the national area, All-Union Communist Party (bolsheviks).

Переломные моменты российской истории характеризовались обострением национального вопроса. После Гражданской войны советское руководство провозгласило курс на кардинальную смену парадигмы межнациональных отношений. Ключевой задачей объявлялось форсированное строительство советских наций в рамках единой советской семьи народов, которая в перспективе должна была трансформироваться в единый национальный организм.

В рамках нынешнего государственного запроса на формирование российской гражданской нации изучение советского опыта нациестроительства имеет определённую общественную и научную актуальность. Тем более что современная федеративная модель межнациональных отношений в России отражает основные принципы государственно-территориального устройства, заложенные большевиками в 1920–1930-е гг. В тот период полиэтничный юг России представлял собой своеобразную «строительную» площадку, на которой

советская власть ударными темпами формировала новые нации.

В современной историографии изучение данного процесса давно вышло за рамки накопления эмпирического материала и стало объектом всестороннего анализа историков. Работы южнороссийских учёных в значительной мере заполнили исследовательскую лауну в сфере изучения национальной политики советской власти в довоенный период. В ряде работ сформировано представление об основных целях, задачах и направлениях советского нациестроительства в регионе, выделены и охарактеризованы его основные этапы, а также показана эволюция национальной политики большевиков в контексте изменения внутри- и внешнеполитической ситуации в Советском Союзе.

В данной связи следует отметить работы И.М. Феединой [1] и Т.П. Хлыниной [2], коснувшихся идеологических и практических аспектов формирования и функционирования национальных районов на юге РСФСР.

В ряде работ освещаются вопросы социально-политического, экономического развития крупнейших этнических групп. Так, в статьях Р.Ш. Кузнецовой [3], И.В. Кузнецова, В.И. Колесова [4] затронуты проблемы немецкой, армянской, греческой диаспор на территории Северо-Кавказского и Азово-Черноморского краёв, в том числе в рамках созданных в 1920–1930-е гг. национальных районов.

В 2000-е гг. группой исследователей, в том числе А.В. Сивер [5], М.Е. Игнатовой [6], Ю.Н. Поповой [7] были защищены кандидатские диссертации, посвящённые особенностям нацистроительства адыгов-шапсугов, греков, немцев, корейцев в Шапсугском, Греческом, Ванновском (немецком) национальных и других районах региона.

Вместе с тем стоит отметить, что основная масса работ затрагивает аспекты большевистской национальной политики в рассматриваемый период на Кубани и Северном Кавказе, в то время как на Дону данные процессы отражены в исследовательском поле не столь широко. Кроме работы В.З. Акопяна [8], посвящённой изучению особенностей развития социально-культурных и экономических отношений в среде донских армян, отсутствуют сколько-нибудь крупные исследования, освещающие специфику развития татарской, украинской, греческой, калмыцкой общин в донском регионе.

Между тем именно в 1920–1930-е гг. закладывалась основа советской национальной политики, с теми или иными изменениями реализуемая в последующие десятилетия. 1930-е гг. после создания в 1934 г. Азово-Черноморского края, включавшего в себя территории будущих Ростовской области и Краснодарского края, можно считать периодом расцвета национально-территориальных образований, формировавшихся по этническому признаку.

В отличие от Кубани, на территории которой в общей сложности было создано пять национальных районов, на Дону этническое районирование затронуло только две национальные группы, исторически проживавших в регионе – армян и калмыков. История Калмыцкого национального района крайне слабо отражена в современной историографии, проходя рефреном в рамках освещения общих принципов национальной политики большевиков в регионе.

Анализ не введённых в широкое исследовательское поле архивных источников по истории района позволяет реконструировать не только основные направления советской национальной политики в общегосударственном масштабе, но и её особенности в контексте специфики восточных

территорий донского региона в зоне смешанного проживания значительно отличавшихся друг от друга в социальном, экономическом, культурном и бытовом плане русских, калмыков и немцев.

Несмотря на воссоединение калмыцкого народа в рамках единого административно-территориального образования – Калмыцкой автономной области (АО) РСФСР, созданной в 1920 г., часть оставшихся донских калмыков была причислена к Зимовниковскому району Сальского округа Северо-Кавказского края. В 1928 г. на части территории бывшего Ремонтненского уезда, переданного в Сальский округ из Калмыцкой АО, решением ВЦИК СССР был создан Калмыцкий национальный район в составе Северо-Кавказского края.

Документы фондов Северо-Кавказского и Азово-Черноморского крайкомов ВКП(б) свидетельствуют об активизации в начале 1930-х гг. национальной политики краевых партийных органов на Дону, в частности в Калмыцком районе, имевшей целью вывод из кризиса местного сельского хозяйства, составлявшего основу экономики района, а также формирование национального самосознания калмыков и создания их национального очага на Дону.

Именно на краевые партийные органы были возложены основные обязанности по реализации советской национальной политики в регионе. Её важнейшие направления, в частности в Калмыцком районе, согласовывались с ключевыми установками советской власти, которые изложил А.И. Микоян, будучи секретарём Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), в июне 1925 г. на конференции по вопросам культуры и просвещения народов региона.

Важнейшей задачей советской власти провозглашались создание и организация новых наций на основе многочисленных этнических общностей, связанных между собой кровнородственными отношениями. Развитие современной производственной базы, передовых форм хозяйствования, письменности, понятного массам родного языка, культуры и искусства, по мнению Микояна, должно было сформировать национальное самосознание народов юга России, вывести их на новый уровень общественно-политического и экономического развития.

В данной связи организация национально-территориальных образований – национальных районов и сельсоветов – имела целью создание условий максимального благоприятствования для достаточно быстрого по историческим меркам «вызревания» новых наций. Ключевым фактором про-

возглашалась помощь нарождающимся нациям со стороны «более передового слоя», под которым подразумевался пролетариат и интеллигенция прогрессивных в понимании большевиков народов [9].

В случае с Калмыцким районом такую функцию должны были взять на себя русские, а также немцы, бывшие первой и третьей по численности этническими группами в районе – на май 1933 г. 5,7 тыс. и 1,2 тыс. человек соответственно. Однако спустя четыре года после создания Калмыцкого района партийные органы вынуждены были констатировать, что общая демографическая и социально-экономическая ситуация в районе остаётся крайне тяжёлой [10, л. 161].

Весь конец 1920-х – начало 1930-х гг. фиксируется непрерывный отток калмыцкого населения из района, что, по мнению краевых партийных органов, формирует угрозу «превращения калмыцкого района в русско-немецкий» [10, л. 161]. Несмотря на попытки со стороны региональных властей поддержать численность калмыцкого населения за счёт организованного переселения, значительная часть переселенцев в течение некоторого времени возвращалась в места прежнего проживания.

Так, в результате переезда в 1932 г. трехсот калмыцких семей из Зимовниковского района в течение года около 30 % из них вернулись обратно. Кроме того, несмотря на положительный естественный прирост среди калмыков к 1933 г. их удельный рост оставался на прежнем уровне – около 40 % (5,4 тыс. чел.) [10, л. 161].

В последующем их численность и удельный вес в районе продолжал сокращаться. Согласно переписи населения 1939 г., калмыков насчитывалось 3,8 тыс. человек, или 20,7 %, в то время как численность славянского населения возросла до 10 тыс. (57,4 %) русских и 2,1 тыс. (11,4 %) украинцев; немецкого – увеличилась незначительно и составила 1,6 тыс. (8,7 %) [11].

Основными причинами низкой привлекательности Калмыцкого района для калмыцких переселенцев была тяжёлая экономическая ситуация, усугубившаяся в результате проводимой в первой половине 1930-х гг. коллективизации. Краевыми партийными органами отмечался низкий уровень развития инфраструктуры в районе, в том числе дефицит жилья, отсутствие отделений Госбанка, телефонной связи между сельсоветами и т.д. [12].

Согласно данным докладной записки на имя ответственного инструктора Азово-Черноморского крайкома партии, важнейшим показателем депрессивного состояния местного хозяйства к 1934 г. являлось уменьшение поголовья скота: лошадей,

коров, ягнят и т.д. Кроме того, отмечалось неудовлетворительное выполнение финансового плана района практически за все кварталы 1933 г. и первый квартал 1934 г. [10, л. 158–159].

Ситуация усугублялась тем, что уровень экономического развития в районе был крайне неравномерным. Партийные органы обращали внимание на то, что худшие показатели фиксировались прежде всего в калмыцких колхозах, что обуславливалось низким уровнем технического оснащения, дефицитом квалифицированных кадров среди работников-калмыков, отсутствием необходимого количества руководящих, в том числе партийных кадров среди «титульного» населения.

Так, согласно оценкам краевых партийных органов, на 11 колхозов, обслуживаемых созданной в 1932 г. Калмыцкой районной МТС, только два были калмыцкими, остальные девять – русскими и немецкими [10, л. 161]. Спустя два года за счёт специально созданной второй районной МТС количество обслуживаемых калмыцких колхозов выросло до девяти. Тем не менее местные партийные органы с неудовлетворением констатировали, что этническая структура рабочих кадров МТС по-прежнему отличается низким уровнем представленности в ней специалистов калмыцкой национальности [13, л. 101].

В докладной записке о состоянии дел в Калмыцком районе, датированной октябрём 1934 г., отмечалось, что среди 136 механизаторских кадров в районе калмыков насчитывается только 11 человек, или 8,1 %. Из 226 трактористов и комбайнёров калмыков немногим больше – 19 человек, или 8,4 %. Аналогичная ситуация фиксировалась и на учебных курсах: «...на курсах комбайнёров при Калмыцкой МТС из 13 человек только три калмыка...» [13, л. 101–102].

В текущей ситуации региональными партийными органами планировалось увеличить долю калмыков среди трактористов и комбайнёров до 40 %, в том числе за счёт широкого привлечения женщин, которые частично должны были компенсировать нехватку рабочих рук в рамках процесса повышения уровня механизации местных колхозов [14, л. 43].

Ситуация усугублялась вследствие имевших место межэтнических трений, выражающихся в нежелании местных руководителей расходовать ресурсы на обучение национальных кадров, значительной разницы в культурных, бытовых особенностях русского, немецкого и калмыцкого населения.

Ключевым направлением работы со стороны краевых властей в данной связи провозглашался

курс на коренизацию местных руководящих и партийных органов за счёт калмыков, прошедших соответствующее обучение и имевших общественные заслуги «перед революцией». Дефицит квалифицированных руководящих кадров на всех уровнях обуславливал низкие темпы хозяйственного и культурно-просветительского развития Калмыцкого района.

С целью воспитания и привлечения к руководящей деятельности уроженцев Калмыцкого района прежде всего из числа калмыцкого населения, краевыми партийными органами ставилась задача развития широкой просветительской деятельности. К исходу второго квартала 1936 г. планировалось полностью ликвидировать неграмотность.

Для повышения уровня заинтересованности калмыцкого населения в получении образования важнейшей задачей провозглашалось развитие национальной культуры и языка. Внедрение калмыцкого языка в систему делопроизводства национальных советов, по мнению большевиков, должно было способствовать росту лояльности калмыков к советской власти.

Развёрнутые в короткие сроки пункты по изучению латинской графики для представителей районного партийного актива имели целью повышение уровня грамотности и создание условий для перевода местного делопроизводства на калмыцкий язык.

Высокая потребность в квалифицированной рабочей силе оправдывала использование мер административного характера, направленного на предотвращение оттока национальных кадров из района. Так, в постановлении Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) в качестве обязательной меры провозглашался учёт «всех калмыков-учащихся в различных ВУЗах и техникумах края» с целью обеспечения их «возвращения после окончания учёбы на работу в район» [14, л. 43–43 об.].

Помимо административных функций необходимость развития калмыцкого языка обуславливалось широкими возможностями советской пропаганды. Важнейшая роль при этом отводилась средствам массовой информации, прежде всего газетам как наиболее дешёвому и доступному способу идеологического воздействия на население. С этой целью в районе функционировало две газеты – на русском и калмыцком языках, в 1936 г. по причинам финансовой целесообразности объединённых в одну – «Улан-малч», редактором которой стал А.И. Сусеев, впоследствии народный поэт Калмыкии [15, л.10].

Обращает на себя внимание последовательная политика по развитию и популяризации калмыцкой культуры. Вопросы культурного строительства в районе были предметом регулярного обсуждения на уровне пленумов краевого комитета ВКП(б), в том числе связанные с функционированием калмыцкого районного театра, библиотеки, художественных и музыкальных кружков, проведением районных олимпиад самодеятельности, строительством клуба, введением в штат районной должности инспектора искусств [15, л.10].

В условиях предвоенного времени, характеризовавшегося дефицитом ресурсов и сложной социально-политической ситуацией, развитие национальных культур малых народов представлялось одним из важнейших направлений советской государственной политики наряду с решением приоритетных экономических и внешнеполитических задач.

Тем самым помимо теоретических конструкций большевистской национальной политики, стержневой идеей которой являлось формирование новых советских наций через повышение общего уровня развития малых народностей, практическая целесообразность в условиях индустриализации и коллективизации обуславливала необходимость вовлечения широких масс населения в нарождающуюся советскую систему хозяйствования.

Малые народности (в советской терминологии – «нацменьы»), особенно на юге России в совокупности представляли собой значительный демографический потенциал, который был востребован в условиях мобилизационной экономики. Вместе с тем сохранение традиционного уклада быта и хозяйствования не позволяло в полной мере использовать их трудовые ресурсы.

В данных условиях суть национальной политики большевиков сводилась к раскрепощению духовных и творческих способностей малых народов, их интеграции в социальную и экономическую систему советского государства. Развитие национальной культуры в рамках гуманистической традиции позволяло добиться лояльности этнических групп с недоверием и опаской относившихся к большевикам.

В случае с Калмыцким районом краевое руководство столкнулось с проблемами депрессивности местного хозяйства, межэтнических трений, нехватки квалифицированной рабочей силы и некомпетентности местных руководителей. В документах крайкома партии неоднократно отмечалось нежелание районного руководства заниматься проблемами калмыцких колхозов и сельсоветов.

Калмыцкий район числился одним из наиболее проблемных не только на Дону, но и в рамках всего Азово-Черноморского края. Здесь ситуация в корне отличалась от мест компактного проживания донских армян, достаточно глубоко интегрированных в местный социум. Свежими в памяти оставались земельные конфликты времён Гражданской войны между казаками, калмыками и другими этносоциальными группами региона.

Социально-экономическая реанимация Калмыцкого района осуществлялась параллельно с реализацией ключевых установок национальной политики большевиков. Формирование определённых предпочтений в отношении калмыцкого населения, в том числе практика этнического квотирования руководящих должностей и мест в учебных заведениях, имела целью форсированную интеграцию калмыков в местную систему хозяйства.

Приобщение национальных меньшинств к нормам советской жизни мыслилось в рамках социалистических форм совместной трудовой деятельности, развития социальных институтов, национальных партийных и комсомольских ячеек.

Одновременно широкая лояльность советской власти по отношению к малым народам юга России определялась уровнем политической благонадёжности последних. Поступательное развитие Калмыцкого района было прервано начавшейся Великой Отечественной войной и последовавшей в 1944 г. депортацией калмыцкого народа. Территория ликвидированного Калмыцкого района была разделена между Мартыновским, Романовским, Зимовниковским и Пролетарским районами Ростовской области.

Литература

1. Федина И.М. Опыт создания национальных районов на Кубани в 1920–30 годы // Кубанское казачье войско [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slavakubani.ru/land-management/history-administrative-division/detail.php?ID=24813> (дата обращения: 04.09.2015).
2. Хлынина Т.П. «Синдром осажденной крепости», или Как на Кубани появились национальные районы // Мир славян Кубани. Вып. 3. Краснодар, 2007. С. 96–111.
3. Кузнецова Р.Ш. Немцы (Материалы к изучению западноевропейских колонистов на Кавказе) // Археология и этнография Северного Кавказа: сб. науч. тр. Краснодар, 1998. С. 402–449.
4. Кузнецов И.В., Колесов В.И. «Черкесские греки» – идентичность, культура, религия // Диаспоры: независимый научный журнал. 2002. № 1. С. 106–132.

5. Сивер А.В. Этническая идентификация черноморских адыгов-шапсугов (XVIII–XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2001. 30 с.

6. Игнатова М.Е. Греческий и немецкий (Ванновский) национальные районы Краснодарского края в 20–40-е гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005. 244 с.

7. Попова Ю.Н. Корейская диаспора Краснодарского края историко-культурные аспекты (XX – начало XXI в): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2004. 28 с.

8. Акоюн В.З. Национальные сельсоветы на юге России в 20–30-е гг. XX в. // Армяне юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всерос. науч. конф. (30 мая – 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2012. С. 11–17.

9. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 208. Л. 6.

10. Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 29.

11. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения районов, городов и крупных сел РСФСР. Ростовская область. Калмыцкий район // Демоскоп. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=1471 (дата обращения: 04.09.2015).

12. ЦДНИРО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 41. Л. 35.

13. Там же. Д. 171.

14. Там же. Д. 173.

15. Там же. Д. 264.

References

1. Fedina I.M. Opyt sozdaniya natsional'nykh raionov na Kubani v 1920–30 gody [Experience of Creation of National Areas on Kuban in 1920–30]. *Kubanskoe kazach'e voisko*. Available at: <http://www.slavakubani.ru/land-management/history-administrative-division/detail.php?ID=24813> (accessed 04.09.2015).
2. Khlynina T.P. “Sindrom osazhdennoi kreposti”, ili Kak na Kubani poyavilis' natsional'nye raiony [“Besieged fortress syndrome”, or the Appearance of National Districts on Kuban]. *Mir slavyan Kubani*. Vol. 3. Krasnodar, 2007, pp. 96–111.
3. Kuznetsova R.Sh. Nemtsy (Materialy k izucheniyu zapadnoevropeiskikh kolonistov na Kavkaze) [Germans. (Materials to Studying of the West European Colonists in the Caucasus)]. *Arkheologiya i etnografiya Severnogo Kavkaza*: Collected Scientific Works. Krasnodar, 1998, pp. 402–449.
4. Kuznetsov I.V., Kolesov V.I. “Cherkesskie greki” – identichnost', kul'tura, religiya [“Circassian Greeks” – Identity, Culture, Religion]. *Diaspory: nezavisimyy nauchnyy zhurnal*, 2002, no 1, pp. 106–132.
5. Siver A.V. *Etnicheskaya identifikatsiya chernomorskikh adygov-shapsugov (XVIII–XX vv.): avtoref. dis. ...*

kand. ist. nauk [Ethnic Identification of the Black Sea Circassians-Shapsugs (XVIII–XX centuries)]. Nal'chik, 2001, 30 p.

6. Ignatova M.E. *Grecheskii i nemetskii (Vannovskii) natsional'nye raiony Krasnodarskogo kraia v 20–40-e gg. XX veka*: dis. ... kand. ist. nauk [Greek and German (Vannovsky) National Districts of Krasnodar Area in 20-40th. XX century]. Krasnodar, 2005, 244 p.

7. Popova Yu.N. *Koreiskaya diaspora Krasnodarskogo kraia istoriko-kul'turnye aspekty (XX – nachalo XXI v)*: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Korean Diaspora in Krasnodar Area Historical and Cultural Aspects (XX - beginning of XXI century)]. Krasnodar, 2004, 28 p.

8. Akopyan V.Z. [National Village Soviets in the South of Russia in 20-30th. XX c.]. *Armenyane yuga Rossii: istoriya, kul'tura, obshchee budushchee* [Armenians of Southern Russia: History, Culture, Mutual Future] : proceedings of All Russia Scientific Conference (30th May – 2nd June 2012,

Rostov-on-Don). Ed. by G.G. Matishov. Rostov-on-Don, 2012, pp. 11-17.

9. *Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti (TsDNIRO)* [Center of Documentation of the Rostov Region Modern History (further – CDMHRR)]. F. 7. Op. 1. D. 208. L. 6.

10. There. F. 8. Op. 1. D. 29.

11. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya raionov, gorodov i krupnykh sel RSFSR. Rostovskaya oblast'. Kalmytskii raion* [Census of 1939. National structure of the population of districts, towns and large villages of the RSFSR. Rostov Region. Kalmyk District]. Available at: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=1471 (accessed 04.09.2015).

12. CDMHRR. F. 8. Op. 1. D. 41. L. 35.

13. There. D. 171.

14. There. D. 173.

15. There. D. 264.

Поступила в редакцию

11 сентября 2015 г.

УДК 908

ОРГАНИЗАЦИЯ УСТНОЙ ПРОПАГАНДЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

© 2015 г. К.А. Землянский

Землянский Константин Александрович – аспирант, кафедра исторических наук и политологии, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), ул. Б. Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону, 344007. E-mail: Daniloff-show@yandex.ru

Zemlyansky Konstantin Alexandrovich – Postgraduate Student, Department of Historical and Political Sciences, Rostov State Economic University (RINH), B. Sadovaya St., 69, Rostov-on-Don, 344007, Russia. E-mail: Daniloff-show@yandex.ru

На основе архивных материалов рассматриваются вопросы агитационно-лекционной работы среди населения Ростовской области. Отражены результаты исследования деятельности партийно-государственных органов СССР и Ростовской области по пропаганде среди населения в годы Великой Отечественной войны. Анализируются документы и материалы Государственного архива Ростовской области (ГАРО) и Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Определена эффективность деятельности партийно-государственных органов по организации устной пропаганды в Ростовской области в 1941–1945 гг. Выделены основные методы формирования образа врага органами пропаганды и средствами массовой информации Ростовской области.

Ключевые слова: пропаганда, агитация, лекция, Ростовская область, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, массовое сознание.

The objective of the article is to study the problem of political agitating activity conducted among the population of the Rostov region on the basis of the archival materials. The article comprises the results of the study conducted on the activities of the Communist Party and governmental bodies of the USSR and the Rostov region to sensitize the population during the Great Patriotic War. Analyzing the problem the author worked with the documents and materials of the State Archive of the Rostov region and the Rostov region Centre of Contemporary History Documentation. The author of the article determines the efficiency of the Communist Party and governmental bodies' actions on organizing oral propaganda in the Rostov region in the 1941 - 1945. The results of the conducted research include highlighting the main methods of creating the image of the enemy by the political agitation organizations and mass media in the Rostov region.

Keywords: propaganda, promotion, discourse, Rostov region, The Great Patriotic War, The Second World War, mass consciousness.

В СССР уже в начальный период войны образуются специальные службы для осуществления пропаганды среди населения. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 июня 1941 г. было учреждено бюро военно-политической пропаганды, преобразованное позже в Совет по военно-политической пропаганде. Использовались все известные виды пропагандистской деятельности: наглядная агитация, устная пропаганда и пропаганда с помощью средств массовой информации. В процессе формирования массового сознания проводились собрания, митинги, беседы, «читки».

Если рассматривать политическую работу с населением как набор специфических мероприятий, то здесь на первый план выходили *агитационные лекции*. Правительство СССР прикладывало немало усилий к развитию лекционной формы агитации. Например, решение ЦК партии 1943 г. о политических докладах и лекциях областного и районного актива принесло свои плоды. По 49 областям за этот год было прочитано около 100 тыс. лекций [1, л. 28–29]. Часть из них «спускалась» вышестоящими партийными органами, а такие темы, как «О международном положении», «Жизнь трудящихся оккупированных стран под игом фашизма», готовились лекторами самостоятельно по текущим публикациям в газетах [2, л. 138]. Но в условиях дефицита сведений о событиях на фронте и в тылу агитаторы и пропагандисты часто предоставляли населению информацию, которую сами были не в состоянии квалифицированно прокомментировать.

Ростовским обкомом ВКП(б) был составлен список вопросов, которые вызывали разные мнения обкомовских лекторов летом 1941 г.: вопрос о позиции Японии; верно ли, что Германия и Болгария концентрируют силы для захвата Босфора; почему Англия и Де Голль держат большие силы в Сирии; о классовом характере войны. Секретарь Боковского РК ВКП(б) предпочел уклониться от консультации с помощью начальственного окрика. На документе его ремарка: «А Вы сами как считаете? Вы же агитатор!» [3, л. 146–147].

Некоторые идеологические работники не утруждали себя подготовкой к выступлениям, пренебрежительно относясь к праву населения на информацию. Чтоб ненароком не исказить линию партии и не быть обвиненным в распространении слухов, слабо ориентирующиеся в ситуации агитаторы предпочитали уходить от ответов. На вопрос, далекий от внутренней политики «чем вызвана посылка американских войск в Исландию?», один из лекторов ответил: «Выводы я делать не могу, так как за ложные сведения меня привлекут к ответственности. Они не гово-

рят, зачем посылают. Предполагайте, как вам лучше» [4, л. 16–17]. Эта позиция имела серьезные основания, так как схоластические рассуждения официальной пропаганды не поддавались логическому осмыслению, а требовали практически дословного повторения, «ритуального изучения» [5, с. 36]. Все, что было опубликовано в центральной прессе, приобретало характер директивы. «Стоит ли печатать статью в нашем боевом органе, в “Большевике”, как статью руководящую, или, во всяком случае, глубоко поучительную, ибо ясно, что напечатать ее в “Большевике” – значит дать ей молчаливо такую именно рекомендацию?» – риторически вопрошал И. Сталин [6, с. 6–7].

Необходима была строжайшая централизация пропагандистской работы, что отмечалось на XVIII партийной конференции ЦК ВКП(б), осудившей кустарщину в этой области [7, с. 51]. Работники идеологического фронта были в затруднении, так как требовалось скрывать факты неподготовленности страны и армии к войне вследствие ошибок руководства и в то же время убеждать население, привыкшее к мысли о легкой победе, что враг силен и необходимо напряжение всех сил.

Обилие фактов создавало иллюзию осведомленности. Судя по вопросам, задаваемым на лекциях, городское население свободно оперировало фамилиями членов правительств иностранных государств, другими сведениями о международном положении. Слушатели задавали вопросы о договоре с Ираном, о том как погиб Антикайнен, о введении американских войск в Исландию, «о деятельности квислингов – Коха и Розенберга» [8, л. 42]. Интерес к внешней политике объяснялся не только тем, что шла война и эта тема была актуальна, но и закрытостью внутренней политики.

Население не должно было проявлять чрезмерного интереса к «запретным темам», например, к промахам и ошибкам официальной политики. Такой интерес сам по себе объявлялся крамольным. Инструктор Ростовского РК ВКП(б) сообщал, что в Боковском районе после лекции был задан «антисоветский» вопрос о потерях в Красной Армии, автор вопроса естественно оказался сомнительной личностью: «наплеватьски относится к мероприятиям и является неблагонадежным элементом», но чаще с удовлетворением отмечалось, «что каверзных вопросов не было. Настроение у населения здоровое» [9, л. 24–25].

Вообще же вопросы после массовых мероприятий поощрялись. Они должны были демонстрировать лояльность населения к проводимой политике. Однако их значение оценивалось в меру понимания ситуации

конкретным лектором. Так, один агитатор докладывал: «Какая огромная тяга наблюдается у населения в вопросах текущего момента и как масса глубоко переживает все то, что происходит на фронте и в тылу». Другой считал, «что эти вопросы в известной мере отражают неверие в наши силы» [10, л. 30].

Требования к лекторам записывать задаваемые на мероприятиях вопросы и прилагать к отчету и вообще их поощрение (по инициативе УПА ЦК ВКП(б)) отмечается только с 1943 г., когда окончательно прояснились перспективы войны [11, л. 202].

Истина становилась монополией, привилегией власти, само знание, как и его источник, постепенно сакрализуется в общественном сознании. Даже передавать официально одобренные сведения должны были специально отобранные, ничем не запятнанные люди. Инструктор Ростовского РК ВКП(б) в августе 1941 г. с тревогой докладывал, что в колхозе «Красный пахарь» Аксайского района по собственной инициативе взялся проводить политинформации эвакуированный эстонец, но «работу его никто не проверит, политического лица его никто не знает», в Азовском районе редакция одной из стенгазет состояла из вероятно наиболее грамотных людей – счетовода и учительницы. Однако счетовод был из раскулаченных, а учительница – спецпереселенка [12, л. 17].

Ситуация усложнялась политической безынициативностью некоторой части населения. Партийные органы постоянно подчеркивали, что далеко не все жители деревень, рабочие и служащие были вовлечены в читки и беседы. Многие не бывали на лекциях вовсе, в основном это относилось к подсобным рабочим и работникам массовых профессий. Многие рабочие не только не прочитали ни одной книги, но за всю войну ни разу не были в кино. Плохо подготовленные, сложные для восприятия лекции приводили к тому, что слушатели уходили или просто спали [13, л. 31]. Исполнительный комитет Андреевского районного Совета депутатов трудящихся в мае 1943 г. критиковал, например, работу некоторых лекторов за увлечение «историческими справками, ненужными деталями и подробностями», в то время как лекции должны были носить мобилизационный характер, звать на конкретное дело [14, л. 8].

Безусловно, сложно было требовать от людей с начальным образованием, чтобы они сопровождали чтение грамотным анализом политической ситуации в мире. Отсюда и соответствующее качество работы агитаторов среди населения. Довольно типичным является отзыв отдела пропаганды и агитации Ростовского обкома ВКП(б) от 14 июля 1941 г.:

«11–12 июля 1941 года в Чернышевском районе в помещении клуба Мол-Мясосовхоза № 18 и в кинотеатре ст. Чернышевской была прочитана лекция на тему “Разбойничья политика германского фашизма”. Лекцию читал лектор обкома ВКП(б) т. Чернухин. Лекция была платная, цена билетов 1 руб. Всего присутствовало на лекции 423 человека, из них коммунистов 93 человека, комсомольцев 153 человека, рабочих, служащих и советской интеллигенции 117 человек, колхозников 60 человек. Продано билетов 363. Лекция прочитана неудовлетворительно, сухо и без ярких примеров. Слушатели лектором остались недовольны» [15, л. 157].

Еще один отзыв от 21 июля 1941 г.: «О прочитанной лекции в Боковском районе 13.07.1941 г. лектором обкома ВКП(б) т. Чернухиным на тему “Разбойничья внешняя политика германского фашизма”. На лекции присутствовало 150 человек. Лекция прочитана сухо, монотонно, недостаточно было приведено фактов, прочитанной лекцией т. Чернухина люди остались недовольны. Кроме того т. Чернухин своим нетактичным поведением скомпрометировался избил 10-летнего мальчика» [15, л. 146].

Плохо информированные, с низким образовательным уровнем, местные начальники и лекторы часто искажали действительность в силу собственной неграмотности. Материалы проверки подготовленности пропагандистов не только на селе, но и на крупных предприятиях (типография им. Калинина, таганрогский кожзавод № 1, таганрогская картонная фабрика) выявили следующие факты: многие агитаторы не знали, какие отношения у СССР с Японией и Турцией, какую должность занимает М. Калинин, не могли назвать союзников Германии, последние правительственные указы, путались в географических названиях и т.д. Объяснение находили в нехватке прессы, редких посещениях села агитаторами из города [16, л. 41].

В июле 1942 г. Ростовским обкомом ВКП(б) была проведена проверка состояния лекционной работы в Ростовском, Новочеркасском, Красно-Сулинском, Каменском горкомах, Николаевском, Константиновском, Семикаракорском, Раздорском, Богаевском, Сальском, Верхне-Крепинском, Родионовско-Несветаевском, Матвеево-Курганском райкомах ВКП(б). По итогам этой проверки 4 июля 1942 г. был подготовлен подробный отчет о состоянии агитационно-лекционной работы в области, в котором указывалось, что в ряде районов «лекционная работа имеет существенные недостатки», а именно: не укомплектованы лекторские группы при некоторых ГК и РК ВКП(б); отсутствует плановость и контроль за подготовкой лекций; не организованы консульта-

ции для лекторов; не разрабатываются новые темы для лекций [17, л. 30].

Исходя из сложившейся ситуации бюро Ростовского обкома ВКП(б) предложило:

1. Обязать ГК и РК ВКП(б) впредь не только не допускать ослабления или сокращения лекционной работы, а всячески ее расширять.

2. Обязать Красно-Сулинский, Каменский, В.-Крепинский, Раздорский и все другие ГК и РК ВКП(б), еще не организовавшие лекторских групп, закончить организацию их не позже 10 июля 1942 года.

3. Обязать отделы пропаганды и агитации ГК и РК ВКП(б) на каждый месяц планировать лекции и осуществлять постоянный контроль за качеством их подготовки [18, л. 3].

В том же отчете Ростовского обкома ВКП(б) отмечалось, что в целом лекционная работа в большинстве городов и районов области за последние пять месяцев значительно улучшилась. Увеличилось количество проводимых лекций, с января по май 1942 г. лекторами обкома ВКП(б) в городах и районах области прочитано 470 лекций, в воинских частях и госпиталях – 85. Внештатными лекторами ГК и РК партии по 25 районам и городам области прочитано 785 лекций. Улучшилось качество, расширилась тематика лекций, центральное место в которых заняли темы «Отечественная война советского народа против гитлеровской Германии», «Партия Ленина – Сталина – организатор борьбы за победу над немецко-фашистскими захватчиками», «Разгром немецких империалистов и их армий неминуем», «1942 год должен стать годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск». Агитационно-пропагандистские органы стали обращаться к сюжетам исторического прошлого России. Достаточно проанализировать темы лекций и докладов, которые были проведены на предприятиях и в учреждениях Ростовской области в июле 1941 г.: «Отечественная война 1812 года», «Великий русский полководец Суворов и героизм русского народа», «Александр Невский и борьба русского народа с псами-рыцарями», «Разгром прусской армии русскими в Семилетней войне».

Таким образом, необходимо отметить, что лекционная работа в годы Великой Отечественной войны являлась распространенной формой массовой агитационно-пропагандистской деятельности на территории Ростовской области, расширилось агитационное пространство, что в свою очередь привело к росту количества лекторов. Однако по-прежнему ощущалась их нехватка. Часть лекторов оказалась на фронте, а те, кто остался в тылу, зача-

стую не имели соответствующей профессиональной подготовки. Несмотря на это, лекционно-пропагандистская деятельность в регионе осуществлялась довольно успешно. По мере возможностей военного времени подбирались лекторы, а также тщательно прорабатывались темы и сам текст сообщений. Утверждения должны были быть созвучны эмоциональному состоянию аудитории, чтобы быстро распространиться и стать достоянием большинства. Тогда информация могла быть поверхностной, не содержать что-либо, чего слушатели не знали бы раньше, рассуждения сводились к минимуму и лозунг быстро превращался в действие, на которое у массы уже сформировалась установка. Это было важно в условиях недостатка информации и невысокой квалификации основной массы пропагандистов.

Литература

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 221.
2. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 9. Оп. 5. Д. 40.
3. Там же. Оп. 1. Д. 354. Пр. 243.
4. Там же. Д. 352. Пр. 233.
5. Гинзбург Л.Я. Поколение на повороте. Л., 1987.
6. Сталин И.В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Партийное строительство. 1941. № 9.
7. Большевик. 1941. № 7.
8. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. р. 3955. Оп. 1. Д. 1.
9. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 318. Пр. 159.
10. Там же. Д. 316. Пр. 158.
11. Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 130.
12. Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 318. Пр. 160.
13. Там же. Ф. 1210. Оп. 1. Д. 2.
14. ГАРО. Ф. р. 3955. Оп. 1. Д. 13.
15. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 354.
16. ГАРО. Ф. р. 3850. Оп. 1. Д. 4.
17. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 314.
18. Там же. Д. 16.

References

1. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI) [The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)]. F. 17. Op. 125. D. 221.
2. Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti (TsDNIRO) [Center of Documentation of the Rostov Region Modern history]. F. 9. Op. 5. D. 40.

3. There. Op. 1. D. 354. Pr. 243.
4. There. D. 352. Pr. 233.
5. Ginzburg L.Ya. *Pokolenie na povorote* [Generation at the Turning Point]. Leningrad, 1987.
6. Stalin I.V. O stat'e Engel'sa "Vneshnyaya politika russkogo tsarizma" [On the Article of Engels "Foreign Policy of Russian Tzarism"]. *Partiinnoe stroitel'stvo*, 1941, no 9.
7. *Bol'shevik*, 1941, no 7.
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti (GARO)* [State Archive of Rosov Region]. F. r. 3955. Op. 1. D. 1.
9. *TsDNIRO* [CARRMH]. F. 9. Op. 1. D. 318. Pr. 159.
10. There. D. 316. Pr. 158.
11. There. F. 16. Op. 1. D. 130.
12. There. F. 9. Op. 1. D. 318. Pr. 160.
13. There. F. 1210. Op. 1. D. 2.
14. *GARO* [SARR]. F.r. 3955. Op. 1. D. 13.
15. *TsDNIRO* [CARRMH]. F. 9. Op. 1. D. 354.
16. *GARO* [SARR]. F. r. 3850. Op. 1. D. 4.
17. *TsDNIRO* [CARRMH]. F. 9. Op.1. D. 314.
18. There. D. 16.

Поступила в редакцию

14 сентября 2015 г.

УДК 930.25

DOI 10.18522/0321-3056-2015-4-59-65

ПАМЯТЬ РОДА В СЕМЕЙНЫХ КНИГАХ ФЛОРЕНЦИИ XIV–XV ВЕКОВ

© 2015 г. И.А. Краснова

Краснова Ирина Александровна – доктор исторических наук, профессор, кафедра археологии и всеобщей истории, Гуманитарный институт Северо-Кавказского федерального университета, ул. Пушкина, 1, г. Ставрополь, 355009. E-mail: gorward_@mail.ru

Krasnova Irina Aleksandrovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Archaeology and World History, Institute of Humanities of the North-Caucasus Federal University, Pushkina St., 1, Stavropol, 355009, Russia. E-mail: gorward_@mail.ru

Анализируются семейные книги граждан Флоренции XIV–XV вв. Отмечаются их значение для историко-антропологических исследований, типичная схема составления, генетическая связь с хозяйственными тетрадями, признаки отличия от дневников и автобиографий. Предметом изучения выступают интерпретации причин, побуждающих к написанию такого рода меморий, в понимании самих авторов: утверждение преемственности и неразрывности поколений рода, противопоставляемое средневековому финализму и эсхатологическим настроениям.

Ключевые слова: семейные книги, самосознание горожан, Флоренция XIV–XV вв., мифологизация истоков рода, фамильная идентичность.

In this article the family books, written by the Florence citizens in XIV-XV centuries are analyzed. Their importance for historical and anthropological researches, the typical scheme of their formation, the genetic link with business notebooks, the evidences of their differences from the diaries and autobiographies are considered. The subjects of the study are the interpretations of the reasons, which motivated to write this kind of memorabilia in the understanding of the authors: the assertion of succession and continuity of generations, opposed to medieval finalism and eschatological moods.

Keywords: family books, identity of citizens, Florence in XIV-XV centuries, genus origins mythologizing, family identity.

Мемории, о которых пойдет речь, самими авторами никак не озаглавливались. Наименования «Ricordi», «Ricordanze», «I libri di famiglia», «Croniche domestiche», «I libri segreti», «Diarii» даны произвольно последующими издателями, комментаторами и исследователями. Корпусы записей, условно называемые «семейными книгами», не являлись историческими хрониками, фиксирующими важные политические события, автобиографическими мемуарами или сборниками жизнеописаний выдающихся представителей рода, хотя могли включать в себя элементы этих жанров [1]. Основной предпосылкой, побуждавшей горожан составлять историю своего рода, по мнению

многих исследователей [2], служил нотариально-купеческий способ восприятия мира. Записи оформлялись и пространство семейной хроники организовывалось таким образом, чтобы книга считалась документом, достойным доверия, поскольку она могла фигурировать в качестве важного доказательства в судебных процессах. Признаками нотариальной карты являлись тяга к точности датировок, расположение записей в хронологическом порядке, тенденция к типичности и обрядовой протокольности регистрирующих документов. Схема составления, как правило, следующая: традиционный зачин или пролог, содержащий обращение к Господу с мольбой благословить

труды автора и его род, ясное установление идентичности пишущего; затем генеалогия; родовые мемуары по годам или в хронологической последовательности; перечисление и описание детей, внуков и потомков; аббревиатура имени Христа.

На протяжении XX в. заметен интерес к семейным книгам итальянских горожан эпохи позднего средневековья как к информативным источникам, служащим для изучения экономических и политических отношений XIII–XVI вв., а также для понимания социальных основ феномена итальянского Возрождения. Особое значение они приобрели в историко-антропологических исследованиях как ценные источники, позволяющие воспроизвести реалии повседневности городского социума и реконструировать менталитет его представителей – купцов, нотариусов и ремесленников, а также сферу семейно-брачных отношений и динамики демографических процессов [3–5]. О том, что интерес не угас и в начале XXI в., свидетельствует создание в 2002 г. особого научного центра – «Библиотеки информации о семейных архивах» (BILF), а также широта современных дискуссий о времени и ареале их распространения, жанровой принадлежности, мотивации составления [6]. Уже доказано, что семейные книги, содержащие истории рода, не являлись только тосканскими [7], но все специалисты, касающиеся этой тематики или использующие указанные источники в прикладном значении, в первую очередь упоминают о тосканских, в частности, флорентийских книгах, которые стали появляться со второй половины XIII в., раньше, чем в иных местах.

История рода, как можно полагать, чаще всего рождалась из тела бухгалтерской книги или хозяйственной тетради, содержащей различные имущественно-нотариальные записи: реестр объектов собственности и пользования, регистрации актов купли-продажи, сумм, взятых в долг и предоставленных в кредит, колебаний рыночных цен и тому подобное. Ярким примером такого рода являлась одна из самых ранних меморий, начинающая корпус записей знатного флорентийского семейства Антеллези [8].

В этом исследовании целесообразно обратиться к особой разновидности этого жанра – семейным книгам полного титра [9, р. 150], в которых сочетались данные о хозяйстве, история рода, хроника политических событий, морально дидактические наставления и элементы автобиографии. Эти книги в большей степени обнаруживались в архивах Тосканы и прежде всего Флоренции. Современным читателям они известны по классической три-

аде – «Домашняя хроника» Донато Веллутти, «Воспоминания» Джованни Морелли, «Хроника» Бонаккорсо Питти.

Как сами горожане Флоренции объясняли тягу к фиксации истории своей фамилии? Исходя из тех заявлений о намерениях, которые иногда появлялись на страницах этих историй, можно предположить два основных мотива. Первый был в большей степени прагматическим, неразрывно связанным с традициями большой семьи-консортерии, которая с XIII в. часто становилась основой торгово-банковской компании: следовало отразить порой очень сложную и динамичную картину перемещения внутри фамилии родового имущества, на которое потомки могли бы претендовать, ввести их в курс кредитно-долговых отношений; предостеречь от опасностей, которые могли возникнуть в деле накопления капитала и приращения собственности. Именно такую цель ставил перед собой Д. Веллутти (1313–1370), купец, член цеха судей и нотариусов, активно участвующий в управлении коммунной, когда в декабре 1367 г. начинал историю своего рода [10, р. 3].

Fare ricordanza, fare memoria – «делать память», «творить память» именно так обычно обозначали флорентийские горожане процесс составления истории своего рода. Эта декларация о намерениях, являясь более или менее стереотипной формулой, тем не менее содержала основные цели, ради которых пожилой и больной человек предпринимал труд, посвятив ему последние 3 года своей жизни: помимо наставления о том, как увеличить доходы и преуменьшить траты, в нем также давались потомкам важные жизненные ориентиры в границах семейного клана. Автор предостерегал против одних сородичей и указывал на других, могущих послужить опорой в трудных обстоятельствах.

Но в преамбуле к семейным книгам декларировался и второй мотив, более широкий и обращенный в сферу скорее абстрактно-духовную: увековечить, неразрывно связать цепь времен и поколений: «... хочу сделать упоминания о том, о каких делах говорилось вокруг меня, или я слышал от моего отца, или от тех, кто были старше меня, или я видел в старых картах наших книг и записях, хотя бы и немногих, или сам наблюдал, а также о том, что ведомо мне» [10, р. 3]. За этой маловыразительной фразой скрывается особое представление о бесконечном времени истории рода, неосознанная ментальная установка на коллективное бессмертие семьи, в которой прошлое постоянно связывается с будущим. Смерти предков противостоит приумножение фамилии и появление новых

ответвлений от родового древа, которые Д. Веллутти прослеживал в своих генеалогических изысканиях [10, р. 7].

Семейная книга не являлась дневником (Diario), в отличие от него она содержала две противоположно направленные оси времени: в прошлое семьи, иногда очень отдаленное от времени написания, а иногда близкое, и в бесконечное будущее семьи. В «Домашней хронике» Д. Веллутти упрямо связывает нити поколений через массовые смерти трех чумных эпидемий (1340, 1348, 1363 гг.) [10, р. 24, 26]. Констатируя смерти членов семьи, флорентийский нотариус и дипломат тщательно перечисляет и описывает всех, кто выжил, включая маленьких детей [10, р. 95]. Пожалуй, в наиболее чистом виде эту попытку противостоять посредством связующей памяти концу времен высказал один каноник собора в Орвьето, регистрируя смерти горожан от голода и эпидемий: «Если Господь пошлет мне жизнь и здоровье, я буду отмечать, как проходят события, что случается с персонами, ибо Господь желает, чтобы это было сделано, потому что очень многие болеют и умирают. Бог поможет мне все это записать» [11, р. 333].

Д. Веллутти, как и многие другие авторы семейных хроник, в своих лаконичных и лишенных эмоций констатациях не высказывал никаких эсхатологических настроений по поводу пережитых им волн чумных эпидемий и в отличие от своего современника хрониста Маттео Виллани не трактовал чуму как бич божий, способствующий не исправлению, а дальнейшей порче всего рода людского, погрязшего в пороках гордыни и жадности [12, р. 7–8]. Он гордился предками, которые стойко противостояли немощи и боролись против смерти до самого конца, создавая жизнеутверждающую картину мощи рода. В числе таких фигур выступал прадед автора Бонаккорсо, который, будучи слепым в последние 20 лет своей жизни, отличался такой физической силой, что сгибал до земли юношу, на плечо которого опирался, много двигался, посещал публичные бани (stufa) и отличался прекрасным аппетитом. Филиппо ди Бонаккорсо, дед Донато, состарившись, захотел вновь жениться и сам, смеясь, отпуская по этому поводу шутки: «Теперь приспичило мне иметь жену, словно чирей какой меня одолевает», а женившись в возрасте около 60 лет, успел произвести на свет двух сыновей. Ламберто, отец автора, в возрасте 71 года отправился как паломник пешком в Рим на празднование юбилея, «хотя назад ему все же пришлось вернуться верхом на лошади», каждый день посещал пешком несколько храмов во Фло-

ренции и за пределами ее стен,... и не могла смерть перебороть его, хотя ему уже было 72 года, так он был крепок и вынослив, свеж и здоров» [10, р. 115–117, 120, 144].

Прошлое связывалось с бесконечным будущим рода в книгах, обращенных к потомкам, «читающим», «тем, кто будет читать», «тем, кто будет писать после меня». Формулы «Теперь или в будущем я или другие напишут о нем далее»; «Надеюсь, что я или другие еще смогут далее о нем как следует написать» [10, р. 128] являлись рефреном «Домашней хроники» Д. Веллутти, как и других семейных книг. Трудно удержаться от того, чтобы не привести здесь цитату из статьи современного исследователя семейных книг Рауля Морденти: «Смерть увещевается, заклиняется этим писанием. Тот, кто пишет – живой, и живым будет тот, кто прочтет это и, может быть, продолжит, а с ними и через них будет жива и семья» [13, р. 796–797]. В семейных книгах, где не было и следа установок средневекового финализма, провиденциалистские формулы и топосы приобретали смысл своего рода гарантий, обязывающих небесного синопора хранить бессмертие и благополучие рода.

Семейная книга приобретала таким образом открытость и заключала в себе тенденцию продолжения представителями последующих поколений. Разумеется, судьба этих меморий могла сложиться различным образом. В случае с записками Д. Веллутти неизвестно, взяли ли на себя обязанность продолжать историю рода сыновья и внуки на протяжении почти полутора столетий после его смерти в 1370 г. Но в 40-е гг. XVI в. один из потомков автора, Паоло Веллутти, разбирая старые архивы семьи, нашел «Домашнюю хронику» и взялся за перо [14]. Преемственность сохранялась в том, что он в общем следовал манере письма своего предка, хотя и склонен был акцентировать признаки упадка рода Веллутти, искренне восхищаясь славным прошлым и великими деяниями предков, особенно Донато.

Но многие семейные книги продолжались из поколения в поколение. Такой пример представляет одна из самых ранних «Тетрадь памятных заметок» рода Антеллези, начатая Гвидо дель Антелла (1254–1314), продолженная его сыном в 1328 г. Но исследователи архива Антеллези, работая с манускриптами, обнаружили вмешательство и младшего сына Сандро и нескольких других представителей семьи, не идентифицировавших себя, которые оставили заметки на нетронутых страницах. Затем на 47 лет история семьи прервалась, пока ее не возобновили Филиппо дель Антелла, фиксирующий

записи с 1375 по 1399 г., и его сын Америго – с 1400 по 1405 г., которые следовали порядку организации аннотаций и письменной традиции своих предшественников. Таким образом, один век включал 4 поколения семьи Антеллези [15, р. 820–821].

Преемственность времен и неразрывность поколений подтверждалась также и документально, что свидетельствовало о стремлении к объективности и достоверности, исходящей от нотариально-бухгалтерских записей, прообразом и моделью которых являлись официально составленные и соответствующим образом заверенные карты. Попытки точной фиксации дат и имен, событий и происшествий сразу бросаются в глаза. Во многих книгах история фамилии начиналась задолго до рождения автора, и в этом случае, как правило, указывались источники информации. Часто ссылались на устные рассказы о прошлом самых старших членов семьи, иногда – на ранее составленные книги, а также на нотариальные карты, записи в бухгалтерских или приходно-расходных тетрадах.

Почти все специалисты, обращающиеся к рассматриваемым источникам, констатируют семейно-родовую, коллективную идентичность тех, кто их писал. Содержание семейных хроник составляло информативное ядро, условно подразделяемое на 4 основных тематических поля: совокупное физическое тело семьи – беременности, рождения и выкидыши, вскармливания, браки, болезни и смерти; экономическое состояние фамилии – наследства, приданые, собственность и ее передвижения, долги и имущественные тяжбы; социальное положение – должности, уплата налогов, профессии родственников, почести, заслуги, колебания социально-политического статуса, наконец, исторические фрагменты [13, р. 799–800]. В очень многих записях этого жанра индивидуальность авторов никак не выражалась, поскольку они позиционировали себя лишь как часть совокупного тела семьи. Это прослеживается в «Домашней хронике» Д. Веллутти, который упоминал о себе и своем малом семейном ядре в серии однотипных записей после добросовестного описания всех ответвлений рода, которые отходили от его ближайших предков, и перечисления известных ему родственников, приобретенных посредством браков [10, р. 141]. В этом порядке письма отчетливо видно преобладание семейно-родовой идентичности: автор рассматривает себя как звено в цепи поколений, как одну из ветвей, которая не отличается от других таких же, и говорить о ней следует в правилах строгой очередности [10, р. 149–151].

Документальность и тяга к точной фиксации, монотонные записи, в которых чаще всего без всяких авторских комментариев фиксировались имена и даты смерти, бракосочетания и рождения представителей рода, дают основания современным исследователям полагать, что семейные книги являются ценными источниками, поскольку «несут в себе ментальности и практики, формируемые условиями эпохи и городской среды в чистом виде», поэтому «представляют подлинные обозрения жизни эпохи» [6, р. 809]. Но вместе с тем семейно-родовая память воплощалась в попытках конструировать историю дома [13, р. 795–796], часто используя, по всей вероятности, семейные мифы и предания. Мифологизации и идеализации обычно подвергалось «славное прошлое» рода. Флорентийские истории семьи несли на себе отпечаток урбанизированности: первой хронологической границей, от которой шел отсчет поколений фамилии, обычно становилось начало обитания предков в городе [10, р. 4]. С XIV в., по мере того как «жирный народ» – богатые пополаны начинали играть определяющую роль в социально-политической жизни города-государства, скупая земли в контадо вместе с замками и башни в городе, у них обнаруживалось все большее стремление к утверждению славы рода, ведущего свое начало от древних римлян или, еще лучше, от этрусков, ранее римлян, обитавших во Флоренции, Фьезоле, Муджелло и других местах древних поселений. Лоренцо Строцци, составивший в 40-е гг. XVI в. биографии выдающихся представителей рода, даже утверждал, что истоки семьи уходят во времена этрусков, а прародители выходили из Аркадии [15, р. 9–12].

Мифотворчество проявлялось также в тенденции к героизации предков, которые чаще всего, видимо, являлись скромными портными, сукноделами или торговцами. Д. Веллутти также не избегал традиции приписывать основателю своей ветви рода Бонаккорсо великие деяния, среди которых его особую гордость вызывали основание и прокладка одной из самых больших улиц в квартале Ольтарно [10, р. 9]. Уже упомянутый Л. Строцци изображал основателя рода как этрусского воина-героя, преисполненного такой богатой силой, что он способен был голыми руками убивать врагов, сдавливая их шеи (*strozzare*), откуда и пошло название фамилии Строцци [15, р. 9–12]; таковым мифическим предком мог оказаться также отважный крестоносец [16, с. 8] или воинственный кондотьер из Германии [17, р. 3–4].

В домашних хрониках коллективная идентичность сразу же заметна в употреблении местоимений: «Мы» явно превалирует над «Я», а границы между ними текучи и неопределенны, о чем много писали и спорили современные исследователи. Даже дойдя до своей собственной персоны, автор сразу же помещал ее в ряды потомков и родственников [17, р. 153–154].

Во всех книгах авторы идентифицировали себя и свое семейное ядро со славными традициями рода. Помимо гордости древностью обитания фамилии внутри флорентийских стен и теми явственными следами, которые она оставляла в пространстве города, они акцентировали такие атрибуты, как фамильные башни и гербы. Автор «Домашней хроники» не сомневался в наличии у предков, составляющих единую консортерию: «они... держались вместе, и у них имелась крепостная башня, которая находилась на улице Строна Четырех Павлинов [10, р. 5–6]. Родовые гербы увековечивались на всех сооружениях, включая церковные и монастырские постройки. Иногда стремление к выражению памяти рода посредством герба, как кажется, принимало навязчивый характер, а сами горожане утрачивали чувство меры.

Маттео Корсини подробно перечислял в своей книге ценные вещи, входившие в состав церковного пожертвования, которое он внес в капеллу Сан Якопо от имени себя и своей супруги, происходящей из дома Строцци. В реестре упоминались: «Богатый балдахин с расшитыми по белому полю красными кругами, зайцами, птицами, драконами, изображениями Христа и гербов Корсини и Строцци, отделанный золотой бахромой; одно лазурное облачение с подкладкой из розового льна; три одеяния с черными капюшонами, украшенные птицами и гербами Корсини; три покрывала: белый, лазурный и золотой, один серебряный бокал на ножке с нашими гербами; одна большая скатерть для алтаря, два полотенца, два факела на шестах, и на всех этих предметах изображались наши гербы» [18, р. 72–73].

Итак, при попытках воспроизводства семейной истории в большинстве случаев авторы идентифицировали себя с родом-консортерией. Можно отметить целый ряд семейных книг, в которых личностное начало почти не проявлялось, никак или очень мало выделяясь из монотонных столбцов хозяйственных записей и констатаций о браках, смертях и рождениях сменяющихся поколений родственников [19].

Семейные книги флорентийских купцов нельзя считать автобиографиями [20, с. 306–312], прежде

всего потому, что повествование о собственной персоне не являлось основной целью их составления. Но различные грани индивидуальности писателя тем не менее могли отразиться на страницах, заполненных сведениями о состоянии имущества или представителях рода. В качестве автобиографических элементов в произведении Д. Веллутти можно выделить впечатления детства автора, который оставил курьезное воспоминание об одной из своих теток, носившей на голове столь многослойный и высокий чепец, что упавший однажды на голову камень показался ей щепкой, отлетевшей от копающихся в земле кур: «Она оглядывалась и восклицала: “Кыш! Кыш!”», но никакой другой неприятности не случилось благодаря многим слоям ткани, которые были у нее на голове» [10, р. 31]. Другим уникальным впечатлением детства стала история о том, как Донато в возрасте 8–10 лет был украден солдатами, которые пообещали сделать его наемником и дать оружие, «а я, как глупец, охочий до военной службы, попался в силки». Ребенка спас содержатель постоялого двора, где остановились разбойники, вызвав местного Подеста, который отправил похитителей в тюрьму, а мальчика приютил при своем дворе враг республики Флоренции и тиран Лукки Каструччо Кастракани, доставив его затем к родителям [10, р. 155–156].

В записях, оставленных флорентийскими гражданами, выходцами из разных социальных слоев, обнаруживается, что такие, казалось бы, проявления личностного начала, как авторские комментарии различных политических явлений и даже выражения интимных чувств подчинялись единым ритмам и формулам. Писатели могли изъяснять скорбь и нежность по поводу смерти жены [10, р. 222, 290–292] или сына, но это, как правило, первая супруга и первородный сын [10, р. 310–311].

Индивидуальность автора в нарративах, посвященных пребыванию на коммунальных должностях, отличается двойственным характером. С одной стороны, в «Домашней хронике» Веллутти имеются детальные описания, в которых нашел свое выражение неповторимый жизненный опыт автора вместо простого перечня дат и занимаемых постов, что чаще всего встречается в семейных книгах. Рассказы Донато Веллутти не лишены элементов прославления самого себя и самооправдания. Часто создаваемые флорентийскими горожанами картины реальности содержали стремление выставить себя в выгодном свете и осудить, иногда не стесняясь в выражениях, своих противников и недоброжелателей [10, р. 161–163]. Оценочные суждения, далеко не всегда встречающиеся на

страницах семейных книг, часто содержали стереотипные речевые формулы, бытующие топосы, общепринятые интерпретации и другие плоды неосознанно применяемых коллективных ментальных установок. Они особенно заметны на страницах, посвященных морально-нравственным предписаниям, советам по ведению хозяйства и наставлениям в торговле и предпринимательстве.

Таким образом, семейные книги или домашние хроники отражали установки нотариально-купеческого менталитета, но вряд ли возможно привязать их к узкой социально-профессиональной среде, учитывая, что авторами таких меморий становились даже слуги и крестьяне [21]. В широком смысле рассматриваемые здесь памятники можно отнести к ряду ценностей, создаваемых в процессе западноевропейской урбанизации. Индивидуальное начало, в большей или меньшей степени заявляющее о себе в этих писаниях, обладало расплывчатыми границами: личность автора постоянно идентифицировалась с семьей-консортерией и даже как бы растворялась в ней. С другой стороны, обращаясь к политической истории, авторы меморий осознавали себя частью города-государства, а также определенной правящей или оппозиционной группы, с которой они соотносили себя. Невозможно отрицать, что в семейных книгах выражалась стихия повседневности, иногда описываемая и регистрируемая вплоть до мельчайших деталей. Эти датируемые аннотации не только носили документальный характер, но выглядели как оплот непрерывности земного бытия рода во времени, которое воспринималось не как краткий миг преддверья Ада или Царствия небесного, но как вечное продолжение и обновление жизни, в которой не утрачивается не подлежащее забвению прошлое.

Литература

1. Lenzi D. Il libro del Biadaiolo // Pinto G. Il libro del Biadaiolo: Carestie e annona a Firenze della metà dal'200 al 1348. Firenze, 1978. P. 157–542.
2. Branca V. Introduzione // Mercanti scrittori: Ricordi nella Firenze tra Medioevo e Rinascimento. A cura di V. Branca. Milano, 1986.
3. Bec Ch. Les marchands ecrivains. Affaires et humanisme à Florence (1375–1434). Paris, 1967.
4. Ciappelli G. I libri di famiglia di Firenze. Stato delle ricerche e iniziative in corso // Mordenti R. I libri di famiglia in Italia. II.- Geografia e storia. Roma, 2001. P. 131–139.
5. Гуревич А.Я. Средневековый купец // Одиссей-1990. Личность и общество. М., 1990. С. 97–131.
6. Cazalé Bérard C., Klapisch-Zuber C. Mémoire de soi et des autres dans les livres de famille italiens “Écritures et mémoire familiale” // Annales. Histoire, Sciences, Sociales. 2004. № 4.
7. Cicchetti A., Mordenti R. La scrittura dei libri di famiglia // Letteratura italiana. A cura di A. Asor Rosa. Vol. III. Le forme del testo. Vol. II. La prosa. Torino, 1984. P. 1117–1159.
8. Ricordi di Guido di Filippo di Ghildone dell' Antella e dei suoi Figliuoli e Discendenti (1298–1405). Avvertimento di F. Polidori e G. Canestrini // Archivio storico italiano. Firenze, 1854. I. P. 112–123.
9. Irace E. Dai ricordi ai memoriali: I libri di famiglia in Umbria tra medioevo ed età moderna // Mordenti R. I libri di famiglia in Italia. II.- Geografia e storia. Roma, 2001.
10. Velluti D. La cronica domestica scritta tra il 1376 e il 1370. A cura di I. Del Lungo e C. Volpi. Firenze, 1914.
11. Tommaso di Silvestro. Diario (1482–1514). A cura di L. Fumi // Rerum Italicarum Scriptores. XV. Parte V. Appendice VIII. Bologna, 1922–1929.
12. Villani M. Cronica // Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani a miglior lezione ridotte coll' aiuto del testi a penna corredate da una prefazione del prof. Michele Sarti. Milano, 1848. Libro I.
13. Mordenti R. Les livres de famille en Italie // Annales. Histoire, Sciences, Sociales. 2004. № 4.
14. Velluti P. Addizioni // Velluti D. La cronica domestica scritta tra il 1376 e il 1370. A cura di I. Del Lungo e C. Volpi. Firenze, 1914.
15. Strozzi L. Le vite degli uomini illustri della casa Strozzi. Firenze, 1892.
16. Пумму Б. Хроника / пер. с итал. З. В. Гуковской. Л., 1972.
17. Malanima P. I Riccardi di Firenze. Una famiglia e un patrimonio nella Toscana dei Medici. Firenze, 1977.
18. Il libro di ricordanze dei Corsini (1362–1457). A cura di A. Petrucci. Roma, 1965.
19. Niccolini de' Sirigatti L. Il libro degli affari proprii di casa de Lapo di Giovanni Niccolini de' Sirigatti / ed. Ch. Bec. P., 1969.
20. Зарецкий Ю. П. Автобиографии пополанов: флорентийцы XIV–XV веков о себе // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. III. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. М., 2000.
21. Balestracci D. La memoria degli altri // Cultura e società nell'Italia medievale. Roma, 1988. Vol. I.

References

1. Lenzi D. Il libro del Biadaiolo. Pinto G. Il libro del Biadaiolo: Carestie e annona a Firenze della metà dal'200 al 1348. Firenze, 1978, pp. 157–542.

2. Branca V. Introduzione. *Mercanti scrittori: Ricordi nella Firenze tra Medioevo e Rinascimento*. A cura di V. Branca. Milano, 1986.
3. Bec Ch. *Les marchandsecrivains. Affaires ethumanisme à Florence (1375–1434)*. Paris, 1967.
4. Ciappelli G. I libri di famiglia di Firenze. Statodellericerche e iniziative in corso. Mordenti R. *I libri di famiglia in Italia. II.-Geografia e storia*. Roma, 2001, pp. 131-139.
5. Gurevich A.Ya. *Srednevekovi kupets* [Medieval Merchant]. *Odisei-1990. Lichnost' i obshchestvo*. Moscow, 1990, pp. 97-131.
6. Cazalé Bérard C., Klapisch-Zuber C. Mémoire de soiet des autredans les livres de familleitaliens “Écritures et mémoire familiale”. *Annales. Histoire, Sciences, Sociales*, 2004, no 4.
7. Cicchetti A., Mordenti R. La scritturadeilibri di famiglia. *Letteratura italiana*. A cura di A. Asor Rosa. Vol. III. Le formedeltesto. Vol. II. La prosa. Torino, 1984, pp. 1117-1159.
8. Ricordi di Guido di Filippo di Ghildone dell' Antella e dei suoi Figliuoli e Discendenti (1298–1405). Avvertimento di F. Polidori e G. Canestrini. *Archivio storico italiano*. Firenze, 1854, I, pp. 112-123.
9. Irace E. Dai ricordi ai memoriali: I libri di famiglia in Umbria tra medioevo ed età moderna. Mordenti R. *I libri di famiglia in Italia. II. Geografia e storia*. Roma, 2001.
10. Velluti D. *La cronica domestica scritta tra il 1376 e il 1370*. A cura di I. Del Lungo e C. Volpi. Firenze, 1914.
11. Tommaso di Silvestro. Diario (1482–1514). A cura di L. Fumi. *Rerum Italicarum Scriptores*. XV. Parte V. Appendice VIII. Bologna, 1922-1929.
12. Villani M. Cronica. *Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani a miglior lezione ridotte coll' aiuto del testi a penna corredate da una prefazione del prof. Michele Sarto-rio*. Milano, 1848. Libro I.
13. Mordenti R. Les livres de famille en Italie. *Annales. Histoire, Sciences, Sociales*, 2004, no 4.
14. Velluti P. Addizioni. Velluti D. *La cronica domestica scritta tra il 1376 e il 1370*. A cura di I. Del Lungo e C. Volpi. Firenze, 1914.
15. Strozzi L. *Le vite degli uomini illustri della casa Strozzi*. Firenze, 1892.
16. Pitti B. *Khronika* [Chronicle]. Tr. Z. V. Gukovskaya. Leningrad, 1972.
17. Malanima P. *I Riccardi di Firenze. Una famiglia e un patrimonio nella Toscana dei Medici*. Firenze, 1977.
18. *Il libro di ricordanze dei Corsini (1362–1457)*. A cura di A. Petrucci. Roma, 1965.
19. Niccolini de' Sirigatti L. *Il libro degli ffairi proprii di casa de Lapo di Giovanni Niccolini de' Sirigatti*. Ed. Ch. Bec. Paris, 1969.
20. Zaretskii Yu. P. Avtobiografii popolanov: florentititsy XIV–XV vekov o sebe [Autobiography of Popolans: Florence citizens of XIV-XV centuries.]. *Gorod v srednevekovoi tsivilizatsii Zapadnoi Evropy* [City in Medieval Civilization of Western Europe]. Vol. III. Chelovek vnutri gorodskikh sten. Formy obshchestvennykh svyazei. Moscow, 2000.
21. Balestracci D. La memoria degli altri. *Cultura e società nell'Italia medievale*. Roma, 1988. Vol. I.

Поступила в редакцию

16 июля 2015 г.

УДК 93/94

DOI 10.18522/0321-3056-2015-4-65-70

МОДЕРНИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

© 2015 г. Н.Г. Мануковский

Мануковский Николай Георгиевич – аспирант, кафедра отечественной истории, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета, ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082. E-mail: magistratura2012@yandex.ru

Manukovskiy Nikolay Georgievich – Postgraduate Student, National History Department, Institute of History and International Relations of the Southern Federal University, B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia. E-mail: magistratura2012@yandex.ru

Исследуются сложившиеся на настоящий момент теоретические положения о проблеме взаимосвязи экономической модернизации и социального развития. Приведенный историографический обзор позволяет выделить некоторые перспективные направления исследования. Среди них – изучение динамики роста благосостояния населения и становления благоустроенной социальной среды в период модернизации, выявление соответствия социальных перемен ожиданиям населения, анализ процессов изменения представлений о социальном идеале. Отмечается необходимость изучения этих аспектов социального развития на общероссийском и региональном уровнях.

Ключевые слова: экономическая модернизация, социальное развитие, социальные изменения, материальное благосостояние, социальная среда, социальный идеал, социальные ожидания, социальный комфорт.

The article is devoted to the study of the modern theories of relations between social development and economic modernization. It includes a detailed historiographical analysis that allows to identify some promising directions of the research, such as welfare dynamics and the formation of a well-maintained social environment in the period of the modernization, to determine the relevance of the social changes to the expectations of the population, to analyze process of changing the perceptions about the social ideal. The author stresses the need to explore these aspects of social development both on the national and regional levels.

Keywords: *economic modernization, social development, social change, welfare, social environment, social ideal, social expectation, social comfort.*

Теория модернизации зародилась в 50–60-е гг. XX в. в США как результат работы целого ряда исследователей (Т. Парсонс, Э. Шилз, У. Росту, Ш. Айзенштадт, С. Блэк и др.) и представляла собой способ научного объяснения процесса прогрессивной трансформации традиционных аграрных обществ в современные индустриальные общества. В основу теории модернизации была положена концепция «стадий экономического роста» американского экономиста и социолога У. Росту, выдвинутая им в 1960 г. Ее ключевая идея заключалась в том, что основной движущей силой общественного прогресса является рост материального производства, обусловленный положительными сдвигами в сфере технологий. У. Росту выделил в истории человечества пять стадий развития: «традиционное» общество, основанное на сельском хозяйстве и низкопроизводительном ручном труде; «переходное» – сопровождающееся началом зарождения промышленного производства; «период сдвига», связанный с процессом дальнейшего становления индустриального производства; «период зрелости», характеризующийся становлением высокоразвитого промышленного производства и эру высокого уровня массового потребления и всеобщего благосостояния [1]. В соответствии с данным подходом модернизация стала пониматься как процесс, одной из важнейших сторон которого являлись технологические изменения, обусловившие материальную основу индустриального общества и присущий ему относительно высокий уровень благосостояния.

Позднее представленный в концепции У. Росту тезис о взаимосвязи составляющего основу модернизационного перехода к индустриальному обществу экономического прогресса, с одной стороны, и развития материального благосостояния – с другой, был более глубоко осмыслен рядом зарубежных обществоведов.

Так, согласно точке зрения американского социолога и философа П. Бергера, одним из важнейших результатов модернизации является обусловленное экономическим ростом улучшение условий повседневного существования широких слоев населения, а главным критерием ее успеха выступает социальное развитие, или повышение

качества жизни людей. Этот чисто хозяйственный процесс накопления национального богатства, по мнению Бергера, призван ликвидировать такие социальные пороки, как высокая детская смертность, низкая продолжительность жизни, недоступность образования и квалифицированной медицинской помощи, массовый голод и нищету, т. е. нивелировать явления, порождающие социальное неравенство и классовое расслоение, которые в свою очередь негативно влияют на моральный климат внутри любой страны и разрушают основы человеческой солидарности [2, с. 148–149].

Схожего мнения придерживается автор концепции социального становления польский социолог П. Штомпка, утверждающий, что экономическая модернизация и связанный с ней прогресс материального производства означает комплексные, стремительные социальные изменения, приводящие к таким бесспорно прогрессивным достижениям, как увеличение продолжительности жизни, улучшение комфорта и гигиены, увеличение общественного капитала, повышение уровня образования и информированности.

В то же время П. Штомпка отмечает противоречивый и конфликтный характер вызванных экономической модернизацией изменений в социальной сфере. Так, согласно его концепции, картина процессов экономической модернизации часто включает в себя многочисленные противоречия разных социальных групп, конфликты и борьбу между ними. Причина заключается в том, что человеческое общество никогда не бывает однородным и всегда разделено на группы по различным интересам, стремлениям, знаниям и идеологиям. К тому же создаваемые экономической модернизацией экономические, социальные и культурные блага никогда не распределяются равномерно и удовлетворяют интересы и потребности преимущественно лишь некоторых социальных групп, в то время как затраты на модернизационные изменения, связанные с ними различного рода социальные трудности и культурные травмы ложатся бременем на другие социальные группы. Данное обстоятельство, по мнению П. Штомпки, может послужить источником социальных конфликтов как результата негативной обратной реакции со стороны социальных низов [3].

После того как в постсоветский период теория модернизации была признана значительной частью российских ученых – философов, социологов и историков, проблема научного осмысления феномена взаимосвязи экономической модернизации и прогресса в сфере социального развития также оказалась в центре их внимания. Так, обратившаяся к проблеме философского осмысления процесса социального развития в период модернизационной трансформации российский философ В.Г. Федотова отмечает, что сущность вызванных экономической модернизацией технологических перемен в сфере материального производства состоит в том, что они снимают стоящие перед обществом проблемы выживания и постепенно устраняют угрозу нищеты. Становление развитой машинной индустрии создает общество, способное защититься от эпидемий, голода, обеспечить рост социального комфорта и численности населения, развитие образования и культуры [4, с. 23].

Результат данных позитивных социальных изменений она определяет посредством введенного ею философского понятия «хорошее общество». К числу его объективных характеристик относятся продолжительность жизни, показатели рождаемости и смертности, экономическое положение населения (уровень безработицы, доход на душу населения, наличие или отсутствие бедности, голода, стоимость образования, медицины, размер пенсий, пособий, обеспеченность жильем, медицинская и социальная помощь), доступ к образованию, существование вертикальной и горизонтальной мобильности, правовой защиты, должного состояния окружающей среды [5].

Качественно новый этап отечественных модернизационных исследований был связан с практическим освоением парадигмы теории модернизации специалистами-историками, прямым следствием чего стала как эмпирическая проверка на конкретно-историческом материале уже сложившихся теоретических положений, так и разработка новых теоретических и методологических уточнений, что нашло отражение в работах ряда крупных отечественных специалистов: Е.В. Алексеевой, Н.А. Проскуряковой, А.С. Сенявского, В.В. Алексеева, Б.Н. Миронова [6–11]. В этой связи особый интерес представляет обзор предложенных данными специалистами теоретических подходов как к научному осмыслению процесса модернизации в целом, так и к проблеме взаимосвязи экономической модернизации и прогрессивных изменений в сфере социального развития общества.

Так, согласно Е. В. Алексеевой, модернизация представляет собой сложный процесс прогрессив-

ных общественных изменений, охватывающий все сферы общественной жизни и человеческой деятельности: сферу материального производства и изменения в образе жизни людей, их материальном благосостоянии, поведении, культуре и общественном сознании и вызывающий рост социальной мобильности, а также урбанизацию, секуляризацию, распространение информации, грамотности и образования. С точки зрения Е.В. Алексеевой модернизация представляет собой системный процесс, перемены в одной из многочисленных сфер которого неизбежно вызывают изменения в других сферах [6].

Данную идею разделяет и Н.А. Проскурякова, определяющая модернизацию как всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий при переходе от традиционного общества к индустриальному, который в свою очередь может быть представлен как совокупность подпроцессов индустриализации, урбанизации, функциональной дифференциации общества, бюрократизации, профессионализации, рационализации, становления новых ценностно-мотивационных механизмов и моделей поведения, образовательной и коммуникативной революций, роста материального благосостояния, формирования гражданского общества и правового государства. В результате таких ключевых подпроцессов модернизационного перехода, как индустриализация и связанная с ней урбанизация, формируются новые условия жизнедеятельности населения и меняется его образ жизни [7].

Суть модернизационного процесса в понимании А.С. Сенявского заключается в становлении развитого техногенного общества, в котором решающую роль начинает играть совокупность последовательно происходящих прогрессивных переворотов в технике и технологиях производства, формирующих соответствующие технологические уклады в экономике.

В целом, по его мнению, возникшая в результате экономической модернизации новая конфигурация технико-технологических укладов в сфере производства определяет совокупность базовых фундаментальных трансформаций социальной сферы, в том числе структуру занятости и доходов населения, уровень развития социальной инфраструктуры, профессионально-квалификационный и образовательный уровень населения, уровень его материального благосостояния и образ жизни [8].

Схожей точки зрения придерживается другой современный российский исследователь В.В. Алексеев, который отмечает, что модернизация «приводит к появлению и развитию передовых индустри-

альных технологий, а также соответствующих им политических, культурных и социальных механизмов, позволяющих данные индустриальные технологии поддерживать, использовать и ими управлять» [9]. При этом модернизация определяется им как процесс прогрессивного развития, предполагающий становление индустриально-городской цивилизации и «гигантское расширение возможностей материального благосостояния населения и личного раскрепощения человека», роста его общей культуры и образования [10].

Существенный теоретический и методологический вклад в разработку проблемы социального развития в процессе экономической модернизации внес Б. Н. Миронов, рассматривающий модернизационный переход как происходящий в ходе индустриализации и связанного с ней экономического роста процесс превращения аграрного общества в индустриальное и определяющий в качестве главного показателя успешности модернизации и как важнейший ее результат рост материального благосостояния населения [11, с. 661].

В то же время Б.Н. Миронов (как и П. Штомпка) отмечает противоречивость и конфликтный характер модернизации, связанный с тем, что, несмотря на подъем уровня жизни населения, его потребности и запросы под влиянием вызванного все той же модернизацией подъема культуры и грамотности растут еще быстрее, что часто служит фактором недовольства широких масс населения. Так, жалобы на материальное положение рабочих могут быть обусловлены не полуголодным их существованием, а тем, что их материальные и духовные потребности обгоняют возникающие в процессе экономической модернизации возможности их удовлетворения [11, с. 671].

Обратившийся к теоретическому исследованию степени удовлетворенности населения вызванными экономической модернизацией позитивными изменениями в социальной сфере отечественный специалист З. М. Хачецуков выдвинул теоретическую модель, предлагающую достаточно эффективное ее методологическое решение, связанное с введением понятий социального комфорта и социальной среды.

Так, с его точки зрения, социальный комфорт представляет собой субъективную категорию оценки степени соответствия социальной среды сложившемуся у большинства населения образу желаемого, или социальному идеалу. При этом социальный идеал формируется на основе сложившейся у того или иного социального субъекта аксиологической модели и обновляется в процес-

сах взаимодействия социального субъекта и социальной среды, его адаптации к новым социальным условиям, инкультурации и аккультурации, либо идеологической интервенции. В качестве условия высокого уровня социальной комфортности возникающей в ходе экономической модернизации социальной среды З. М. Хачецуков выделяет соответствие потребностей социального субъекта его способностям и возможностям, которые предоставляет ему данная социальная среда [12].

Таким образом, обзор сложившихся к настоящему моменту теоретических и методологических положений показывает, что ряд как отечественных, так и зарубежных исследователей связывают процессы экономической модернизации, индустриализации и урбанизации с ростом материального благосостояния населения, изменением условий его жизнедеятельности и формированием нового образа жизни. В целом рассматриваемые специалистами социальные изменения, вызванные экономической модернизацией, могут быть однозначно идентифицированы и терминологически выражены как процесс формирования новой социальной среды при понимании последней как совокупности материальных, экономических, социальных, политических и духовных условий существования и деятельности индивидов и социальных групп. Кроме того, в некоторых теоретических подходах к научному осмыслению проблемы взаимосвязи экономической модернизации и социального развития предложена идея рассмотрения этих двух процессов как продукта сложного взаимодействия различных субъектов модернизационных трансформаций. Также некоторыми исследователями отмечается, что степень благоустройства и комфортности возникающей в процессе экономической модернизации новой социальной среды существенно зависит не только от экономического роста, но и от степени удовлетворенности субъективных потребностей, запросов и ожиданий населения.

В этой связи ряд общетеоретических и методологических представлений и установок относительно взаимосвязи и взаимовлияния экономической модернизации и социального развития прошли успешную эмпирическую проверку в рамках некоторых отечественных конкретно-исторических исследований как общероссийского, так и регионального уровня.

Так, Б. Н. Миронов на основе расчетов на общероссийском массовом статистическом материале эмпирически подтверждает общетеоретическое представление о взаимосвязи между экономиче-

ской модернизацией и индустриализацией и позитивными сдвигами в социальной сфере. Согласно его расчетам, индекс человеческого развития в имперской России в период интенсивной экономической модернизации и индустриализации вырос с 0,188 до 0,325. В процессе экономической модернизации развитие материального производства ускорилося настолько, что, несмотря даже на очень большой естественный прирост населения, душевой валовой внутренний продукт (а соответственно и уровень жизни) увеличивался быстрее, чем в самых больших экономиках мира того времени [11].

К схожим выводам приходит и В. В. Алексеев, подтверждающий теоретическое положение о взаимосвязи экономической модернизации и прогрессивных изменений в сфере социального развития результатами своих конкретно-исторических исследований, посвященных проблемам экономической модернизации и социального развития Урала. Так, он отмечает, что экономическая модернизация на Урале в имперский период вела к целому ряду позитивных социальных изменений: урбанизации, росту грамотности, повышению уровня благосостояния, изменению менталитета населения (отход от традиционных представлений об укладе жизни), его поведения, быта, одежды. Подводя итоги уральского феномена модернизации в имперский период, В. В. Алексеев приходит к выводу, что на этом пути были достигнуты существенные результаты, сопоставимые «с достижениями первопродцов европейской модернизации» [10].

Однако, несмотря на значительные достижения некоторых отечественных историков в деле изучения проблемы взаимосвязи и взаимовлияния экономической модернизации и социального развития подобных исследовательских работ, особенно регионального уровня, по-прежнему немного, что дает основание утверждать о необходимости продолжить всестороннюю разработку данной научной проблемы в рамках как общероссийских, так и региональных конкретно-исторических исследований.

В целом, анализ сложившихся на настоящий момент в отечественном и зарубежном общественно-научном отношении проблемы взаимосвязи экономической модернизации и социального развития теоретических положений, а также обзор результатов некоторых посвященных этой проблеме конкретно-исторических исследований позволяют выделить ряд перспективных на настоящий момент направлений изучения динамики роста благосостояния населения и становления благоустроенной социальной среды в период модернизации,

выявление степени соответствия социальных перемен ожиданиям населения, анализ процессов изменения представлений о социальном идеале.

Вполне очевидно, что широкое и всестороннее рассмотрение и изучение выделенных аспектов проблемы взаимосвязи и взаимовлияния экономической модернизации и социального развития поможет расширить сложившуюся к настоящему моменту сумму научных знаний относительно характера, динамики, движущих сил и социального содержания процессов модернизационных трансформаций в экономике России конца XIX – начала XX в.

Литература

1. Rostow W. W. *The Stages of Economic Growth: A None-Communist Manifesto*. Cambridge, 1990. 272 p.
2. Бергер П. Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе) / пер. с англ. Г.П. Бляблина. М., 1994. 320 с.
3. Штомпка П. Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 6 (30). С. 119–122.
4. Федотова В. Г. Хорошее общество. М., 2005. 544 с.
5. Федотова В. Г. Модернизирующийся мир и глобализация (окончание) // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2. С. 95.
6. Алексеева Е. В. Объяснение российской истории с помощью теории модернизации: pro et contra // Уральский исторический вестник. 2001. № 7. С. 109.
7. Проскуракова Н. А. Модернизация России XIX века // История России: теоретические проблемы. М., 2013. С. 310–314.
8. Сенявский А. С. Модернизационные концепции и их потенциал в изучении российской истории // Там же. С. 24.
9. Алексеев В. В. Модернизационная перспектива: проблемы и подходы // Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М., 2000. С. 15.
10. Алексеев В. В. Россия в модернизирующемся мире // История России: теоретические проблемы. С. 198.
11. Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России. М., 2010. 897 с.
12. Хачецуков З. М. Социальный комфорт в контексте трансформационных процессов в структуре современной российской повседневности // Вестн. МГИМО-Университет. 2013. № 2. С. 217.

References

1. Rostow W. W. *The Stages of Economic Growth: A None-Communist Manifesto*. Cambridge, 1990. 272 p.

2. Berger P. *Kapitalisticheskaya revolyutsiya (50 tezisov o protsvetanii, ravenstve i svobode)* [Capitalist Revolution (50 thesis about prosperity, equality, liberty)]. Tr. from Engl. by G. P. Blyablin. Moscow, 1994, 320 p.
3. Shtompka P. *Modernizatsiya kak sotsial'noe stanovlenie (10 tezisov po modernizatsii)* [Modernization as a Social Establishment (10 thesis about modernization)]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 2013, no 6 (30), pp. 119-122.
4. Fedotova V. G. *Khoroshee obshchestvo* [Good Society]. Moscow, 2005, 544 p.
5. Fedotova V. G. *Moderniziruyushchiysya mir i globalizatsiya (okonchanie)* [Modernizing world and Globalization]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2005, no 2, p. 95.
6. Alekseeva E. V. *Ob"yasnenie rossiiskoi istorii s pomoshch'yu teorii modernizatsii: proetcontra* [Explanation of the Russian History with the Help of Modernization Theory: pro et contra]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2001, no 7, p. 109.
7. Proskuryakova N. A. *Modernizatsiya Rossii XIX veka* [Modernization of Russia in the XIX century]. *Istoriya Rossii: teoreticheskie problemy*. Moscow, 2013, pp. 310-314.
8. Senyavskii A. S. *Modernizatsionnye kontseptsii i ikh potentsial v izuchenii rossiiskoi istorii* [Modernization Conceptions and their Potential in the Study of Russian History]. *There*. P. 24.
9. Alekseev V. V. *Modernizatsionnaya perspektiva: problemy i podkhody. Opyt rossiiskikh modernizatsii XVIII–XX veka* [Modernization perspective: problems and approaches. The Experience of Russian Modernization of XVIII-XX centuries]. Moscow, 2000, p. 15.
10. Alekseev V. V. *Rossiya v moderniziruyushchemsya mire* [Russia in the Modernizing World]. *Istoriya Rossii: teoreticheskie problem*, p. 198.
11. Mironov B. N. *Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoi Rossii*. [Social Welfare and Revolutions in the Imperial Russia]. Moscow, 2010, 897 p.
12. Khachetsukov Z. M. *Sotsial'nyi komfort v kontekste transformatsionnykh protsessov v strukture sovremennoi rossiiskoi povsednevnosti* [Social Comfort in the Context of the Transformation Processes in the Structure of the Contemporary Russian Everyday Life]. *Vestn. MGIMO-Universitet*, 2013, no 2, p. 217.

Поступила в редакцию

22 июля 2015 г.

УДК 930.1

DOI 10.18522/0321-3056-2015-4-70-77

ТЕОРИЯ ВОТЧИННОГО ГОСУДАРСТВА В СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© 2015 г. Л.В. Мининкова

Мининкова Людмила Владимировна – доктор исторических наук, профессор, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета, ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082. E-mail: rsru@sfedu.ru

Mininkova Lyudmila Vladimirovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History and International Relations of the Southern Federal University, B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia. E-mail: rsru@sfedu.ru

Теория вотчинного государства возникла в дореволюционной русской историографии. Такое государство историки видели в Московской Руси, рассматривая его как вотчину царя. В советской историографии эта теория не использовалась для объяснения характера Московского государства. В современной историографии возродился интерес к этой теории. В вотчинном государстве видят особенность истории России, которая негативно сказывалась на ней.

Ключевые слова: историография, вотчинное государство, теория истории.

The theory of the patrimonial state originated in the prerevolutionary Russian historiography. This kind of state historians observed in Muscovy, where the state was considered as a fiefdom of the Tsar. In the Soviet historiography, this theory wasn't used by the historians to explain the nature of the Muscovite state. The interest in this theory has been revived in the modern Russian historiography. The patrimonial states are considered as characteristic feature of Russia which negatively affected the state.

Keywords: historiography, patrimonial state, the theory of history.

Одним из существенных выражений стремления советской историографии к самому решительному разрыву с традициями, научным наследием и теоретическими разработками русской дореволюционной

историографии являлся отказ от теории вотчинного государства, ее фактическое забвение историками. О ней упоминалось главным образом в некоторых историографических обзорах. Между тем суще-

ствование как государства, так и вотчин, в том числе вотчин великих князей московских, признавалось в полной мере. В отношении государства продолжалась историографическая традиция, сложившаяся еще с середины XVIII в., когда отечественная история рассматривалась вообще только как история государства или как определенная ее часть. То же самое относилось к понятию вотчины. С вотчиной и вотчинным строем К.Д. Кавелиным вообще связывалась особая стадия в развитии Московской Руси, пришедшая на смену родовому строю и предшествовавшая утверждению государственности. Но оба этих понятия в полной мере вписывались в формационную и классовую метатеорию, которая утвердилась в советской исторической науке. В самом деле государство рассматривалось как форма политической надстройки над утвердившимися классовыми отношениями. Оно обязательно связывалось с классовым обществом, хотя бы на самой ранней и даже зачаточной стадии его развития. Сущность государства определялась характером классовых отношений, поэтому государство эпохи средневековья, в том числе и в эпоху Московской Руси, характеризовалось как феодальное. Что же касается вотчины, то она рассматривалась как выражение самой сущности феодального способа производства, поскольку за сущностную черту способа производства принималась господствовавшая в определенную эпоху и в определенном обществе форма собственности на средства производства, а для условий феодальной общественно-экономической формации земля оценивалась как главное средство производства. Вотчина же составляла юридическую форму осуществления феодальной собственности на землю, как правило, полной и неразделенной, хотя при определенных условиях степень такой полноты могла быть ограниченной.

Понимание государства и вотчины было в советской историографии таким образом выражено с предельной ясностью. Возможно, что определенность этих понятий мешала в сознании историков соединиться им в единое концептуальное целое. Такая целостность этих понятий была в сознании целого ряда отечественных историков дореволюционного периода, в том числе марксистов. При этом понятие вотчины относилось к социально-экономической сфере, или к базисным отношениям. Государство же, безусловно, относилось к политической надстройке общества. Следовательно, на пути признания самой возможности существования в Московской Руси вотчинного государства стояла исключительная четкость в понимании этих категорий, разделение их на категории социально-

экономическую и политическую, что вообще очень характерно для формационной и классовой метатеории. Неспособность соединить эти две категории было свидетельством определенной догматизации научного сознания советских историков, что в целом объяснялось необходимостью опираться на единственную метатеорию в условиях советской социокультурной реальности. Поэтому обращение современной отечественной историографии к положениям этой теории предполагало преодоление такой догматизации и переход от теоретического монизма к плюрализму, который позволял обратить внимание на концепции, сформированные в дореволюционной русской историографии.

Еще одной причиной невнимания советских историков к теории вотчинного государства было то, что в ней выделялись прежде всего такие особенности исторического развития Московской Руси, которые показывали ее в весьма негативном свете. В самом деле в этой теории обращается внимание на сочетание неограниченного самодержавного самовластья и всеобщего холопства как очень существенных черт русского средневековья. В условиях, когда существование Советского Союза на международной арене происходило при остром идеологическом противостоянии, когда целый ряд западных историков и мыслителей выявляли культурно-исторические корни советского тоталитаризма, теория вотчинного государства не могла не казаться сомнительной или враждебной с точки зрения политики и идеологии. Высказывания в духе этой теории не могли быть поддержаны советским научным историческим официозом. Идеологов советского времени не могла не настораживать мысль американского историка Р.Пайпса о сущности, глубоких корнях и длительности существования вотчинного государства, о влиянии его на последующее развитие страны. Пайпс отмечал: «Превращение России в вотчину своего правителя заняло два столетия. Процесс этот начался в середине XV в. и завершился в середине XVII в.» [1, с.121]. При таком понимании вотчинного государства могли возникнуть сопоставления с позднейшим состоянием страны, в том числе советского времени.

С другой стороны, советские историки восприняли от дореволюционной историографии традицию самого внимательного отношения к источникам, знания их и глубокой проработки эмпирической базы своих исследований. При изучении проблемы социально-экономических отношений в Московской Руси источники свидетельствовали о существовании вотчинной формы землевладения, а в качестве вотчинников выступали в первую оче-

редь князя как великие, так и удельные. Отмечая это, В.В. Мавродин писал: «Крупнейшими вотчинниками были сами князья. Они владели землями и в своем и в соседнем княжествах, где чаще всего земли приобретались куплей, как это делал, например, Иван Калита. Духовная Калиты 1328 г. упоминает о принадлежащих ему 54 селах, а Василий Темный владел уже 125 селами» [2, с.15]. Данные эти были приведены Мавродиным на основании духовных грамот великих князей московских. В пределах великого княжества Московского, следовательно, им и принадлежали вотчины. Однако само великое княжество этот известный историк русского феодализма не упоминал как вотчину великих князей. Он рассматривал его только как государство, вокруг которого происходило объединение русских земель и которое увеличивало свою территорию.

Несколько ближе к признанию территории княжества в качестве вотчины подошел выдающийся советский историк Л.В.Черепнин, автор раздела о политических отношениях в Северо-Восточной Руси в Очерках истории СССР, вышедших в свет в 50-е гг. Он обращал внимание на то, что в духовной грамоте Ивана Калиты, по его словам, «согласно феодальному государственному праву Московского княжества, Москва находилась в совместном владении всех князей московского дома». Из этого в свою очередь вытекало, что «удельные князья обладали правом суда над населением Москвы». В данном случае источником феодального государственного права, о котором говорил Черепнин, являлась духовная грамота Ивана Калиты. Таким же источником феодального права были духовные грамоты последующих великих князей московских, по которым в самой Москве выделялись части, которые передавались братьям великого князя московского. Выделение же удельным князьям долей в пределах Москвы, о котором говорил Черепнин, напоминало выделение долей собственником-вотчинником своим наследникам. С Москвой, таким образом, великий князь московский поступал не как с государством, но как с вотчиной, разделяя ее среди сыновей-наследников. Далее Черепнин указывал, что положение стало меняться с конца XIV в. Это отразилось в договорной грамоте между великим князем московским Дмитрием Ивановичем и великим князем тверским Михаилом Александровичем. Согласно этим изменениям, «в междукняжеских договорных грамотах проводилась совершенно четкая политическая линия, согласно которой руководство в феодальном суде в Москве принадлежало великокняжескому наместнику, а удельные князья через своих “третников” только принимали

участие в судебных разбирательствах. Они же имели право на часть судебных доходов» [3, с. 156–157]. Тем самым раздел Москвы между сыновьями-наследниками великого князя не отменялся. Но он уже очень существенно ограничивался, поскольку другие наследники, помимо старшего сына, становившегося великим князем, не получали полные права вотчинника в своих владениях. А такие права обязательно включали неограниченное право суда над населением. Такое право по этой московско-тверской договорной грамоте от 1375 г. существенно ограничивалось правом участия только лишь в судебных разбирательствах и правом на часть судебных доходов.

В несколько более поздней своей монографии, посвященной объединению русских земель вокруг Москвы, Черепнин указал на другую черту сходства между великим княжеством Московским и вотчинным государством при Иване Калите. Это было связано со способом территориальной экспансии, которую проводила московская великокняжеская власть. Черепнин писал, что при Иване Калите «были установлены какие-то формы зависимости от московского князя Галича, Белоозера и Углича. По крайней мере Дмитрий Донской в своей духовной грамоте 1389 г. называет эти города “куплями деда своего” (т.е. Калиты)». Историк указывал на возможность подобной «купли», поскольку сходные обстоятельства имели место при расширении своих владений «духовными феодалами и феодальными корпорациями», например, монастырями или митрополичьей кафедрой. При этом собственность на землю «переходила к духовному феодалу, а фактически землей продолжал владеть прежний собственник» [4, с. 510]. «Может быть, нечто подобное надо понимать и под “куплями” Калиты» [4, с. 511], – делал предположение Черепнин. Однако «купля» была способом приобретения земли на правах вотчины. Но Черепнин говорил о расширении подобным путем великого княжества Московского как государства, но вовсе не вотчинных владений Ивана Калиты. Для Черепнина в данном случае приобретение путем купли Галича, Белоозера и Углича было исключительно способом роста государственной территории.

Другой выдающийся советский историк А.А. Зимин при характеристике духовной грамоты Дмитрия Донского 1389 г. указывал на соединение великокняжеской власти и собственности на свой удел. По словам Зимина, «говоря о переходе своего удела к следующему по старшинству сыну, он как бы осторожно внушал мысль, что и великое княжение должно перейти к нему» [5, с. 8]. В этих словах со-

вершено четко выражена мысль о соединении власти и собственности в Московской Руси. Вместе с великокняжеским уделом, как подчеркивал Зимин, следующий после Василия по старшинству сын Дмитрия Донского, Юрий, должен был получить великокняжескую власть в Москве в случае кончины Василия, которому он по своей духовной грамоте передавал великокняжеский удел и великокняжескую власть. Следовательно, подчеркивал Зимин, подобный порядок для Дмитрия Донского был вполне законным и традиционным, в его сознании вполне органично соединялось представление о собственности великого князя на территорию своего княжения как на свою вотчину и о находившейся в его руках всей полноты великокняжеской власти в Москве.

Позднейший советский и постсоветский период в развитии отечественной исторической науки характеризовался отходом от догматизма, стремлением к поискам в области теории и методологии истории, снятием каких-либо ограничений, сдерживавших развитие исторической науки в стране, возрастанием интереса к достижениям отечественной исторической мысли дореволюционного периода и исторической науки в странах Западной Европы. Не удивительно, что в таких условиях в трудах отечественных историков стала возрождаться теория вотчинного государства и ее существенные элементы.

На соединение власти и собственности в Московском государстве XV–XVI вв. обращал внимание В.Б. Кобрин. Между тем единство власти князя как государя, возможно, и мелкого, и собственности на вотчины представляло собой определяющую черту теории вотчинного государства. При этом историк подчеркивал, что феодальное землевладение может служить «как средство для научного изучения политической истории» [6, с. 4], и в этом он видел метод исследования отношений, в рамках которых власть и собственность находили свое соединение. На такую связь он указывал более конкретно. Так, он отмечал, что для ярославских князей Кубенских потеря положения удельного князя как мелкого государя вела к потере тех вотчинных земель, которые традиционно были в руках этого княжеского рода. Он для этого использовал понятие более образное, чем принятое в науке – «родовое гнездо». Но в данном случае оно весьма четко и ясно описывало складывавшееся в процессе присоединения мелкого Кубенского удельного княжества к Московскому государству еще при Василии Темном. После этого присоединения положение князей Кубенских стало совершенно иным. Потомки родоначальника, князя Семена Ивановича, были уже не

удельными князьями, мелкими, но самостоятельными, а «московскими боярами и воеводами». Тем самым свой политический статус они полностью утратили. Из прежней земельной собственности у князей Кубенских лишь «сохранились два села в Ярославском уезде (т.е. в центральной части княжества, за пределами вошедшей в Белозерский уезд Кубены), но основные вотчины находились уже в других уездах» [6, с.67].

Некоторые положения теории вотчинного государства привел Р.Г. Скрынников в своем труде «История Российская. IX–XVII вв.», в котором изложена его концепция русской истории всего большого многовекового допетровского периода. Характеризуя государственное устройство великого княжества Московского, известный историк советского и постсоветского времени отмечал: «Примитивный строй организации московской государственной власти лишил ее необходимой устойчивости. Владетелем государства – отчины – выступала вся княжеская семья, которую после смерти князя формально возглавляла ее вдова. Она улаживала конфликты между сыновьями, делила между ними выморочные удельные княжества и пр.» [7, с. 160]. Прежде всего Скрынников четко указал на единство в условиях Московской Руси государства и вотчины. Следовательно, он принял и возродил основополагающую мысль сторонников теории вотчинного государства дореволюционного времени, однако подчеркнул, что подобная организация государства была примитивной, и в этом отношении он значительно более четко указал на эту характерную черту системы и одновременно на ее недостаток. Он раскрыл примитивность такой организации государственной власти, заключающуюся в том, что опиралась эта власть на семейные отношения и была исключительно семейным делом, в котором на княгине-вдове лежала такая важная функция, как улаживание семейных конфликтов, от которых страдало все великое княжество. К этому можно добавить, что княгиням-вдовам удавалось справиться с подобными внутрисемейными кризисами далеко не всегда. Вместе с тем Скрынников указал на еще одно последствие системы вотчинного государства для состояния Московской Руси. По его словам, раздел московской великокняжеской вотчины на уделы «привел к разделу двора и к расколу боярства. Самые знатные из бояр оставались в думе у великого князя. В уделах служили менее знатные фамилии и младшие члены боярских семей» [7, с. 170]. Между тем боярство играло в тот период очень существенную политическую роль. Не удивительно, что неустойчивое положение боярства не

могло не сказываться самым отрицательным образом на общем положении в великом княжестве Московском в XIV–XV вв. Вместе с тем для Скрынникова теория вотчинного государства не стала основой для характеристики Московской Руси. Он даже не ставил вопрос о том, когда завершилось в России состояние вотчинного государства. Между тем этот вопрос был для дореволюционной историографии весьма значимым, и по его поводу высказывались разные точки зрения.

Очень заметную роль играла теории вотчинного государства при характеристике процесса становления самодержавия в России известным советским и современным историком И.П. Ермолаевым. Он прямо заявлял: «Российское самодержавие является фактически политическим строем, в основе которого лежит вотчинный принцип управления. Это – “вотчинное государство”, которое создается в ответ на политическую (военную прежде всего) необходимость». Такой взгляд на природу самодержавия в России вполне отвечал взглядам К.Д. Кавелина и В.О. Ключевского. Однако причины возникновения режима вотчинного государства Ермолаев объяснял по-своему. Он подчеркивал, что в формировании его особое значение имели не традиции княжеских семей, но политические и военные потребности московской власти. Политическая потребность заключалась в объединении под своей властью всех русских земель, полное преодоление их самостоятельности. Но этот процесс составлял важнейший сюжет всей отечественной историографической традиции начиная с летописного периода вплоть до исторических трудов советского и постсоветского времени. Военная задача заключалась в свержении ханской власти и в обеспечении независимости страны. Это сторона российского прошлого XIV–XV вв. также всегда составляла важнейший историографический сюжет. Нет сомнения в том, что смысл вотчинного государства был связан с необходимостью решения этих исторических задач, стоявших перед страной. Но это вовсе не значит, что вотчинное государство возникло вне какой-либо связи с семейными интересами великих князей московских. На это прямо указывают великокняжеские духовные грамоты, а историки не раз обращали на это обстоятельство свое внимание.

Вместе с тем характеристика Ермолаевым теории вотчинного государства имела созвучие с характеристикой, дававшейся Г.В. Плехановым. Стояла она в выявлении соотношения между деспотическими государствами, распространенными в политических культурах Востока, и вотчинным государством в Московской Руси. По его словам,

деспотический правитель в странах Востока «ущемляет право собственности своих подданных, но в какой-то степени признает его или хотя бы делает вид, что признает за подданными этого права и считает их не субъектами, не гражданами общества, а вполне зависимыми от государства (т.е. фактически от него) единицами, “винтиками” государственного организма». Аналогичным образом характеризовал он московское вотчинное государство. В таком государстве «нет ни официальных ограничений политической власти, ни законопроявления, ни личных свобод, т.е. фигурально говоря, это более “деспотическое государство”, чем сама “деспотия”», – отмечал он. Эта оценка вполне соответствует оценке Плеханова. Вместе с тем Ермолаевым не достаточно ясно выражено, по каким причинам он считал вотчинное государство более «деспотическим», чем деспотия. Между тем Плеханов, как указывалось выше, давал свое объяснение этому явлению. В то же время, по словам Ермолаева, в вотчинном государстве «может иметься высокоэффективная политическая, хозяйственная и военная организация, которая здесь строится на предельно централизованном управлении». По-видимому, такое утверждение не требует объяснения, поскольку на эффективность политики указывает решение двух важнейших политических задач – объединение русских земель и достижение независимости от Большой Орды хана Ахмата при великом князе московском Иване III. Не в меньшей степени на эффективность может указывать постепенное и в целом успешное утверждение в Московском государстве крепостного права, а также прикрепление всех слоев населения: крестьян – к земле, посадских людей – к тяглу, служилых людей разных категорий – к службе.

Еще один важный вопрос, затронутый Ермолаевым, заключался в установлении хронологических рамок вотчинного государства. В этом отношении он оказался ближе к Г.В. Плеханову, чем к В.О. Ключевскому или, тем более, к какому-то другому последователю теории вотчинного государства. Он указывал, что «вотчинный режим» «сложился в России к концу XV в. и определил ее развитие в XVI, XVII и последующих столетиях» [8, с. 11]. Здесь, во-первых, обращает на себя внимание начальная хронологическая грань. Таким образом, Ермолаев не относил к вотчинному государству весь большой период истории великого княжества Московского от Ивана Калиты до Ивана III. Не завершал он существование вотчинного государства Смутой и даже временем первых царей из династии Романовых. В этом, как представ-

ляется, проявилась глубина понимания Ермолаевым такого государства. При данных хронологических рамках самым главным его признаком становились неограниченная власть государя и бесправие по отношению к нему всех слоев населения. Близость характеристик вотчинного государства Г.В. Плехановым и И.П. Ермолаевым не случайна. Труды обоих авторов, содержащих теорию вотчинного государства, появились в период после революций (1905–1907 гг. и 1991–1993 гг.), когда культурно-историческая ситуация, созданная прошедшей и наступающей революцией, сказывалась на духовной культуре. Сказывалась она и на такой ее стороне, как историческая наука.

Вместе с тем конечную хронологическую грань существования в России вотчинного государства И.П. Ермолаев определял не вполне четко. Но во всяком случае очевидно, что он считал такое государство весьма устойчивым, способным существовать целые столетия, и не вполне ушедшим в прошлое в России нового времени.

Тесная связь между теорией вотчинного государства и проблемой европеизации России была прослежена за последнее время Т.В. Черниковой. Обосновывая концепцию, в свете которой европеизация России имела место задолго до Петра I, со второй половины XV в., она подчеркивала, что отставание страны, вызывавшее стремление русских властей к его преодолению путем европеизации, было предопределено в значительной степени состоянием политической системы Московской Руси как вотчинного государства. Поскольку в концепции европеизации России с XV в. теория вотчинного государства занимает значительное место, Черникова уделила внимание вопросу о происхождении вотчинного государства и вотчинного уклада в целом. Ею была конкретизирована мысль К.Д. Кавелина об особой, вотчинной, стадии в развитии страны на пути от родового строя к государству. Она отмечала, что после распада единого Владимиро-Суздальского княжества «новые отдельные княжества были устроены, или, правильнее сказать, выросли из княжеской вотчины. Они и мыслились как княжеские вотчины, где политическая власть и права владельца всей земли неразрывны и могут быть нарушены лишь ханской волей». Такое положение наложило, по ее мнению, самый глубокий отпечаток на весь «объединительно-освободительный процесс в северо-восточных русских землях». В этом процессе она выделяла внешнюю и внутреннюю стороны. Внешняя сторона состояла в стремлении «обладателя ярлыка на Великое княжение Владимирское принудить все другие удельные княжества, а также Новго-

род и Псков признать его своим сувереном». Внутренняя сторона заключалась «в переходе всей северо-восточной русской земли и населяющих ее жителей в полную собственность великого князя Владимирского» [9, с. 28].

Что касается внутренней стороны этого процесса, то подобный переход определялся формированием вотчинного государства. Со ссылкой на Р. Пайпса Черникова указывала, что вотчинные притязания князей на первых порах ограничивались лишь унаследованными или приобретенными ими городами и волостями. И только с середины XV в., с укреплением могущества Москвы понятие великокняжеской вотчины «расширилось и стало обнимать всю страну». Тем самым, как подчеркивала Черникова, вотчина и государство в Северо-Восточной Руси отождествились. Произошло это при великом князе Иване III.

Утверждая это, Черниковой необходимо было сопоставить организацию власти, характер взаимоотношений между властью и населением и отношение к устройству государства в Московской Руси и в разных странах Западной Европы. Такое сравнение не только интересно само по себе, но оно кроме того показывает, что все сравнения говорили не в пользу московской политической традиции. Она отмечала, что германский император Фридрих II Штауфен (1212–1250) заявлял правоведам: «Император – господин в политическом смысле, но не в смысле собственника». Таким образом, император признавал права подданных как собственников. Во Франции «с 1290 г. четко была разделена личная собственность короля и собственность государства». Даже в отсталой Испании XV в. правоведа мог заявить: «Королю вверено лишь управление делами королевства, а не господство над вещами, ибо имущества и права имеют публичный характер и не могут являться ничьей вотчиной». Наконец, как и Г.В. Плеханов, Т.В. Черникова обратилась к наследию французского мыслителя XVI в. Ж. Бодэна. Она подчеркивала, что Бодэн «писал, что главным критерием для различения законного короля от деспота (тирана) является то, что первый уважает право частной собственности своих подданных, а второй – нет». Подобные государства Бодэн, по словам Черниковой, «противопоставлял западноевропейским монархиям (даже тираническим) и выделял в особую группу “сеньориальных монархий” (la monarchie seigneuriale)». Такими «сеньориальными монархиями» Бодэн считал в Европе только два государства – Московию и Турцию [9, с. 29].

Прослеживая исторические предпосылки формирования в России вотчинного государства, Чер-

никова указала две из них. Их характеристика касается вопроса о роли монголо-татарского ига, который является одной из дискуссионных проблем в историографии. Подход к этому вопросу Черниковой обстоятельный и взвешенный. С одной стороны, решающей предпосылкой формирования вотчинного государства она считала внутреннее развитие Северо-Восточной Руси, но не ханскую власть, тяготевшую над зависимыми от нее русскими землями. «Московский общественно-государственный уклад сформировался из зачатков вотчинного уклада, присутствовавших во Владимиро-Суздальском княжестве XII – начала XIII в.», – указывала она. Но и два с половиной века ханской власти также оставили свои негативные последствия в формировании предпосылок подобной государственной системы. «Нет оснований предполагать, что владимиросуздальская тенденция, в рамках которой произошло зарождение уклада вотчинного типа, была магистральным направлением развития русской истории, однако под воздействием восточного-ордынского влияния она превратилась в таковую в Северо-Восточной Руси», – так она говорила о последствиях зависимости от Орды. Следовательно, по ее мнению, такая зависимость стала дополнительным условием возникновения в Северо-Восточной Руси вотчинного государства. Более того, отмечала она, власть Орды вообще могла превратить Московскую Русь в восточное государство, но такую историческую судьбу предотвратили для нее «христианское мировоззрение и постоянные, но не всегда тесные контакты с европейским миром» [9, с. 46]. Долгие годы власти Орды, по ее оценке, «сделали вотчинный уклад столбовой дорогой развития нашего общества» [9, с. 46].

Крайне негативными были последствия вотчинного государства для массового сознания разных слоев русского населения. Благодаря тому, что сложилась система «социальных отношений, построенная по принципу “государь – холопы”», сложился «менталитет, резко контрастирующий с менталитетом западноевропейцев XV–XVII вв. Аксиомой русского менталитета было представление о России как о личной вотчине ее монарха». Черникова соглашается с бароном С. Герберштейном, послом императора Максимилиана I, дважды посетившего Россию при Василии III, который, описывая страну, «констатировал: “Все люди считают себя холопами, то есть рабами своего государя”».

Как и И.П. Ермолаев, Т.В. Черникова не вполне четко определяла хронологические рамки завершения существования в России вотчинного государства. Говорила об этом она весьма неопределенно.

По ее словам, «до Смуты начала XVII в. в России не отделяли понятие “государства” от личности монарха, да и потом размежевание не отличалось четкостью» [9, с.45]. Такое сознание она считала архаичным и очень устойчивым, а отдельные черты его прослеживала в Российской империи XIX в.

Современный социолог Р.А. Лубский, подводя своеобразный итог изучению теории вотчинного государства в отечественной исторической мысли, выделил его общие черты. Такими особенностями он видел «отождествление государя и государства, тотальное холопство». В основе этого государства находились принципы «властоцентричности и сильной государственной власти, авторитарно-властного господства, служения государю, единства государственной власти и собственности, служебно-раздаточного хозяйства», а также «принцип кормить и править» [10, с. 9].

Таким образом, в советской историографии теория вотчинного государства не пользовалась вниманием историков, поскольку она плохо вписывалась в рамки формационной и классовой метатеории, принятой исторической наукой в СССР. Выделялись в ней прежде всего исторические особенности развития страны, тогда как советская историческая наука основывалась прежде всего на положении о феодальной формации как об общем, магистральном пути развития Запада, Руси и Востока. Кроме того, с идеологической точки зрения, оказывавшей значительное влияние на советскую историографию, эта теория была неприемлема, поскольку с опорой на нее можно было выводить исторические предпосылки советского тоталитаризма, существование которого решительно отвергалось в СССР.

Только в постсоветских условиях, когда стали сниматься идеологические ограничения и стал распространяться теоретический плюрализм в объяснении исторических процессов, вновь возник интерес к теории вотчинного государства. С позиций этой теории делались достаточно успешные попытки объяснения таких важных сторон русского прошлого, как истоки и качественные характеристики российского самодержавия, особенностей государственного устройства великого княжества Московского и России XVI–XVII вв., а также процессов допетровской европеизации России.

Литература

1. *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 2004.
2. *Мавродин В.В.* Образование единого Русского государства. Л., 1951.

3. Очерки истории СССР. XIV–XV вв. М., 1953.
4. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.
5. Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., 1991.
6. Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985.
7. Скрынников Р.Г. История Российская. IX–XVII вв. М., 1997.
8. Ермолаев И.П. Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. Казань, 2004.
9. Черникова Т.В. Европеизация России во второй половине XV–XVII веках. М., 2012.
10. Лубский Р.А. Российская государственность как предмет концептуального мышления // Философия права. 2014. № 6.
4. Cherepnin L.V. *Obrazovanie Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vekakh. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rusi* [The Formation of the Centralized Russian State in the XIV-XV Centuries. Essays on the Socio-economic and Political History of Russia]. Moscow, 1960.
5. Zimin A.A. *Vityaz' na rasput'e. Feodal'naya voina v Rossii XV v.* [Knight at the Crossroads. Feudal War in Russia of XV Century]. Moscow, 1991.
6. Kobrin V.B. *Vlast' i sobstvennost' v srednevekovoi Rossii (XV–XVI vv.)* [Power and Property in Medieval Russia (XV-XVI Centuries.)]. Moscow, 1985.
7. Skrynnikov R.G. *Istoriya Rossiiskaya. IX–XVII vv.* [Russian History. IX-XVII Centuries]. Moscow, 1997.
8. Ermolaev I.P. *Stanovlenie Rossiiskogo samoderzhaviya. Istoki i usloviya ego formirovaniya: Vzglyad na problemu* [Formation of the Russian Autocracy. The Origins and Conditions of its Formation: A View at the Problem]. Kazan, 2004.
9. Chernikova T.V. *Evropeizatsiya Rossii vo vtoroi polovine XV–XVII vekakh* [The Europeanization of Russia in the Second Half of the XV-XVII Centuries]. Moscow, 2012.
10. Lubsii R.A. *Rossiiskaya gosudarstvennost' kak predmet kontseptual'nogo myshleniya* [Russian Statehood as a Subject of Conceptual Thinking]. *Filosofiya prava*, 2014, no 6.

References

1. Paips R. *Rossiya pri starom rezhime* [Russia under the Old Regime]. Moscow, 2004.
2. Mavrodin V.V. *Obrazovanie edinogo Russkogo gosudarstva* [The Formation of Unified Russian State]. Leningrad, 1951.
3. *Ocherki istorii SSSR. XIV–XV vv.* [Essays on the History of the USSR. XIV-XV centuries]. Moscow, 1953.

Поступила в редакцию

11 сентября 2015 г.

УДК 94(410)

DOI 10.18522/0321-3056-2015-4-77-83

ПОЛИТИКА Э. ХИТА В СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ: ПОПЫТКА ПЕРЕХОДА ОТ СИЛОВЫХ МЕТОДОВ К ПЕРЕГОВОРНОМУ ПРОЦЕССУ

© 2015 г. А.И. Надолинская

Надолинская Анастасия Игоревна – аспирант,
Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: anastasia.nadolinskaya13@gmail.com

Nadolinskaya Anastasia Igorevna –
Postgraduate Student,
Institute of History and International Relations
of the Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: anastasia.nadolinskaya13@gmail.com

На материалах зарубежных и отечественных источников рассматривается политика Эдварда Хита в Северной Ирландии. Раскрываются характерные признаки курса консерваторов, поэтапно анализируются действия правительства в регионе во время усугубляющегося Ольстерского кризиса. Обосновывается актуальность, а также детально исследуются причины трансформации политики Эдварда Хита от силовых мер к переговорному процессу. Объем стратегиям дается подробная характеристика. Анализируется вклад правительства 1970–1974 гг. в перспективу мирного урегулирования конфликта в Северной Ирландии.

Ключевые слова: Консервативная партия, Эдвард Хит, переговорный процесс, Ольстерский кризис, Саннингдейльское соглашение, прямое правление, «Белая книга», «Зеленая книга».

The article considers Edward Heath's policy in Northern Ireland by using domestic and overseas sources. The author reveals characteristic features of the Tories and analyzes step-by-step the government's actions in the region during the deepening

crisis in Ulster. The reasons for Heath's political transformation from enforcement measures to the negotiating process are investigated. Both strategies are characterized in detail. The government's contribution to the prospects of a peaceful settlement of the conflict in Northern Ireland in 1970-1974 is analyzed.

Keywords: *Conservative Party, Edward Heath, peaceful process, Ulster crises, Sunningdale agreement, direct rule, White Paper, Green Paper.*

Североирландский конфликт является одним из самых масштабных, произошедших в мире в XX в. Его пик пришелся на 70-е – начало 80-х гг. В парламентских выборах летом 1970 г. в Великобритании победу одержали консерваторы во главе с Эдвардом Хитом. К этому времени в Северной Ирландии началась активная фаза Ольстерского кризиса, сопровождаемая открытыми военными столкновениями между католиками и протестантами, а также повсеместным вмешательством британской армии в регулирование конфликта. Перед новым премьер-министром стал нелегкий выбор политической стратегии урегулирования кризиса. Многие эксперты признают, что основным методом ведения политики консерваторов в регионе с 1970 по 1974 г. являлось наращивание воинского контингента, попытка решить конфликт с помощью британской армии, иными словами – силовая политика. Однако несмотря на это, Хит стал первым премьер-министром, кто начал развивать переговорный процесс.

Рассматриваемая проблема представляется весьма сложной и неоднозначной. Различным аспектам правления Хита, анализу его политической стратегии уделялось внимание в трудах как отечественных, так и зарубежных авторов [1–8]. В нашей статье поэтапно проанализируем действия правительства в регионе, чтобы показать, что к концу премьерства Хит осознал неэффективность военных методов, а также необходимость перехода к переговорному процессу.

В начале своего срока правления премьер-министр имел достаточно сложившиеся взгляды относительно методов урегулирования Ольстерского конфликта. 2 июля 1970 г. на парламентских дебатах в Вестминстере, отвечая на реплику политического конкурента и лидера лейбористов Гарольда Вильсона, Хит очертил свою стратегию относительно кризисной ситуации в Северной Ирландии так: «Я хочу, чтобы было ясно, что армия останется в Северной Ирландии до тех пор, и в достаточном количестве, пока это необходимо... В первые несколько дней после вступления в должность мы санкционировали отправку в Северную Ирландию существенных подкреплений» [9]. В марте 1971 г. после убийства Ирландской республиканской армией (ИРА) трех шотландских солдат премьер-министр Северной Ирландии Чичестер-

Кларк полетел в Лондон на встречу с Хитом. Однако в качестве дополнительных мер безопасности последний не предложил ничего кроме увеличения армии в регионе, в результате Чичестер-Кларк подал в отставку [10]. Очевидно, что в первый период своего правления Хит не видел другого решения проблемы кроме как силового. Именно силовой сценарий он и воплощал в жизнь. Проблемы региона решались только с помощью армии.

Одним из самых трагических проявлений данной практики стало так называемое «Кровавое воскресенье», которое потрясло Северную Ирландию и в значительной степени повлияло на ее дальнейшую политическую историю. 30 января 1972 г. местные жители устроили мирный марш, посвященный защите гражданских прав населения Северной Ирландии. Ядро вышедших на улицу составляли католики. Начинаясь как мирное событие, марш закончился убийством тринадцати демонстрантов английскими солдатами. Результатом этого стал значительный приток добровольцев в ряды ИРА, что повело за собой резкое увеличение терактов [11]. Это событие шокировало и напугало не только всех жителей Северной Ирландии, правительство Республики Ирландия, но и сами британские власти. Стало очевидно, что ситуация вышла из-под их контроля. Премьер-министр комментировал ситуацию следующим образом: «Я ошеломлен и потрясен, что британские солдаты стреляли без разбора по толпе граждан, которые вышли на мирную демонстрацию. В результате, погибли 13 молодых людей... Действия британской армии были бесчеловечны» [12]. Столь жестокое поведение в первую очередь компрометировало Вестминстер. Попытки Хита осудить трагедию только лишь усугубили ситуацию. Теракты участились, было сожжено британское посольство в Дублине. Очевидно, что авторитет британского правительства падал, а кризис в Северной Ирландии все более укоренялся.

Бесспорно, в пользу аргументов проведения правительством силовой политики в Северной Ирландии выступает также введение прямого правления в регионе 30 марта 1972 г. Столь радикальный шаг в отношении Северной Ирландии, принятый Хитом и его кабинетом, означал разрушение привычной модели взаимодействия и разделение функций между британским парламентом

и правительством Северной Ирландии. Этот вид управления являлся новой моделью отношений Великобритании и Ольстера, он ограничивал до этого существовавший в значительной степени суверенитет провинции, уничтожал ее политические привилегии в составе Великобритании.

Прямое правление изначально вводилось на 12 месяцев. Такая форма управления таила в себе определенные опасности. Одной из них было то, что местные политики, на протяжении долгого времени игравшие немаловажную роль в политической жизни региона, теперь были практически выключены из нее, их влияние на систему реформирования Северной Ирландии значительно уменьшилось [1, р. 102].

Так как ломалась привычная форма управления, требовались новые законы, регулирующие систему парламентского контроля Великобритании над Северной Ирландией. В связи с тем, что вводилась новая должность – государственный секретарь по делам Северной Ирландии, – следовало разграничить его функции на юридическом уровне. Лондон выпустил ряд биллей, регламентирующих должностные обязанности государственного секретаря, а также полномочия Вестминстера в Северной Ирландии.

До 30 марта 1972 г. в Северной Ирландии существовал собственный двухпалатный парламент, избранный в начале 1969 г. После 30 марта парламент и правительство распускались. Законодательная и исполнительная власть передавалась английскому правительству. Английский министр по делам Северной Ирландии получил неограниченные полномочия. Им стал Уильям Уайтлоу. В мае 1973 г. правительство приняло конституционный акт Северной Ирландии, в соответствии с которым упразднялся пост губернатора и создавалась Североирландская ассамблея. Однако полномочия и функции этого нового органа власти имели ограниченный характер.

После введения прямого правления экономика и вопросы безопасности непосредственно находились в ведении английского парламента, а английский министр по делам Северной Ирландии обладал правом вето на решения ассамблеи. Так как Стормонт – национальный парламент Северной Ирландии прекращал свою работу, обязанности его на себя брал Вестминстер. Это порождало дополнительные полномочия английских парламентариев. В их круг обязанностей теперь входила разработка и одобрение законов для Северной Ирландии. Иными словами, парламент Англии принимал на себя ответственность за законодательство, которую до этого нес Стормонт. Согласно

биллю, при необходимости срочного принятия закона, государственный секретарь по делам Северной Ирландии вносил его в список, чем признавалась необходимость экстренности принятия и значимость закона для провинции. При этих условиях закон вступал в силу немедленно, а одобрение его парламентом Англии требовалось в течение 40 календарных дней. Если по каким-либо причинам этого не происходило, то закон прекращал свое действие на территории провинции [13]. Таким образом, секретарь по делам Северной Ирландии обладал достаточно обширными полномочиями, что многократно отмечали парламентарии в ходе дебатов.

Недостатком данной системы власти можно считать то, что не были сформулированы критерии, по которым государственный секретарь мог определять срочность принятия того или иного закона единолично. А это означало, что в силу неосмотрительности или давления на него различных политических сил действие принятого им какого-либо закона в течение 40 дней могло нанести урон экономической или политической системе провинции. Правящая партия дала столь обширные права государственному секретарю по делам Северной Ирландии, вероятно, чтобы обезопасить себя от еще большего общественного недовольства нововведениями со стороны жителей провинции.

С введением прямого правления Великобритания получила полный контроль над провинцией, с этих пор правительство Хита имело полномочия на принятие важнейших решений для Северной Ирландии, возможность прокладывать собственную траекторию урегулирования кризиса практически без вмешательства местных властей. Прямое правление длилось 27 лет и несмотря на то, что в течение этого периода политические методы урегулирования конфликта менялись, до 1999 г. власти Англии не решались его отменить.

Прямое правление стало апогеем силовой политики Хита, его последней попыткой урегулировать кризис. Хотя к этому моменту стало понятно, что все действия силового характера, которые предпринимались правительством в провинции провоцировали новые вспышки агрессии и усугубляли кризис. Не явилось исключением и прямое правление. После его введения и упразднения Стормонта ИРА почувствовала себя главной в провинции. Основой деятельности группировки по-прежнему оставались насилие и убийства, что в результате влекло за собой новые теракты.

Ужесточение силовой политики британского правительства являлось реакцией на увеличение

жертв в провинции. Наибольшее количество погибших в результате терактов имело место в 1972 г. (480 человек), а самое меньшее количество жертв в период правления Хита составило 26 человек в 1970 г. [14]. За два года число погибших увеличилось в десятки раз. Реакцией правительства на теракты стало увеличение численности войск в Северной Ирландии. До начала премьерства Хита в январе 1970 г. численность британских войск в провинции составляла 8100 человек, тогда как в 1974 г. – 23900 человек. В июле 1972 г. (уже после случившегося «Кровавого воскресенья», а также введения прямого правления) она дошла до 30300 [15]. Численность армии в Северной Ирландии за время правления Хита увеличилась в несколько раз, что связано с эскалацией конфликта, реформированием важнейших сторон политической сферы Северной Ирландии, а также постоянными терактами.

Прямое правление, а также основные политические принципы консерваторов по отношению к провинции окончательно были закреплены в так называемой «Зеленой книге», которая получила официальное название «Будущее Северной Ирландии: документ для обсуждения». Английское правительство издало ее в октябре 1972 г.

Казалось, что «Зеленая книга» – это первый шаг к миру в провинции. Ее особенностью являлось то, что впервые предложения по реализации мира различных североирландских партий (юнионистов, партии Альянса, лейбористов, социал-демократов, ольстерской либеральной партии и др.) были объединены в одном документе, суммировались и подвергались тщательному анализу. Декларировались принципы полной политической интеграции, закреплялось упразднение Стормонта, оговаривалось, что при сложившемся положении законы, принятые в Вестминстере, должны действовать и для провинции. Ее управление доверялось госсекретарю по делам Северной Ирландии. В будущем предполагалось создание Ассамблеи Северной Ирландии, которая играла бы важную роль в создании законов, касавшихся исключительно Северной Ирландии [16].

В целом о документе можно сказать, что он носил скорее теоретический характер, нежели практический, его реализация не требовала непосредственного участия правительства Республики Ирландия. Но тем не менее документ явился первой попыткой сблизить и обобщить позиции партий, без участия которых к мирному решению конфликта было прийти невозможно.

Продолжением политической линии «Зеленой книги» стал новый документ, выпущенный прави-

тельством Хита 20 марта 1973 г., – «Белая книга» – свод новых предложений по урегулированию ситуации в Северной Ирландии. В ведении местных властей оставались такие важные сферы жизни, как образование, развитие региональной инфраструктуры, вопросы занятости, жилищная политика. Но главный вопрос безопасности по-прежнему был в рамках юрисдикции английских властей.

Самостоятельность местных властей во многом ограничивалась «Белой книгой», согласно которой парламент Великобритании имел право издавать нормативные акты в отношении любого вопроса в Северной Ирландии. Хит предпочел оставить в ведении британских властей и такие важнейшие вопросы, как назначение судей, городских магистратов, выбор франшиз, меры в области правопорядка [17].

К 1973 г. стало ясно, что происходит эскалация кризиса, теракты участились, все больше случалось столкновений между католиками и протестантами. Подписанные ранее документы не были способны стать инструментом для урегулирования кризиса, так как не отвечали основным требованиям сторон конфликта. Но тем не менее появление «Белой» и «Зеленой» книг в то же время заставило стороны задуматься о поисках компромисса.

Мнение о невозможности разрешить ольстерский кризис с помощью силовых методов понемногу начинает набирать силу среди британской общественности. Пять лет правительство безрезультатно пыталось урегулировать кризис с помощью присутствия британской армии в регионе. К тому же постоянное усиление воинского контингента Северной Ирландии, столкновения армии и мирных жителей влияли и на международный авторитет страны в глазах всего мира. В Ольстере гибли английские солдаты, в результате чего росло недовольство в стране. Присутствие армии в регионе раздражало католиков, так как, изначально одобряя ввод войск, видя в них защиту, они довольно быстро разочаровались в своих взглядах. Английские части нередко демонстрировали жестокость по отношению к ним. Все эти факторы, напряженность в регионе, постоянная гибель мирного населения привели Хита к тому, что необходимо искать новые способы решения проблем в регионе.

Из истории известно, что любая война, какой бы кровопролитной и жестокой она ни была, заканчивается мирными переговорами. Дипломатический путь решения конфликта зачастую более эффективен, чем убийства и использование армии. Статистика показывала: чем больше частей армии вводилось правительством в Северную Ирландию, тем больше росла террористическая активность

Ирландской республиканской армии, Ольстерских добровольческих сил, а также Ассоциации обороны Ольстера.

Спустя 3 года после начала правления Хита, ситуация в Северной Ирландии не только не улучшилась, но и усугубилась, кризис нарастал. Стало очевидно, что силовая политика не в состоянии его решить. Она казалась эффективной в силу того, что давала возможность подавлять волнения католиков и протестантов, ликвидировать группы террористов сиюминутно. Необходимо было пробовать новые способы решения конфликта. Таковым стало начало переговорного процесса. В результате правление Хита относительно проводимой политики в Северной Ирландии можно условно разделить на два периода: июнь 1970 – декабрь 1973 г. – осуществление бескомпромиссной силовой политики в регионе; декабрь 1973 – март 1974 г. – комбинирование силовой политики (лежащей в основе действий в провинции) и начала переговорного процесса.

Только к 1973 г. у Хита сложилось глубокое понимание природы проблемы. Важным проявлением переговорного процесса стало подписание Саннингдейльского соглашения, которое произошло в декабре 1973 г. Его заключили британский премьер-министр и ирландский премьер Косгрейв. Отличительной особенностью документа стала попытка вовлечь с помощью него в переговорный процесс партии, которые, по мнению сторон, играли важную роль в процессе установления мира в провинции, что являлось продолжением политической линии «Белой» и «Зеленой» книг. Были приглашены юнионисты, социал-демократы, лейбористы, партия Альянса Северной Ирландии [18].

Подписание соглашения заключало в себе попытку отойти от полицейских методов урегулирования конфликта и сесть за стол переговоров. Важной особенностью документа стало то, что в ст. 5 декларировалось конституционное положение Северной Ирландии в составе Соединенного Королевства, что признавалось и Республикой Ирландия. Таковым оно должно было оставаться до тех пор, пока народ Северной Ирландии не решит иначе [19].

Итогом соглашения являлось создание Совета Ирландии. Его состав ограничивался представителями из обеих частей Ирландии, которые гарантировали соблюдение финансовых и других интересов британского правительства. Совет министров действовал на основе единогласного принятия решений, что учитывало интересы консерваторов, так как негодные решения для них таким образом

не имели шансов быть принятыми. Совет министров включал в себя 7 членов с правом голоса от Республики Ирландия и такое же количество от Северной Ирландии. В заседаниях могли участвовать и другие члены, но без права голоса, председательство согласовывалось между членами совета. Согласно документу, Совет министров определял порядок и место встреч. Создавалась ассамблея, которая имела консультативную роль. Она состояла из 60 членов, включая 30 из нижней палаты парламента Ирландии, выбранных на основе пропорционального представительства, и 30 из Ассамблеи Северной Ирландии [18].

Подписание такого рода документа впервые предполагало непосредственное взаимодействие властей двух Ирландий, создавались органы на первый взгляд свободные от британского присутствия. Роль Лондона в созданной системе – координатор, который должен был контролировать исполнение обязательств, прописанных в соглашении. Демонстрировались намерения консерваторов решать проблемы при участии Республики Ирландии, а также региональных властей провинции. Подписание соглашения имело важное значение еще и потому, что Британия наконец признала, что Республика Ирландия тоже имеет свой интерес в делах Северной Ирландии, и готова была поделить роль соавтора. В газете «Таймс» Совет Ирландии оценивался как орган, который «по существу менял отношения между Дублином и Белфастом» [20].

Казалось, соглашение заложило основы дальнейших отношений между Британией и Республикой Ирландия. И тем не менее оно не изменило ситуацию в провинции к лучшему. Обе стороны на момент подписания не были готовы к подобного рода договоренностям, так как гражданская война достигла своего апогея, а само соглашение не избавляло их от главного противоречия. По-прежнему в ирландской конституции существовали вторая и третья статьи, согласно которым территория Ирландии состояла из всего острова, законы государства распространялись на обе его части, что полностью противоречило конституционному статусу Северной Ирландии в составе Великобритании. Немаловажно, что в документе не упоминались проблемы, связанные с обеспечением безопасности, так как они продолжали находиться в ведении британских властей. Именно правом решения данных проблем хотели обладать власти и общественность Северной Ирландии.

Таким образом, Саннингдейльское соглашение явилось первой попыткой официального перегово-

ворного процесса между Британией и Ирландией в целях урегулирования Ольстерского кризиса. Решение конфликта предполагалось достичь с помощью Республики Ирландия, а также партий Северной Ирландии. Но тем не менее консерваторы не отказывались от генеральной линии своей политики, которая предполагала роль «первой скрипки» во всех основополагающих, злободневных и спорных вопросах в судьбе провинции. Можно с уверенностью сказать, что правление Хита стало переломным в истории Северной Ирландии не только потому, что было введено прямое правление, новая модель политических отношений между центром и провинцией. В первую очередь его политика определила траекторию развития кризиса на два десятилетия вперед – на 70 и 80-е гг. Консервативное правительство пошло по пути наращивания воинского контингента в провинции. Время для полномасштабного переговорного процесса еще не наступило. Он предполагал не сиюминутное, а постепенное решение конфликта. Силовая политика точно и быстро могла локализовать военные столкновения, что было более приемлемо для правительства в условиях эскалации конфликта.

Несмотря на то что Саннингдейльское соглашение можно по праву считать первой, закреплённой на бумаге, попыткой Великобритании и Республики Ирландия урегулировать кризис совместно, все же британское правительство делало ставку на силовые методы урегулирования конфликта. Но при этом оно не исключало и возможностей переговорного процесса. Тем не менее опыт совместного решения ольстерской проблемы был позже заимствован Маргарет Тэтчер, для правления которой переговорный процесс со временем стал главным методом урегулирования кризиса.

Литература

1. *Cochrane F.* Northern Ireland. The reluctant peace. N. H.; L., 2013.
2. *McEvoy J.* The Politics of Northern Ireland. Edinburgh, 2008.
3. *Bardon J.* A History of Ulster. Belfast, 1992.
4. The Ulster Debate. Report of study group of the Institute for the Study of Conflict. The Bodley Head. London; Sydney; Toronto, 1972.
5. *Addison P.* The British Conservative Party from Churchill to Heath: Doctrine of men // Contemporary European History. 1999. № 8.
6. *Aitken I.* Fresh Start – Heath. URL: <http://www.theguardian.com/uk/1972/mar/25/northernireland.past> (дата обращения: 22.09.2014).
7. *Грибин Н.П.* Трагедия Ольстера. М., 1980.
8. *Перекудов С. П.* Тихая революция Эдварда Хита // Мировая экономика и международные отношения. 1971. № 4.
9. Parliament Debate. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1970/jul/02/sessional-orders> (дата обращения: 12.09.2014).
10. *McKittrick D., McVea D.* Making Sense of the Troubles. L., 2000. P. 65.
11. *Mulholland M.* The Longest War. Northern Ireland's Troubled History. N. Y., 2002. P. 97.
12. *Wood D.* Home Secretary Expected to make a statement in Common. URL: <http://www.thetimes.co.uk/tto/archive/article/1972-01-31/2/9.html#start%3D1972-01-31%26end%3D1972-01-31%26terms%3Dhome%20secretary%26back%3D/tto/archive/find/home+secretary/w:1972-01-31/1%26next%3D/tto/archive/frame/goto/home+secretary/w:1972-01-31/2>. (дата обращения: 05.07.2015).
13. Northern Ireland (Temporary Provisions) (No. 2) BILL [H.L.]. URL: http://hansard.millbanksystems.com/lords/1972/mar/30/northern-ireland-temporary-provisions-no#S5LV0329P0_19720330_HOL_102 (дата обращения: 02.12.2014).
14. Annual Killings by Military and Paramilitary Groups (1969–2001). URL: <http://cain.ulst.ac.uk/sutton/book/> (дата обращения: 17.08.2015).
15. Background Information on Northern Ireland Society – Security and Defence. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/ni/security.htm> (дата обращения: 10.10.2014).
16. The Future of Northern Ireland: A Paper for Discussion (Green Paper; 1972). URL: <http://cain.ulst.ac.uk/hms0/nio1972.htm> (дата обращения: 12.11.2014).
17. Northern Ireland Constitutional Proposals. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/hms0/cmd5259.htm> (дата обращения: 09.09.2014).
18. 1973: Sunningdale Agreement signed. URL: http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/december/9/newsid_2536000/2536767.stm (дата обращения: 28.10.2014).
19. Sunningdale agreement. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/sunningdale/agreement.htm> (дата обращения: 14.10.2014).
20. *Taylor D.* Four day talks end in deal on police, internees. URL: <http://www.thetimes.co.uk/tto/archive/article/1973-12-10/1/1.html#start%3D1973-12-10%26end%3D1973-12-10%26terms%3DSunningdale%20Agreement%26back%3D/tto/archive/find/Sunningdale+Agreement/w:1973-12-10/1%26prev%3D/tto/archive/frame/goto/Sunningdale+Agreement/w:1973-12-10/1%26next%3D/tto/archive/frame/goto/Sunningdale+Agreement/w:1973-12-10/3> (дата обращения: 20.06.2015).

References

1. Cochrane F. *Northern Ireland. The reluctant peace*. New York; London, 2013.
2. McEvoy J. *The Politics of Northern Ireland*. Edinburgh, 2008.
3. Bardon J. *A History of Ulster*. Belfast, 1992.
4. *The Ulster Debate. Report of study group of the Institute for the Study of Conflict. The Bodley Head*. London; Sydney; Toronto, 1972.
5. Addison P. The British Conservative Party from Churchill to Heath: Doctrine of men. *Contemporary European History*, 1999, no 8.
6. Aitken I. *Fresh Start – Heath*. Available at: <http://www.theguardian.com/uk/1972/mar/25/northernireland.past> (accessed 22.09.2014).
7. Gribin N.P. *Tragediya Ol'stera* [The Tragedy of Ulster]. Moscow, 1980.
8. Peregudov S. P. Tikhaya revolyutsiya Edvarda Khita [Quiet Revolution of Edward Heath]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otosheniya*, 1971, no 4.
9. *Parlament Debate*. Available at: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1970/jul/02/sessional-orders> (accessed 12.09.2014).
10. McKittrick D., McVea D. *Making Sense of the Troubles*. London, 2000, p. 65.
11. Mulholland M. *The Longest War. Northern Ireland's Troubled History*. New York, 2002, p. 97.
12. Wood D. *Home Secretary Expected to make a statement in Common*. Available at: <http://www.thetimes.co.uk/tto/archive/article/1972-01-31/2/9.html#start%3D1972-01-31%26end%3D1972-01-31%26terms%3Dhome%20secretary%26back%3Dtto/archive/find/home+secretary/w:1972-01-31/1%26next%3Dtto/archive/frame/goto/home+secretary/w:1972-01-31/2> (accessed 05.07.2015).
13. *Northern Ireland (Temporary Provisions) (No 2) BILL* [H.L.]. Available at: http://hansard.millbanksystems.com/lords/1972/mar/30/northern-ireland-temporary-provisions-no#S5LV0329P0_19720330_HOL_102 (accessed 02.12.2014).
14. *Annual Killings by Military and Paramilitary Groups (1969–2001)*. Available at: <http://cain.ulst.ac.uk/sutton/book/> (accessed 17.08.2015).
15. *Background Information on Northern Ireland Society – Security and Defence*. Available at: <http://cain.ulst.ac.uk/ni/security.htm> (accessed 10.10.2014).
16. *The Future of Northern Ireland: A Paper for Discussion (Green Paper; 1972)*. Available at: <http://cain.ulst.ac.uk/hmsio/nio1972.htm> (accessed 12.11.2014).
17. *Northern Ireland Constitutional Proposals*. Available at: <http://cain.ulst.ac.uk/hmsio/cmd5259.htm> (accessed: 09.09.2014).
18. *1973: Sunningdale Agreement signed*. Available at: http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/december/9/newsid_2536000/2536767.stm (accessed 28.10.2014).
19. *Sunningdale agreement*. Available at: <http://cain.ulst.ac.uk/events/sunningdale/agreement.htm> (accessed 14.10.2014).
20. Taylor D. *Four day talks end in deal on police, internees*. Available at: <http://www.thetimes.co.uk/tto/archive/article/1973-12-10/1.html#start%3D1973-12-10%26end%3D1973-12-10%26terms%3DSunningdale%20Agreement%26back%3Dtto/archive/find/Sunningdale+Agreement/w:1973-12-10/1%26prev%3Dtto/archive/frame/goto/Sunningdale+Agreement/w:1973-12-10/1%26next%3Dtto/archive/frame/goto/Sunningdale+Agreement/w:1973-12-10/3> (accessed 20.06.2015).

Поступила в редакцию

11 сентября 2015 г.

УДК 93/94

ИПОТЕЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДОНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ПОЗЕМЕЛЬНОГО БАНКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© 2015 г. К.А. Олифиров

Олифиров Константин Александрович – аспирант, кафедра социальных технологий, Ростовский государственный университет путей сообщения, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2, г. Ростов-на-Дону, 344038. E-mail: olifirov_k@mail.ru

Olifirov Konstantin Alexandrovich – Postgraduate Student, Department of Social Technologies, Rostov State Transport University, Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolcheniya Sq., 2, Rostov-on-Don, 344038, Russia. E-mail: olifirov_k@mail.ru

Рассматриваются деятельность и результаты ипотечных операций Крестьянского поземельного банка на примере Донского отделения в конце XIX – начале XX в. Начальная дата связана с учреждением этой кредитной правительственной структуры в 1883 г. 1914 г. – начало Первой мировой войны, которое внесло корректировку в функциональные особенности этого кредитного учреждения. Обозначенный временной отрезок делится на ряд

мелких периодов, характеризующихся важными нововведениями в банке. Анализируются разные банковские аспекты работы Донского отделения Крестьянского поземельного банка.

Ключевые слова: Российская империя, Крестьянский поземельный банк, Донское отделение, ипотечная деятельность, залоговые операции.

The article describes activity and results of mortgage operations of Peasants' land bank on the example of Don Department in the late XIX - early XX centuries. The initial date is connected with establishment of this credit government structure in 1883. The year of 1914 - the beginning of World War I which brought adjustment in functional features of the credit institution. The author divides the designated time period into a number of the small parts which are characterized by the important innovations in bank. The author analyzes the different banking aspects of the overall work of the Don Department of Country land bank.

Keywords: the Russian Empire, Peasants' land bank, Don Department, mortgage activity, mortgage operations.

Деятельность Крестьянского поземельного банка занимала одну из ведущих ролей в истории аграрных отношений в Российской империи. Период конца XIX – начала XX в. – эпоха складывания государственного ипотечного кредитования, которая повлияла на хозяйственное и социальное положение крестьян.

В зависимости от функций и масштабов ипотечных операций Крестьянского поземельного банка его деятельность можно разделить на ряд этапов:

– первый этап (1883–1895 гг.) – ипотечные операции сводились к выдаче ссуд под залог покупаемой земли сельским обществам, товариществам крестьян и отдельным крестьянам;

– второй этап (1895–1905 гг.) – Крестьянский поземельный банк получил право приобретать наделы земли у частных лиц с целью их перепродажи крестьянам;

– третий этап (1895–1914 гг.) – проведение аграрной реформы П.А. Столыпина, которая способствовала появлению частновладельческих крестьянских хозяйств (хутора и отруба). В 1914 г. внешнеполитические причины повлияли на деятельность Крестьянского банка.

18 мая 1882 г. император Александр III утвердил «Положения о Крестьянском поземельном банке». Согласно этому документу, банк являлся правительственным учреждением, созданным для «облегчения крестьянам всех наименований способов к покупке земли в тех случаях, когда владельцы земель пожелают продать, а крестьяне – приобрести оные» [1, с. 31]. В силу «обозначившегося обезземеливания крестьян» эта новая кредитная структура должна была решать аграрные проблемы, возникшие после принятия Манифеста от 19 февраля 1861 г. Государство считало, что огромное крестьянское население можно обеспечить землёй с помощью своего посредничества между продавцами и покупателями [2, с. 9]. Официально работа этой государственной ипотечной структуры началась в апреле 1883 г. Тогда было открыто 11 отделений этого

кредитного учреждения, а в 1894 г. их количество возросло до 43 [3, с. 170].

Крестьянский поземельный банк состоял из центрального органа, который представлял собой Совет из управляющего и трёх членов, назначаемых министром финансов [3, с. 166]. Совет банка рассматривал вопросы:

– запрет на выдачу ссуд, если документы на её получение не удовлетворяли интересы банка;

– проверка и утверждение оценок, проведённых отделениями банка;

– разрешение или запрет дробления заложенных имений;

– рассмотрение заявлений заёмщиков о предоставлении им льгот;

– выпуск процентных бумаг и свидетельств с разрешения министра финансов;

– принятие общих решений по вопросам банковских операций и др. [4, с. 2–3].

Следует отметить, документы на получение ссуды включали разного рода бумаги. Например, сюда могли входить заявления о предоставлении ссуды, задаточная расписка, нотариально заверенная подписка продавцов об отсутствии арендных обязательств в отношении продаваемой земли и т.д. [5, д. 169, л. 28–32 об.] В случае не предоставления каких-либо бумаг банк мог отказать в получении ссуды.

Непосредственная деятельность Крестьянского поземельного банка на местах возлагалась на его отделения. Они выполняли такие функции, как принятие заявлений о получении ссуд, передача их на рассмотрение Совету банка и др. Отделение банка выступало в качестве посредника между продавцами и покупателями [1, с. 33].

Территориальные структуры банка ежемесячно отчитывались перед Советом. Например, Донское отделение Крестьянского поземельного банка предоставляло в центральное управление именные списки заёмщиков для борьбы с неисправными должниками [5, д. 219, л. 5].

Изначально ссуды выдавались на 24,5 г. или на 34,5 г. [6, с. 67]. Они формировались за счёт выпуска процентных бумаг и свидетельств, нарицательная цена которых равнялась 100, 500 и 1000 р., дававших 5,5 % годовых. Для начала деятельности этому кредитному учреждению было выделено около 500 000 р. из государственной казны [7, с. 288]. Ссуду могли получить сельские общества, товарищества крестьян и отдельные крестьяне. Размер ссуды при общинном пользовании равнялся 125 р. на каждую мужскую душу в сельском обществе или товариществе, а при подворном владении – 500 р. на каждого отдельного домохозяина [3, с. 167]. Ссудный процент достигал 7,5–8,5 % в год [6, с. 67]. При получении ссуды заёмщики должны были вносить и иные платежи за каждое полугодие [1, с. 33].

Советский исследователь Д.А. Батуринский указывал, что «за 1883–1885 гг. через банк было куплено крестьянами 540 000 десятин земли и выдано ссуд на 22 млн р. [1, с. 37]». Постепенно объём банковских операций начал сокращаться по разным причинам в ряде российских областей, в том числе и в Донской. Основные из них:

- с 1883 по начало 1890-х гг. население Российской империи возросло на 1,3 %, крестьянское землевладение увеличилось на 0,13 %. Таким образом, происходило дальнейшее дробление крестьянских земельных наделов, что усугубляло решение проблемы обезземеливания крестьян;

- через частные ипотечные банки в руки крестьян переходило больше земли, чем через Крестьянский поземельный банк [2, с. 10–11];

- возрастание количества неуплат и недоимок по ссудам. Например, «...с 1883 по 1895 гг. банком было продано с торгов в погашение недоимок свыше 200 000 десятин или около 9 % всей купленной земли» [1, с. 48];

- частые неурожаи и пожары. Так, за период с 1880 по 1887 г. число пожаров в Российской империи достигло 344 103, что было в три раза больше, чем в 1860–1869 гг. [8, с. 87] и др.

Исследователь аграрной экономики России Б.Д. Бруцкус отмечал, что пагубное влияние на ипотечную деятельность Крестьянского поземельного банка оказывал учреждённый в 1885 г. Дворянский земельный банк, так как поддержка крестьянского кредитного учреждения со стороны правительства ослабела [9, с. 68]. Новое кредитное учреждение предоставляло большие льготы дворянам в поддержании собственного хозяйства. Предложение на дворянские имения уменьшалось. Так, в 1883 г. было продано 1 778 654,4

дворянских десятины, а в 1886 г. – 1 498 893,1 [1, с. 43].

С течением времени российское правительство стало рассматривать разные предложения по вопросу улучшения функционирования крестьянского кредитного учреждения. Результатом этих обсуждений стало принятие нового устава Крестьянского поземельного банка 27 ноября 1895 г. Цель нового устава – расширение банковских операций и увеличение спроса на землю со стороны крестьян [3, с. 244]. Одной из новых кредитных ипотечных функций банка являлась возможность покупки земли с целью перепродажи её крестьянам. Так, за период с 1896 по 1901 г. банк с помощью своего капитала приобрёл около 500 тыс. десятин земли, при этом из них 70 % были перепроданы крестьянам [10, с. 23]. По мнению Б.Д. Бруцкуса, за конец XIX – начало XX в. это крестьянское кредитное учреждение способствовало приобретению крестьянами более 5 млн десятин земли [10, с. 69]. А.А. Кауфман отмечал, что к 1897 г. крестьяне купили около 13 млн десятин земли, к 1905 г. они владели уже более 24 млн [11, с. 93].

Руководство банка обращало внимание, что размеры взносов и высокие цены порой не соответствовали доходности продававшихся имений. Например, в феврале 1900 г. управляющий Крестьянским поземельным банком отмечал, что при определении цены имений, купленных при содействии банка, Донское отделение руководствовалось средней продажной ценой на землю, не выясняя особенностей и характеристик этого участка земли. Он рекомендовал оценивать такое имение по цене, которая будет действительно соответствовать естественным свойствам и экономическому состоянию земли. Однако стоит отметить, что всё это носило рекомендательный характер, чётких правил оценки недвижимого имущества по его собственным характеристикам почти не было [5, д. 219, л. 167 об.].

В 1895–1905 гг. деятельность Крестьянского поземельного банка носила двойственный характер. С одной стороны, правительство успешно провело реорганизацию банка, превратив это государственное ипотечное учреждение в крупного игрока в аграрном секторе экономики Российской империи конца XIX – начала XX в. Благодаря ему, увеличилась мобилизация земли у крестьянского населения. С другой стороны, став крупным покупателем частновладельческих земель, банк как коммерческая организация, нацеленная на получение максимальной прибыли, стал увеличивать цены на земельные участки, что негативно влияло на покупательную воз-

возможность крестьян. Помимо ссуд им приходилось ещё платить по выкупной операции 1861 г.

После революционных потрясений 1905–1906 гг., затронувших крестьянское население Российской империи, правительство решило редактировать свою аграрную политику. Эти изменения были направлены:

- на установление личного владения среди крестьян взамен общинного;

- проведение масштабной внутренней колонизации малонаселённых районов Российской империи [1, с. 91] и аграрной реформы П.А. Столыпина (с 9 ноября 1906 г.). Соответственно все это коснулось и деятельности Крестьянского поземельного банка. Однако некоторые банковские нововведения были приняты и до внесения вышеназванных изменений в российское аграрное законодательство.

Так, 4 марта 1906 г. был создан Комитет землеустроительных комиссий при главном управлении землеустройства и земледелия. Комитет курировал вопросы функционирования землеустроительных комиссий [1, с. 95]. Предполагалось, что их будут формировать уездные собрания из лиц, которые знакомы с местными климатическими условиями. Задачей этих новых учреждений было обсуждение вопросов о целесообразности приобретения банком возможных к покупке земельных наделов. Одной из первоначальных функций землеустроительных комиссий являлось посредничество между продавцами земли и крестьянами-покупателями. Решались моменты, касавшиеся даже степени нужды последних в продаваемом участке. Также землеустроительные комиссии должны были выявлять действительную стоимость заложенных земельных наделов [5, д. 1752, л. 47]. Постепенно их функции расширялись, характер деятельности приобрёл обязательный характер. Бывали случаи, когда Комиссии неудовлетворительно отзывались о работе отделений банка. Так, Таганрогская землеустроительная комиссия выступила с заключением от 19 января 1908 г., где в резкой форме осудила описательный доклад постоянного члена Донского отделения М.М. Налётова по делу о покупке земельного участка третьим Карповским товариществом. Критике были подвергнуты оценки земельных наделов, что способствовало расторжению сделки и иных обязательств между продавцом и покупателем. Для решения подобных споров Донское отделение выпустило постановление «Записки об оценке земельных угодий по правилам Крестьянского поземельного банка», где регламентирова-

лись способы оценивания земельных наделов и другого имущества [5, д. 1338, л. 40–44 об.].

Выпущенный от 12 июня 1907 г. циркуляр Главного управления землеустройства и земледелия расширил функции землеустроительных комиссий. Одной из главных задач этих новых аграрных учреждений была ликвидация земельного фонда, куда входили свободные казённые, удельные и купленные Крестьянским поземельным банком земли (к 1907 г. более 10 млн десятин) [5, д. 1787, л. 35]. Таким образом, данный нормативный акт продолжал намеченный П.А. Столыпиным аграрный курс. По этому документу «самой совершенной формой, допускающей наиболее производительную затрату труда и открывающей наибольший простор для самодеятельности населения в смысле применения по своему выбору наиболее осуществимых в данной местности приёмов и способов полеводства, является такое хозяйство, когда владения каждого двора расположены в одном сплошном отрубе, удобном для ведения хозяйства. При этом условии лучше всего достигается конечная цель землеустройства, заключающаяся в возможном приближении хозяина к его пашне, путём сосредоточения сельскохозяйственных угодий по возможности ближе к усадебной оседлости» [5, д. 1787, л. 36].

По августовскому циркуляру 1907 г. Крестьянскому поземельному банку было предоставлено право выдавать ссуды под наделные земли крестьян, полученные после реформы 1861 г. для следующих целей:

- для уплаты за наделы, оставляемые крестьянами, переселявшимися на новые земли;
- пополнения той части покупной цены за земли, приобретаемые с содействием банка, которая не покрывается ссудой этого же кредитного учреждения, выдаваемой под залог покупаемой земли;
- покрытия расходов на улучшение отрубных и хуторских хозяйств [5, д. 1787, л. 54].

Расширял банк и участие других сословий в качестве своей клиентуры. Так, по ноябрьскому циркуляру 1907 г. положением Совета Крестьянского поземельного банка была распространена кредитная юрисдикция на казачье население Донской и Кубанских областей. По этому акту казакам с содействия банковского отделения разрешалось покупать частные земли по добровольному соглашению с продавцами [5, д. 1787, л. 66–66 об.]. Такие образом, казаки выступали в таком же положении, как и крестьяне, при покупке дополнительных участков земли.

Кардинальных реформ Крестьянский поземельный банк не испытывал вплоть до 1914 г. Так, размер ссуды при покупке земли в единоличное владение отрубным участком доходил до 95 %, а при переселении на хуторской участок – до 100 % оценки. Правительство указывало, что «задача, преследуемых стопроцентных ссуд, заключается в поощрении образования хуторских хозяйств, но практика Крестьянского банка показала, что в тех случаях, когда ссуды выдаются из банка до переселения покупателя лишь под условием последующего его осуществления, указанное условие не всегда выполняется и настоять на этом представляется нередко очень затруднительным» [5, д. 5819, л. 40 об.]. Поэтому для решения этого вопроса предполагалось осуществление переселения до выдачи всей ссуды из банка. Крестьянский поземельный банк выдавал ссуду двумя частями. Первая её часть в размере 90–95 % оценки земельного участка выдавалась до переселения, а вторую в размере 10–5 % – при выполнении остальных требований [5, д. 5819, л. 40]. Однако в связи с наступлением военных действий, согласно утверждённому 23 июля 1914 г. положению Комитета финансов, временно приостановлены покупки имений банком за свой счёт в ряде областей Российской империи, в том числе Донской. При этом размеры ссуд, выдаваемых на покупку земель, понижены в единоличное владение до 80 % специальной оценки, при покупке мелкими товариществами – до 75 % и крупными товариществами или ценными обществами – до 70 %. Однако подобные правила не касались тех заёмщиков, которые получили удостоверения о размере разрешённой ссуды до 23 июля 1914 г. [5, д. 6136, л. 23]. Данные факты повлияли на ликвидацию земельного фонда Крестьянского поземельного банка. Так, за время с 1 января по 31 марта 1914 г. деятельность Крестьянского поземельного банка охватила 239 494 десятины, из которых 187 622 десятины было приобретено сельским населением из имений Крестьянского банка и от частных владельцев [5, д. 6136, л. 2]. Однако с 1 июля по 30 сентября 1914 г. Крестьянский поземельный банк проводил кредитные операции со 141 830 десятинами земли, что было на 33 % меньше, чем в начале года. При этом крестьянское население купило 127 539 десятин земли из земельного фонда Крестьянского банка и от частных лиц. Таким образом, продажи земли упали на 32 % по сравнению с первыми месяцами 1914 г. [5, д. 6136, л. 23 об.].

За второе полугодие с 1 июля по 31 декабря 1914 г. Крестьянским поземельным банком было выдано 11598 ссуд на сумму 27 772 190 р. под за-

лог 296 578 десятин, хотя за то же полугодие в 1913 г. общее число выданных ссуд достигало 22434 на сумму 49 868 090 р., назначенных под залог 492 838 десятин, т. е. выдачи банком ссуд сократились почти вдвое.

За 1906–1914 гг. Крестьянский поземельный банк действовал в русле аграрных изменений, инициированных правительством П.А. Столыпина. Большинство земель продавались в виде хуторов и отрубов. В конце указанного периода банковские операции стали сокращаться. Причиной таких изменений было уменьшение предложения по продаже земли со стороны дворян и переориентация правительства на освоение башкирских земель [1, с. 108]. Однако и при таких условиях ликвидация земельного фонда проходила медленно. Существенно повышались и цены за земельные наделы. Так, к 1912 г. цена за десятину продаваемой земли увеличилась по сравнению с 1906 г. на 60 % [1, с. 111].

Донская область стала испытывать влияния столыпинских аграрных изменений на функционирование Крестьянского поземельного банка в 10-е гг. XX в. Например, это касалось продажных цен за десятину земли (табл. 1).

По Сальскому округу данных нет. Это объясняется тем, что сделки в этом округе отсутствовали. Из таблицы видно, что средняя продажная составляла 243 р. 85 к. за десятину по области по данным Донского отделения, при этом средняя цена по сведениям нотариальных контор – 192 р. 46 к., т. е. на 20,8 % меньше. Таким образом, при частных сделках без участия банка покупатель могли приобрести землю по меньшим ценам за десятину. Также банковская средняя цена за десятину превышает средние продажные цены в ряде округов Донской области, в таких как Усть-Медведицкий, Черкасский, Донецкий и др. Наиболее высокая цена за десятину в Ростовском и Таганрогском округах [5, д. 5340, л. 5].

Что касается изменения экономического положения крестьян, то Донское отделение Крестьянского банка отмечало, что создание отрубных и хуторских хозяйств приобрело широкий размах к началу 10-х гг. XX в. Преимущественно такие хозяйства создавались в Ростовском и Таганрогском округах. По данным Донского отделения, «владельцы отрубов, приобретённых в названных округах с обязательством переселения, если это переселение уже состоялось, большую часть хорошо обстроились на участках, живут в просторных хатах, крытых черепицей либо железом, вырыли в усадьбах колодцы и заводят сады».

Таблица 1

Продажные цены за десятину земли, р., в 1912 г.*

Округ	По данным оценщиков Донского отделения				По данным нотариальных контор			
	Число случаев	Средняя цена, р. за десятину	Колебания		Число слу- чаев	Средняя цена, р. за десятину	Колебания	
			от	до			от	до
Таганрогский	28	283,57	30	500	56	215,31	58	418
Ростовский	98	326,27	170	520				
Черкасский	16	206,62	123	325	8	282,0	106	350
Донецкий	147	210,17	110	375	75	196,75	50	375
Хопёрский	22	156,09	100	265	11	148,61	80	220
Усть-Медведицкий	8	136,37	112	192	25	175,94	40	283
1-й Донской	8	118,62	70	250	6	130,0	31	144
2-й Донской						141,25	136	150
По области	327	243,85	30	520	181	192,46	31	418

*Из статистических документов Донского отделения Крестьянского поземельного банка [5, д. 5340, л. 4].

Примером такого благополучия могли служить хуторские и отрубные хозяйства в бывших Голодаевском и Лакедемоновском имениях банка, располагавшихся в Таганрогском округе [5, д. 5340, л. 13 об.–14].

Посредническая деятельность Донского отделения банка характеризуется в табл. 2.

Согласно сведениям табл. 2, количество заявлений постепенно сокращалось. Например, число заявлений на получение ссуды на покупку земли в 1912 г. было на 53 меньше, чем в предшествующем году. А в 1913 г. число заявлений снизилось еще на 18. Однако количество продаваемой земли увеличилось в 1912 г. на 3609 десятин по сравнению с 1911 г.

Таблица 2

Посредническая деятельность Донского отделения*

Год	Число заявлений	Количество десятин продаваемой земли	Покупная цена земли, р.	Испрашиваемая ссуда, р.
1911	118	13803,61	2598028,20	2637585,42
1912	65	17412,75	3284721,26	2690826,93
1913	47	12699,94	3108847,60	2202615,0

*Из статистических документов Донского отделения Крестьянского поземельного банка [5, д. 5340, л. 35].

Это несоответствие между числом заявлений и количеством продаваемой земли объясняется скорее всего процедурой выдачи ссуды. Отделение банка могло принимать решения по отдельным заявлениям в течение нескольких месяцев. Соответственно ссуды по заявлениям 1911 г. могли быть разрешены в 1912 г. [5, д. 5340, л. 35].

Основные сведения о разрешённых ссудах Крестьянским банком приведены в табл. 3.

Если подвести итог, в 1912–1913 гг. количество сделок между Банком и его клиентами уменьшилось в 3,5 раза по сравнению с 1911 г. Количество продаваемой земли сократилось на 5221,87 десятины, или 37,5 % в 1913 г. по сравнению с 1911 г. и составило 8705,04 десятины. Уменьшились и другие показатели 1913 г. по сравнению с 1911–1912 гг. Постепенно объём операций Крестьянского банка к 1913 г. начал сужаться.

Таблица 3

Разрешенные ссуды Советом и Донским отделением Крестьянского поземельного банка*

Год	Число сделок	Количество продаваемой земли, десятин	Покупная цена, р.	Разрешённая ссуда, р.
1911	128	13926,91	2505007,11	1871730
1912	36	11715,13	2293114	1592980
1913	37	8705,04	1656979,82	1295580

*Из статистических документов Донского отделения Крестьянского поземельного банка [5, д. 5340, л. 7].

Одной из причин был рост цен за десятину земли, который во многом способствовал распространению долгосрочной аренды таких имений. К этому времени значительно сократилась и площадь частновладельческих земель. Снижение активности банка объяснялось и последствиями трехлетнего недорода хлебов, местами очень близкого к неурожаю, особенно в северо-восточных округах, например, Хопёрском, Усть-Медведицком и 2-м Донском [5, д. 5340, л. 1–35].

Сделки по покупке земли с содействия банка были немногочисленны в 1914 г. Так, средняя продажная цена в области составила 323,93 р. за десятину земли, что было на 24,81 р. больше, чем в 1913 г. [5, д. 6129, л. 2 об.].

Основные данные о продажных ценах десятины земли из имений Крестьянского поземельного

банка и при других частных сделках содержатся в табл. 4.

Как отмечало Донское отделение банка, спрос на землю в первую половину отчётного года был большой. Но в некоторых местностях, как например, в Таганрогском и Хопёрском округах, под влиянием неурожаев он был меньшим. Продажная цена на землю в Донской области возрастала. Это объяснялось притоком пришлого населения в восточные районы, которое не знало об их климатических особенностях [5, д. 6129, л. 2 об.].

Таким образом, в 1883–1914 гг. деятельность Крестьянского банка структурно изменялась, функционально расширялась и законодательно дополнялась. В 1883–1895 гг. это государственное учреждение выдавало простые ссуды под залог покупаемых земель.

Таблица 4

Продажные цены, р., в 1914 г.*

Округ	Из имений банка		При частных сделках	
	Число случаев	Средняя цена, р. за десятину	Число случаев	Средняя цена, р. за десятину
Таганрогский	51	286,18	105	306,53
Хопёрский	14	158,08	13	153,92
Усть-Медведицкий	104	135,77		
2-й Донской	112	89,86		

*Из статистических документов Донского отделения крестьянского поземельного банка [5, д. 6129, л. 3].

Затем он получил возможность покупать имения и перепродавать их крестьянам. Основным набором функций Крестьянский банк пользовался вплоть до 23 июля 1914 г., когда в силу внешнеполитических причин понадобилась перестройка ипотечных операций. Что касается Донского отделения, то оно может показать сущность ипотечных операций Крестьянского поземельного банка в Донском регионе, в особенности в 10-е гг. XX в. Продажные цены в донских округах характеризовались высокой степенью колебаний и дороговизной по сравнению с ценами при частных сделках. Снижение заключаемых сделок в 1911–1914 гг. на Дону также объясняет уменьшение в целом кредитных действий Крестьянского поземельного банка в данный период.

Литература

1. Батурицкий Д.А. Аграрная политика царского правительства и Крестьянский поземельный банк. М., 1925. 142 с.
2. Гурьев А.Н. К реформе Крестьянского банка. СПб., 1894. 67 с.
3. Гурьев А.Н. Очерк развития кредитных учреждений. СПб., 1904. 250 с.

4. Устав Крестьянского поземельного банка: Историко-архивные материалы. СПб., 1893. 44 с.

5. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 232. Оп. 1.

6. Проскуракова Н.А. Крестьянский поземельный банк (1883–1916) // Отечественная история. 1998. № 3. С. 66–82.

7. Ходский Л.В. Поземельный кредит в России и его отношение к крестьянскому землевладению. М., 1882. 305 с.

8. Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904. М., 1984. 232 с.

9. Бруцкус Б.Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. СПб., 1922. 235 с.

10. Сидельников С.М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980. 286 с.

11. Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России: лекции, чит. в Моск. нар. ун-те в 1907 г. М., 1908. Т. 1. 167 с.

References

1. Baturinskii D.A. *Agrarnaya politika tsarskogo pravitel'stva i Krest'yanskii pozemel'nyi bank* [The Agrarian Policy of the Tsarist Government and the Peasant Land Bank]. Moscow, 1925, 142 p.
2. Gur'ev A.N. *K reforme Krest'yanskogo banka* [To the Reform of the Peasant Bank]. Saint Petersburg, 1894, 67 p.

3. Gur'ev A.N. *Ocherk razvitiya kreditnykh uchrezhdenii* [Essay on the Development of Credit Institutions]. Saint Petersburg, 1904, 250 p.
4. *Ustav Krest'yanskogo pozemel'nogo banka: Istoriko-arkhivnye materialy* [The Charter of the Peasant Land Bank: Historical and Archival Materials]. Saint Petersburg, 1893, 44 p.
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti (GARO)* [State Archive of the Rostov Region]. F. 232. Op. 1.
6. Proskuryakova N.A. *Krest'yanskii pozemel'nyi bank (1883–1916)* [Peasant Land Bank (1883-1916)]. *Otechestvennaya istoriya*, 1998, no 3, pp. 66-82.
7. Khodskii L.V. *Pozemel'nyi kredit v Rossii i ego otnoshenie k krest'yanskomu zemlevladieniyu* [Land Loan in Russia and its Relation to the Peasant Landownership]. Moscow, 1882, 305 p.
8. Anfimov A.M. *Ekonomicheskoe polozhenie i klassovaya bor'ba krest'yan Evropeiskoi Rossii. 1881–1904* [The Economic Situation and Class Struggle of the Peasants of European Russia. 1881-1904]. Moscow, 1984, 232 p.
9. Brutskus B.D. *Agrarnyi vopros i agrarnaya politika* [The Agrarian Problem and the Agrarian Policy]. Saint Petersburg, 1922, 235 p.
10. Sidel'nikov S.M. *Agrarnaya politika samodержавiya v period imperializma* [The Agrarian Policy of Autocracy in the Period of Imperialism]. Moscow, 1980, 286 p.
11. Kaufman A.A. *Agrarnyi vopros v Rossii: leksii, chit. v Mosk. nar. un-te v 1907 g.* [The Agrarian Question in Russia: lectures, delivered at Moscow Public University in 1907]. Moscow, 1908, vol. 1, 167 p.

Поступила в редакцию

25 июля 2015 г.

УДК 821.133.1 +94(44)

DOI 10.18522/0321-3056-2015-4-90-95

ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА (1870–1871) В РУССКОЙ ПЕРИОДИКЕ 70-х ГОДОВ XIX ВЕКА

© 2015 г. В.П. Подольников

Подольников Владимир Павлович –
кандидат исторических наук, доцент,
Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: podolnikov@list.ru

Podolnikov Vladimir Pavlovich –
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Institute of History and International Relations
of the Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: podolnikov@list.ru

Анализируется материал по истории франко-прусской войны 1870–1871 гг., опубликованный в российской периодической печати в 70-е гг. XIX в. В нем нашли отражение не только важные вопросы мировой политики, но и серьезные проблемы общественно-политической жизни и государственного устройства самой России в годы правления Александра II. В то время были еще живы в сознании людей последствия тяжелого поражения в Крымской войне 1853–1856 гг. Поэтому интерес к итогам франко-прусской войны в русском обществе сопрягался с желанием разобраться в причинах собственных военных неудач.

Ключевые слова: война, периодическая печать, династические и национальные интересы, историческая параллель, военная реформа, либерализация, очевидец.

The article analyses the materials on the history of the French-Prussian war, 1870-1871, published in the Russian periodical press in the 70-ies of 19 century. The materials reflect not only the important issues of world politics, but also serious problems of the political life and government of Russia during the reign of Alexander II. At that time, we were still alive in people's minds the consequences heavy defeat in the Crimean War of 1853-1856. Therefore, interest in the results of the Franco-Prussian War in Russian society is matched with a desire to understand their own ranks, while military failures.

Keywords: war, periodicals, dynastic and national interests, historical parallel, military reform, liberalization, eyewitness.

Либерализация российского общества в годы царствования Александра II открыла возможности для постановки и обсуждения целого ряда ранее табуированных политических проблем. Этому способствовало и значительное увеличение в 60 – 70-е гг. XIX в. количества печатных периодических изданий. Возросла социальная значимость средств массовой информации. Однако не обо всех

сторонах жизни Российской империи и ее государственного устройства можно было говорить еще достаточно открыто и откровенно. Нередко приходилось прибегать к использованию исторических параллелей. И именно франко-прусская война 1870–1871 гг., показавшая слабость монархического режима Второй империи во Франции, приведшая к его краху и замене республикой, позволила,

хоть и опосредованно, коснуться серьезных государственно-политических и военных проблем самой России. Интерес к этой войне подогревался в русском обществе и тем, что не остыла еще в сознании людей горечь и боль за тяжелое поражение и потери в Крымской войне 1853–1856 гг.; сильным оставалось желание разобраться в причинах этого. И хотя политические системы России и Франции существенно отличались друг от друга, в основе обеих лежал один и тот же принцип монархического правления с большими полномочиями императора. Поэтому подбирая материал к публикации о франко-прусской войне, журналисты делали упор на ту его часть, которая так или иначе касалась бы серьезных проблем российской действительности, затрагивала бы вопросы эффективности монархического государственного устройства, соответствия династических и национальных интересов, личной ответственности государя за принимаемые им военно-политические решения, за состояние армии и страны в целом.

История франко-прусской войны нашла достаточно широкое освещение на страницах отечественной периодической печати 70-х гг. XIX в. В ходе войны российские газеты весьма оперативно публиковали текущую телеграфную информацию о политической ситуации в воюющих странах и драматических событиях на полях сражения. Тогда же появились первые, частично или полностью переведенные на русский язык публикации воспоминаний французских и немецких участников или очевидцев этих событий [1–4].

Продолжились они и в послевоенный период [5–9].

В середине 70-х гг. в официальном органе Военного министерства Российской империи «Военном сборнике» появилась первая в нашей историографии аналитическая работа Л. Байкова по истории франко-прусской войны [10].

Таким образом, уже в 70-е гг. XIX в. в отечественной периодике накопился значительный фактический материал по франко-прусской войне, позволивший, с одной стороны, привлечь внимание к важным вопросам государственного и военно-политического устройства самой России и, с другой, – положить начало исследованию истории войны в нашей стране.

Прежде всего российскую общественность интересовали причины быстрого и сокрушительного поражения Франции в войне. Ведущая европейская держава, поставленная на колени за считанные месяцы молодым, еще не сформировавшимся окончательно немецким государством, вынуждена

была принять от него унижительные условия мирного договора. Почему это произошло?

Публикуемые в газетах и журналах исторические сведения дают возможность частично ответить на этот вопрос.

Успех любой войны во многом зависит от осознания большинством населения воюющих сторон тех национальных интересов, которые она должна отстаивать. Из воспоминаний современников следовало, что большая часть французов их не понимала. «У меня, – писал один из них, – не было причин ненавидеть пруссаков; я даже уважал их пиво и поэзию..., но ведь не необходимо ненавидеть народ, чтобы вести с ним войну... Вся Франция разделяла мое мнение» [9, с. 166]. Вместе с тем уже тогда прослеживалась очевидная династическая заинтересованность переживающего кризис режима Второй империи в победоносной войне.

Отсутствие ясной и понятной мотивировки войны французское правительство пыталось компенсировать заверениями общества в полной готовности к ней и в возможности одержать над врагом легкую победу. И вначале это в полной мере удалось. Поэтому, по словам того же очевидца, война «вызвала настоящий взрыв энтузиазма», и «уверенный, что война ограничится одним сражением, после коего король Вильгельм поторопится испросить мира, я рвался в Страсбург» [9, с. 166, 275].

Официальные круги искусственно раздували ура-патриотические и шапкозакидательские настроения воинственной толпы. «На бульварах и улицах, – свидетельствовал другой участник событий, – только и раздавались восклицания: “Наша непобедимая армия!”, “Наши храбрые солдаты!”, “Наши африканские генералы!” Не было ни одного мирного буржуа, которому не чудился бы запах пороха, и многие заблаговременно запасались уже планками и флагами» [3, с. 459]. Современник войны Э. Золя позже подытожит эти настроения словами: «Все считали, что пруссаков шапками закидают» [11, с. 579].

Поддавшись на провокацию Бисмарка с Эмской депешей, Франция фактически выступила инициатором войны. В то же время бывший император Наполеон III, пытаясь скрыть династическую подоплеку войны и снять с себя ответственность за ее развязывание, утверждал, что, начиная войну, он «послушался лишь сильно возбужденного общественного мнения» [1, с. 4]. Вопрос о том, кто его «возбуждал», оставался открытым.

Позиция немецкой стороны, также отраженная в русской периодике, сводилась к тому, что вина

за начало конфликта полностью возлагалась на французов. «Война, – писал прусский офицер, – была объявлена Германии быстро; только уверенность французского правительства в успехе объясняет нам, почему оно не считало нужным быть особенно разборчивым в приискании предлога: взяли первое, что попало под руку» [2, с. 864].

После первых военных неудач в августе 1870 г. настроение во Франции резко переменилось. Патриотический энтузиазм и вера в быструю победу сменились упадком боевого духа и пораженчеством. Окружение Рейнской армии при Меце и поражение при Гравелотте привели к тому, что «большинство французов, начиная с высших сфер и кончая простонародьем, – по словам Л. Байкова, – потеряли... надежду на успешное продолжение борьбы. Иначе и быть не могло: реакция, происшедшая вследствие перехода от иллюзий к действительности, была слишком сильна. Войска, от их начальников до последних солдат, пали духом; население потеряло доверие к силе как своей армии, так и своего правительства: трескучим телеграммам, объявляемым последним об одерживаемых победах, никто уже не хотел верить» [10, с. 251].

Все это в конечном итоге предопределило исход франко-прусской войны. Правда, существовало и другое мнение о причинах поражения, высказанное свергнутым с престола французским императором. Сравнив Францию с Германией и признав превосходство сил последней, а также лучшую организацию ее армии, Наполеон вместе с тем пришел к выводу, что «успехи пруссаков должны быть приписаны... сильно утвердившемуся в Германии принципу власти... Действительную силу государства составляют: уважение к правительству, повиновение законам и дух патриотизма и воинственности, превышающий все частные различия во взглядах» [1, с. 4].

Между тем уважение к правительству резко упало, благодаря действиям самого же правительства, о чем также свидетельствуют воспоминания современников, опубликованные в российской печати 70-х гг. XIX в. Австрийский корреспондент Абани, находившийся при ставке принца Наполеона, описал, как на фоне голодной и беспорядочно отступавшей французской армии «откормленные придворные лакеи стали таскать сундуки, дорожную посуду и всякую дрянь и нагружать ими стоящие дорожные повозки» [5, с. 115]. Еще большее раздражение вызывала официальная пресса, которая, по словам другого очевидца, «точно сговорились лгать и льстить национальному тщеславию... О наших поражениях говорили, что они славнее побед, а о сражении при Верте отзывались как о тор-

жествующей неудаче. Отступление наших войск превозносили со славой и восторгались героизмом солдат, совершавших эти отступления» [3, с. 459–460].

Большой документальный материал, изученный Л. Байковым, позволил ему сделать смелый и предостерегающий российское правительство вывод о том, что одной из главных политических причин поражения французов в войне стала «рознь интересов самой Франции и ее династии. Для первой, – писал он, – весь вопрос минуты заключался в отражении нашествия; ее интересы были исключительно военные. Интересы же династии заключались в том, чтобы удержаться на престоле; для этого ей надо было упрочить свое положение в Париже и иметь возможность вступить в переговоры с неприятелем» [10, с. 251].

Поскольку разгром французской армии, считавшейся до начала войны одной из лучших в Европе, стал для многих неожиданно быстрым и шокирующим, российская пресса уделила большое внимание чисто военным аспектам кампании (вооружению, снабжению и организации, тактике ведения боевых действий). Эти вопросы приобрели для России особую актуальность в связи с проводившейся в стране военной реформой и стали предметом тщательного анализа еще задолго до франко-прусской войны [12]. Теперь же появился новый материал, требующий дальнейшего осмысления военными специалистами.

Характеризуя военную силу противника, премьер-министр Франции Оливье заявил: «Что такое прусская армия!... Нам стоит только дунуть на нее!» [13, с. 19]. В действительности все обстояло далеко не так.

Немецкий офицер, участник войны, сравнивая стрелковое оружие двух армий, отмечал, что французское ружье системы Шаспо, хоть и стреляло дальше, и заряжалось быстрее, чем немецкое игольчатое ружье, все же уступало тому в точности прицеливания. Новое французское оружие — митральеза, по его мнению, было легко уязвимо, требовало подходящего местоположения и прикрытия. Наполеон, продолжал он, излишне «понадеялся на чудодейственную силу митральезы, пренебрег остальными артиллерийскими орудиями. Поэтому немецкая артиллерия везде, где ей приходилось действовать настоящим образом, имела перевес; огонь ее был так жесток, что даже самые лучшие неприятельские полки не в силах были его выдерживать, и в трудные моменты она решала дело» [2, с. 881–882].

Другой немецкий военный, флигель-адъютант барон Зеддлер указал на решающую роль герман-

ской артиллерии в победе над французами в сражениях при Марс-ла-Туре, Гравелотте, Седане. Решение прусского принца под Седаном «выслать вперед артиллерию... на несколько верст под прикрытием незначительного числа эскадронов... побудило генерала Вимпфена (командующего французской армией. – В.П.) отказаться от сделанного ему предложения прорыва на север» [8, с. 61].

Именно умелые действия немецкой артиллерии, признает Наполеон III, заставили французских генералов согласиться на позорную капитуляцию под Седаном. «Седан... – писал он позже, – превратился в настоящую бойню: огонь неприятельской артиллерии производил ужасающее действие среди скученной толпы бегущих с поля сражения солдат разных частей войск и среди жителей Седана и даже раненых, которых не спасал белый флаг с красным крестом» [1, с.4].

Резительный контраст, по воспоминаниям современников, представляла организация руководства французской и немецкой армий. С нескрываемым превосходством германские офицеры писали об умело и быстро проведенной мобилизации немецкой армии, которая «оправдала все надежды»; об удачно выбранном моменте для наступления; о прекрасно организованной перевозке войск по железным дорогам, обеспечившей неожиданную для противника мобильность передвижения воинских соединений [2, с. 882, 883]. Осознавая особую важность последнего фактора, германское командование сделало одновременно все возможное, чтобы затруднить переброску французских армий, разрушив, во словам Наполеона III, тоннели и парализовав тем самым работу железных дорог [6, с. 1].

Однако и без вмешательства немцев передвижение французской армии не отличалось мобильностью и организованностью. Как позже вспоминал изгнанный император, «начальники корпусов пускали свои дивизии вразброд... офицеры и солдаты, следуя дурной привычке, принятой ими в Африке, набирали с собой слишком много багажа, что еще более замедляло движение войск и без того медленное по причине дурной погоды» [6, с. 1].

Что же касается руководства французской армии, то здесь царили неразбериха и сумятица. Будучи верховным главнокомандующим, Наполеон, по его собственному признанию, «силою обстоятельств» «перестал быть не только главою армии, но и главою правительства», «был осужден на бездействие, между тем как мои армии и мое правительство стремились в глазах моих в бездну гибели» [1, с. 4; 6, с. 1].

С позиций безучастного статиста рассказал экс-император о седанской катастрофе, назвав одной из ее причин противоречия в военном руководстве. «Два главнокомандующих, – писал он, – сменившихся один вслед за другим, – генерал Дюкро и Вимпфен – задавались каждый особой целью...» [1, с. 4]. Со своей стороны оба генерала, отметив чехарду смены за два дня четырех командующих (Мак-Магон, Дюкро, Дуэ, Вимпфен), обвиняли в поражении друг друга. Вечером 1 сентября, когда седанская битва фактически закончилась, генерал Вимпфен заявил императору: «Если я проиграл сражение, государь, если я побежден, то обязан этим неисполнением моих приказаний, неповиновению ваших генералов» [4, с. 1]. Присутствовавший здесь же генерал Дюкро бурно отреагировал на это заявление следующей страстной тирадой: «Кто отказывал вам в неповиновении? На кого вы намекаете? Не на меня ли? А я скажу вам, что, к несчастью, приказания ваши были слишком хорошо исполнены. Если мы потерпели страшное поражение, превосходящее все, чего можно было ожидать, то мы обязаны им вашей безумной самоуверенности! На вас одних падает ответственность... На вас одних должен пасть позор капитуляции» [4, с. 1].

Не лучше обстояло дело с интендантской службой французской армии и обучением новобранцев, о чем также свидетельствовали материалы русской прессы 70-х гг. Солдаты, вспоминал участник событий, были обуты в ботинки, которые хороши были лишь для того, «чтобы танцевать кадрили и щеголять ногою», а не для длительных военных переходов; ноги у всех были разбиты в кровь, и «эти бедные резервисты, такие же плохие ходоки, как и я, издали походили гораздо более на свадебное шествие, хорошо пообедавшее, чем на военный отряд, делающий переход» [9, с. 331]. Чтобы облегчить свое передвижение, они выбирали из ранцев накануне осеннего похолодания теплые вещи, рассуждая следующим образом: «На что мне нужна куртка из толстого сукна при температуре в тридцать градусов выше нуля? Ведь война не продлится до осени!» [9, с. 331]. В связи с плохой организацией питания солдаты, по словам того же мемуариста, воровали кур у местного населения [9, с. 332]. «Армию нечем было кормить», – признался позже свергнутый с престола император [1, с. 4].

Обучение резервистов, которых насчитывалось в каждом французском полку по 200–300 человек, было также поставлено из рук вон плохо. «Солдату нет надобности знать что-либо», – гово-

рил им фельдфебель [9, с. 456]. Их даже не научили ставить палатки, выдав кусок холста и несколько деревянных брусков без объяснения, «как их употреблять», в результате чего спать приходилось под открытым небом, в грязи [9, с. 275].

Что же касается обучения тактике ведения боя, то оно хорошо проиллюстрировано словами инструктирующего новобранцев майора: «Когда вы увидите, что другие идут направо, и вы идите направо; когда они возьмут влево, и вы делаете полуоборот налево — вот вам и все движения. На поле сражения стреляйте не торопясь, цельтесь всегда в кого-нибудь... Если пойдут в штыки, бегите прямо вперед, не спотыкаясь» [9, с. 275].

Известно, что перед войной во французской армии имелись фиктивные части. Однако все эти факты не помешали ее руководству, переводя стрелки на противника, утверждать, что прусская армия «великолепно организована на бумаге» [13, с. 22].

Отвечая на это необоснованное заявление, немецкий офицер, сравнив обе армии, и, опираясь на имеющийся уже опыт первых боевых сражений, констатировал следующее: «Одно из великих преимуществ нашей военной организации заключается в том, что в управлении ею господствует правда и честность. У нас не бывает, чтобы что-нибудь существовало только на бумаге» [2, с. 883].

Таким образом, публикуя материалы по истории франко-прусской войны 1870–1871 гг., отечественная периодическая печать не только освещала важные вопросы мировой политики, но и привлекала внимание общественности к серьезным политическим и военным проблемам самой Российской империи 70-х гг. XIX в.

Литература

1. Пересказ брошюры Наполеона III «Причины Седанской катастрофы» // Русский инвалид. 1871. № 31.
2. Письма о войне 1870 г. // Вестн. Европы. 1870. Т. 5.
3. Рецензия на книгу Франциска Сарсэ «Осада Парижа 1870–1871 гг. Впечатления и воспоминания». СПб., 1871 // Вестн. Европы. 1871. Т. 4.
4. Седанская капитуляция (Извлечение из книги генерала Дюкро) // Санкт-Петербургские ведомости. 1871. № 269.
5. Воспоминания австрийского корреспондента Абани о франко-прусской войне // Военный сборник. 1872. Т. 85, № 6.
6. Посмертные сочинения и неизданные автографы Наполеона III в изгнании // Сын отечества. 1873. № 98.
7. Седанский погром по сказаниям генералов Вимпфена и Дюкро // Военный сборник. 1872. Т. 85, № 6.

8. Три беседы флигель-адъютанта барона Зедлера в академии Генерального штаба «Пехота, артиллерия и кавалерия в бою и вне боя в германо-французской войне 1870–1871 гг.» // Военный сборник. 1872. Т. 85, № 7.

9. Шуточный солдат. Воспоминания о франко-прусской войне // Гражданин. 1876. № 6.

10. Байков Л. Франко-прусская война 1870–1871 гг. Седанская операция // Военный сборник. 1876. Т. 111, № 10–12.

11. Золя Э. Три войны. Собр. соч.: в 26 т. М., 1964. Т. 23.

12. Драгомиров М.И. Австро-прусская война в 1866 году. СПб., 1867.

13. Антюхина-Московченко В.И. Третья республика во Франции. 1870–1918. М., 1986.

References

1. Pereskaz broshyury Napoleona III “Prichiny Sedanskoi katastrofy” [Retelling of the brochure of Napoleon III “The Reasons of Sedan Disaster”]. *Russkii invalid*, 1871, no 31.
2. Pis'ma o voine 1870 g. [Letters about the War of 1870]. *Vestn. Evropy*, 1870, vol. 5.
3. Retsenziya na knigu Frantsiska Sarse “Osada Parizha 1870–1871 gg. Vpechatleniya i vospominaniya”. SPb., 1871 [Review of the Book of Francis Sarse “Siege of Paris of 1870-1871. The Impressions and Memories”. St. Petersburg, 1871]. *Vestn. Evropy*, 1871, vol. 4.
4. Sedanskaya kapitulyatsiya (Izvlechenie iz knigi generala Dyukro) [Sedan Surrender (Extract from the Book of General Ducrot)]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, 1871, no 269.
5. Vospominaniya avstriiskogo korrespondenta Abani o franko-prusskoi voine [Memories of Austrian Reporter Abani about the Franco-Prussian War]. *Voennyi sbornik*, 1872, vol. 85, no 6.
6. Posmertnye sochineniya i neizdannye avtografy Napoleona III v izgnanii [Posthumous Writings and Unpublished Autographs of Napoleon III in Exile]. *Syn otechestva*, 1873, no 98.
7. Sedanskii pogrom po skazaniyam generalov Vimpfena i Dyukro [Sedan Pogrom in the Tales of Generals Ducros and Wimpfen]. *Voennyi sbornik*, 1872, vol. 85, no 6.
8. Tri besedy fligel'-ad'yutanta barona Zedlera v akademii General'nogo shtaba “Pekhota, artilleriya i kavaleriya v boyu i vne boya v germano-frantsuzskoi voine 1870–1871 gg.” [Three Conversations of Baron Zeddler’s adjutant at the Academy of the General Staff, “The infantry, artillery and cavalry in battle and out of combat in the German-French War of 1870-1871”]. *Voennyi sbornik*, 1872, vol. 85, no 7.
9. Shutochnyi soldat. Vospominaniya o franko-prusskoi voine [Comic Soldier. Memories of the Franco-Prussian War]. *Grazhdanin*, 1876, no 6.

10. Baikov L. Franko-prusskaya voina 1870–1871 gg. Sedanskaya operatsiya [Franco-Prussian War of 1870-1871. Sedan Operation]. *Voennyi sbornik*, 1876, vol. 111, no 10-12.

11. Zolya E. *Tri voiny* [Three Wars]. Coll. op. in 26 vol. Moscow, 1964, vol. 23.

12. Dragomirov M.I. *Avstro-prusskaya voina v 1866 godu* [Austro-Prussian War in 1866]. Saint Petersburg, 1867.

13. Antyukhina-Moskovchenko V.I. *Tret'ya respublika vo Frantsii 1870–1918* [Third Republic in France. 1870-1918]. Moscow, 1986.

Поступила в редакцию

31 августа 2015 г.

УДК 94.01

DOI 10.18522/0321-3056-2015-4-95-101

ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ АГНЕС СЕМПСОН В КОНТЕКСТЕ ОХОТЫ НА ВЕДЬМ В ШОТЛАНДИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

© 2015 г. Н.В. Филатова

Филатова Надежда Владимировна – аспирант,
Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: contact@viaregina.ru

Filatova Nadezhda Vladimirovna – Postgraduate Student,
Institute of History and International Relations
of the Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: contact@viaregina.ru

Анализируется частный эпизод охоты на ведьм в Шотландии конца XVI в. Исследуются материалы суда над Агнес Семпсон, звена в цепи взаимосвязанных судебных процессов 1590 – 1591 гг., что помогает понять пути эволюции портрета ведьмы, включившего в себя такие мифологемы, как демонический пакт, шабаш и тайный заговор. Возникновение и распространение новых смыслов, трансформировавших образ ведьмы и королевскую политику по отношению к ведовству, было обусловлено тенденциями исторического развития шотландского общества второй половины XVI в.

Ключевые слова: история Шотландии, охота на ведьм, ведовские процессы, шотландское ведовство, Норт-Бервикские ведьмы, Яков VI, демонология раннего Нового времени.

The article is devoted to the analysis of particular witch-hunt episode and one associated human destiny in terms of large-scale cultural and historical process. The case of Agnes Sampson is a link in chain of the interconnected trials, which is included in the history of Scotland as North Berwick Witches, 1590 - 1591. The concept of witchcraft as a holistic system of ideas about relationship with supernatural forces was complemented by some new features that reflect the cultural and historical situation. The case study of Agnes Sampson helps us to understand the development of witch portrait in Early Modern Europe. Although her file still contains the examples of healing and counter-magic, it most describes diabolic witchcraft, convention and conspiracy.

Keywords: history of Scotland, witch-hunt, witch trials, Scottish witchcraft, North Berwick witches, James VI, demonology of Early Modern period.

Охота на ведьм и демономания стали симптомом непреодоленного кризиса шотландского общества, к концу XVI в. испытавшего перипетии острой религиозной и политической борьбы. Попробуем проанализировать единичный сюжет с целью постижения запечатленного в нем образа исследуемого целого, «не разглядывать мелочи, а рассмотреть подробности» [1, S. 193] конкретной человеческой судьбы в контексте отраженного в ней масштабного культурно-исторического процесса.

Дело Агнес Семпсон является звеном в цепи взаимосвязанных судебных процессов, вошедших в историю Шотландии как Охота на ведьм из Норт-Бервика. Агнес Семпсон, жительница деревни Кейт в области Ист-Лотиан, вдова, была аку-

шеркой, знахаркой. Дата ее рождения неизвестна, дата смерти – 28 января 1591 г. Агнес Семпсон была арестована по подозрению в колдовстве и участии в тайном заговоре, целью которого было уничтожение морского экипажа короля Якова VI Стюарта и его жены Анны Датской во время перехода из Копенгагена в Эдинбург. Дело было заведено 7 мая 1590 г. и первоначально рассматривалось пресвитерианским провинциальным синодом; Семпсон заключили в городскую тюрьму Хаддингтона, но вскоре ее перевели в Эдинбург [2, p. 96]. Вместе с Семпсон было арестовано порядка семидесяти человек, однако точное число казненных по обвинению в ведовстве и государственной измене по-прежнему не известно. Агнес Семпсон подвергалась допросам с конца осени 1590 г. по

январь 1591 г., после применения пыток она подтвердила все пятьдесят три пункта предъявленного ей обвинения, 27 января 1591 г. состоялся суд, 28 января несчастная была сожжена на костре.

Судебный процесс по делу Семпсон состоялся в рамках кампании по охоте на ведьм 1590 – 1591 гг., начального этапа более продолжительного периода преследований, растянувшегося до 1597 г. Крупнейший современный исследователь шотландского ведовства Дж. Гудар приходит к выводу, что именно 1590 г. следует считать началом массовой охоты на ведьм в Шотландии [3, р. 14]. Таким образом, обратившись к истории Агнес Семпсон, мы можем познакомиться с событиями и персонами, стоявшими у самых истоков изучаемого явления. Учитывая специфику используемых исторических источников, наиболее продуктивным представляется рассмотрение отдельной биографии в контексте эпохи, на стыке религий, культур, политических течений и общественных интересов. В этом ракурсе волна преследований за ведовство предстает не только этапом становления пресвитерианской церкви и абсолютной власти монарха, следствием модернизации и вызванной ею конфронтации города и деревни, но также проявлением характерной для кризисных периодов тенденции привнесения общественно-политического контекста в бытовые и межличностные отношения.

Сложно выделить единственный решающий фактор, который можно было бы квалифицировать как детерминанту, поэтому необходимо понимание путей исторического развития Шотландии во второй половине XVI в. Среди них централизация королевской власти, которая повлекла за собой репрессии по отношению к сепаратистам, смещение приоритетов в центр социальной иерархии, трансформацию роли королевского суда, в частности выход из-под церковной юрисдикции семейного судопроизводства. Огромное социальное значение приобрели последствия религиозных конфликтов, становление пресвитерианской церкви, озаменованное небывалым ужесточением контроля мирской жизни паствы и гонениями на нехристианские проявления народной религиозности. С конфессиональными преобразованиями также связана характерная демографическая картина шотландской охоты на ведьм XVI – XVII вв.: согласно данным Б. Левака, доля судебных расследований ведовства и колдовства, где обвиняемыми выступали женщины, резко увеличилась, достигнув 80 % [4, р. 141]. Вместе с тем конец XVI в. ознаменован рядом циклических катаклизмов – голодом и чумой, что время от времени сотрясали европей-

ские общества интересующего нас периода. Вызванное периодическими эпидемиями и неурожаем обнищание населения считается одной из важнейших предпосылок социального напряжения, в частности всплеска охоты на ведьм 1590 – 1597 гг. В материалах расследований мы видим, что дьявол, как правило, соблазняет ведьм обещаниями прекратить их крайнюю нужду, что свидетельствует о тяжелых условиях жизни подозреваемых. О бедности как об одной из главных причин служения темным силам Яков VI рассуждает на страницах «Демонологии»: «Поскольку некоторые из них пребывают в великом горе и бедности, он [дьявол] соблазняет следовать за ним обещаниями богатств и мирских благ» [5, р. 382]¹.

Драма Агнес Семпсон примечательна тем, что охватывает все интересующие нас аспекты шотландского ведовства. Во-первых, охота на ведьм из Норт-Бервика в целом отличалась высокой степенью политизации: главным обвинением в суде служило участие в тайном заговоре против королевской власти. Во-вторых, Агнес Семпсон занималась целительством, что отражено в материалах расследования и позволяет составить представление о магическом компоненте ведовства. В-третьих, непеременимым сюжетом допросов было заключение демонического пакта, – мифологема, передающей сущность эволюционного этапа охоты на ведьм периода социальных и правовых преобразований. В-четвертых, изучение досье наталкивает нас на размышления о теневой стороне процесса конфессионализации в Шотландии, преследованиях ряда категорий женщин как неминуемом следствии борьбы за благочестие и моральную чистоту внутри религиозных общин. Таким образом, выбранный в качестве объекта исследования судебный эпизод позволяет, с одной стороны, определить ключевые аспекты ведовства в Шотландии конца XVI в., с другой – составить стереоскопическую картину феномена охоты на ведьм периода становления новоевропейского типа мировоззрения.

Особый вклад в научное понимание охоты на ведьм 1590 – 1591 гг. внесли Л. Норманд и Г. Робертс, авторы комплексного исследования «Ведовство в Шотландии раннего Нового времени» [2]. Они собрали, классифицировали и адаптировали все документы, имеющие отношение к заговору ведьм из Норт-Бервика. Кроме того, непреходящую ценность представляет монография К. Ларнер «Враги бога: Охота на ведьм в Шотландии» [6], а также работы Дж. Гудара и Б. Левака, которые

¹ Здесь и далее – пер. авт.

стремятся исследовать ведовство как сложное антропологическое явление, выходя за рамки, очерченные стереотипами демонологических представлений [3, 4, 7].

Нами используются три категории исторических источников: официальные записи допросов и обвинительных заключений основных фигурантов, датируемые концом ноября 1590 – декабрем 1591 г., анонимное публицистическое произведение «Новости из Шотландии», опубликованное в 1592 г. в Лондоне, а также трактат Якова VI «Демонология», создававшийся на протяжении 1592 – 1597 гг. и опубликованный в 1597 г. в Эдинбурге.

Все сохранившиеся записи допросов Агнес Семпсон можно условно подразделить на три категории:

– показания, данные в конце ноября – начале декабря 1590 г. На этом этапе вплоть до 4 декабря 1590 г., обвиняемая отрицала факт знакомства с оговорившей ее (под пытками) служанкой из Транента Джилис Дункан. Сообщения Семпсон касаются преимущественно осуществлявшегося при помощи молитв лечения и устных консультаций больных. На этом этапе обвиняемую предположительно начали подвергать депривации сна;

– показания, данные в начале декабря 1590 г. в Холирудском дворце. 5 декабря в дознании принял личное участие Яков VI. По его приказанию к обвиняемой была применена пытка «ведьминой уздечкой», о чем осталась следующая запись: «Все противоречивые сведения собраны воедино, Его Величество сурово заставил ее сказать правду, что она и сделала после этого» [2, р. 144]. В «Новостях из Шотландии» содержатся сведения о том, что «вышеупомянутая Агнес Семпсон, которая была самой старой ведьмой, была представлена в Холирудхаусе перед Его королевским величеством и различными представителями знати Шотландии, где она была строго допрошена; но все увещевания, которые применял по отношению к ней Его величество и члены Его совета, не могли побудить или заставить ее признаться в чем-либо, она решительно отрицала все, что было ей инкриминировано. Вследствие чего ее направили в тюрьму, где она подверглась таким пыткам, каким впоследствии подвергались ведьмы в этой стране» [8, р. 313]. 5 декабря Семпсон подтвердила главные обвинения: знакомство с Джилис Дункан и участие в тайном заговоре, заключение демонического пакта, присутствие на шабаше, покушение на жизнь монарха;

– показания, данные в январе 1591 г., отличаются непоследовательностью. В первой части январских показаний обвиняемая отрицает факт сговора

для наведения порчи на Дэвида Сетона, что было одним из основных сюжетов второй группы показаний. Также она опровергает путешествие по морю и передачу письма с призывом поднять шторм, чтобы предотвратить появление королевы Анны в Шотландии [2, р. 155]. Более того, досье гласит: «Она отрицает заговор в Норт-Бервике; она признается в этом вновь» [2, р. 155]. Л. Норманд и Г. Робертс предполагают, что эта запись свидетельствует о применении пыток и в январе 1591 г. Во второй части январских показаний Агнес Семпсон подтверждает, что кузен Якова VI лорд Ботвелл обещал ей золото и серебро в обмен на колдовские чары.

Среди 53 пунктов обвинения, предъявленных Семпсон на суде, были следующие: лечение больных при помощи заклинаний и молитв, предсказание исхода болезней («останется ли в живых больной»), предсказание даты смерти человека, насылание шторма в ночь на праздник Архангела Михаила, избавление от злых чар других ведьм, участие в шабаше на церковном дворе, участие в шабаше на корабле «Божья слава», заключение демонического пакта, участие в тайном сообществе ведьм, распространение письма Джона Фиана с призывом поднять шторм на море, дабы помешать прибытию королевы Анны, участие в ритуале крещения кота для последующего использования животного в злых чарах, наведение порчи на домашний скот и т. д. [2, р. 231–246].

Имея в наличии только показания обвиняемых, невозможно эффективно проанализировать влияние способов, какими проводилось дознание. Тем не менее известно, что устрашение и пытки в этих расследованиях имели решающее значение для получения признательных показаний, главного доказательства вины в делах о колдовстве. При этом процесс Агнес Семпсон был в некотором смысле эталонным, что подтверждается современником и возможным участником расследования, автором памфлета «Новости из Шотландии». Пытки применялись по решению Тайного совета или Парламента в случаях особо тяжких преступлений: среди них значились государственная измена, мятеж и ведовство, которое приравнивалось к измене родине [2, р. 99]. Свержение власти короля наряду с заключением сделки с дьяволом стало одним из двух сюжетов, отличающих судебные процессы конца XVI в. В числе пыток были побои, депривация сна, сдирание волос с головы и тела, прокалывание предполагаемой ведьминой отметины, испанский сапог. Обоснованием пыток служило представление о том, что «повседневный опыт доказывает, как неохотно они [те, кто когда-либо

был осужден или признался в ведовстве] признаются без пыток...» [5, р. 356].

Помимо подтверждения собственных преступлений Агнес Семпсон под давлением оговорила еще минимум 12 человек, что увеличило количество потенциальных жертв репрессий. Заинтересованность следователей в раскрытии заговора против монаршей особы и вызванное тем самым резкое возрастание числа подозреваемых в колдовстве и ведовстве являются характерными особенностями охоты на ведьм исследуемого периода. Стремление выявить тайную организацию предопределило лавинообразный характер преследований по подозрению в ведовстве: в ходе дознания обвиняемые указывали имена нескольких «своих поделщиков», те, попав на допрос, называли новые имена. В итоге перед судом предстала целая группа лиц, что действительно напоминало некую организованную группу, сформированную по принципу сети.

Интерес к ведовству, посредством которого канализируется невысокая в спокойные годы потребность в поиске нового источника знания, неизведанных ощущений, вольнодумстве, альтернативному образу жизни, культуре, религии, может возрасти в кризисный период. На страницах своей «Демонологии» в качестве второй из двух главных причин (наряду с нищетой) отпадения ведьм и некромантов от официальной церкви Яков VI называет любопытство, неудовлетворенность господствующей картиной мира и места в нем человека, гордыню, провоцирующую несчастных искать покровителя среди темных сил [5, р. 365]. Однако тезис об интеллектуальном осмыслении экзистенциальных данностей вряд ли можно применить к подавляющему большинству населения, жителям сельских общин, у которых испокон веков было свое ведовство. Отголоски синкретического мифологического комплекса и сопутствующих ему обрядовых практик можно усмотреть во множестве судебных процессов, хотя неизбежные следовательские клише существенно затрудняют понимание этого глубинного явления.

В судебных записях прослеживаются сведения о магическом компоненте ведовских практик. Так, на первых допросах Агнес Семпсон показала, что умела по личным вещам больного определять, заколдован он или нет [2, р. 136]. Кроме того, обвиняемая сообщила имена конкретных женщин, наводивших злые чары, которые она снимала единственно при помощи молитвы [2, р. 144]. Досье содержит множество указаний на то, что Семпсон при помощи заклинаний избавляла жителей окрестностей от сглаза и порчи. При этом в

тексте значится, что дьявол отказывал ведьме в помощи для лечения больных – основном ее занятии, которое, по-видимому, и навлекло на нее судебные преследования [2, р. 156].

Согласно предъявленным обвинениям, у раскрытого заговора имелось два мотива: первый – мистический, в рамках которого инициатором убийства короля выступил сам дьявол. Второй – сугубо политический, привычный для Шотландии второй половины XVI в., связывался с именем лорда Френсиса Ботвелла, 26-летнего кузена короля, имевшего связи с английской короной и все шансы сменить на престоле отсутствующего Якова. В свою очередь ключевым сюжетом, отразившимся в судебных материалах, является королевская свадьба.

Женитьба Якова VI, будучи сложным дипломатическим проектом, потребовала искусного ведения переговоров, немалых вложений и терпения. Наконец, 20 августа 1589 г. в Копенгагене была проведена предварительная церемония бракосочетания, после чего молодая королева Анна отправилась в путешествие в Лейт. Выйдя в открытое море, датский флагман «Гидеон» дал течь. Все попытки взять курс на Шотландию были пресечены бурями. 1 октября 1589 г. Анна приняла решение провести зиму в Осло, тогда Яков внезапно отбыл в Норвегию. Форсирование событий могло быть продиктовано опасениями короля по поводу возможного прерывания династии Стюартов; кроме того, задержка вступления в брак создавала угрозу для личной политической репутации короля. Путь короля из Лейта в Осло поначалу тоже осложнялся встречными ветрами. Яков полагал вернуться через 20 дней, однако из-за сезонных ветров ему пришлось остаться в Норвегии до конца апреля 1590 г. Тем временем весной 1590 г., за полгода до активной фазы охоты на ведьм в Шотландии, в Дании была арестована женщина, подозреваемая в колдовских чарах, направленных против королевы Анны. Обвиняемая показала еще на нескольких женщин, все они в результате были казнены в Копенгагене к маю 1590 г. Таким образом, охота на ведьм, запущенная после затруднений в морском путешествии, началась в Дании и впоследствии распространилась на шотландский Ист Лотиан. Кроме того, в эскалацию преследований внес личный вклад адмирал Педер Мунк, капитан датского флагмана «Гидеон», который обвинил в неблагоприятных погодных условиях ведьм и их чары, вероятно, стремясь снять с себя ответственность. Важно учесть, что лицом, ответственным за подготовку и снаряжение кораблей

для путешествия короля в Норвегию, был лорд адмирал, герцог Ботвелл, представители рода которого наследовали эту должность со времени первого герцога Ботвелла в 1488 г. [2, р. 34–38]. Таким образом, Френсис Ботвелл нес персональную ответственность за благополучие морского перехода. Напомним, что центральным сюжетом обвинения Агнес Семпсон и ее товарищей по несчастью была попытка потопить флагман с монаршей четой на борту.

Изучение материалов интересующего нас дела позволяет обозначить ряд тенденций государственной и церковной политики по отношению к ведовству, среди которых в первую очередь следует выделить изменение его юридического статуса. Законом 1563 г. ведовство было приравнено к тяжкому уголовному преступлению, что стало этапом в серии законов в защиту морали – против супружеских измен, внебрачных связей, пьянства и др., – вышедших во второй половине XVI в. на волне Реформации. Обратившись к хронологии судов ведьм в Шотландии, мы видим, что после закона 1563 г. судебные разбирательства в целом активизировались. Тем не менее в 1563–1589 гг. число судов все еще оставалось незначительным, обвиняемые часто избегали наказания путем оправдания по итогам следствия, а инкриминируемые правонарушения относились, скорее, к бытовой, нежели к политической сфере [5, с. 19]. Однако в 1590 г. еще до начала осени число судов по делам о ведовстве заметно увеличивается, что может свидетельствовать о нарастании напряжения в конгрегациях после возвращения лидеров пресвитерианской церкви в Шотландию в конце 1580-х гг. [2, р. 28].

Следующая тенденция эволюции ведовских практик – их очевидная политизация. В материалах допросов тайный заговор ведьм изображен в виде политической конвенции. Следователи сформировали образ тайного совещательного органа, регулярно собирающегося для принятия важных решений и имеющего главу (в лице Джона Фиана), связного и заклинателя (в лице Агнес Семпсон), даже некую внутреннюю документацию (письмо с призывом спутать планы короля). Примечательно, что организационная форма, которой якобы придерживалось тайное сообщество ведьм, оказалась идентична ранним протестантским организациям, носившим конспиративный и коллегиальный характер. Через тридцать лет после начала Реформации ведовство как альтернатива установленной форме обрядности попало в фокус внимания пресвитерианских фанатиков, а идея заговора против трона и церковного престола определила религи-

озно-политическую жизнь Шотландии вплоть до конца XVI в. Кроме того, к 1590 г. рельефно обозначился конфликт между церковной и светской властью: в ходе охоты на ведьм из Норт-Бервика был достигнут перевес в пользу короля. Утверждаясь в качестве главного врага дьявола¹, Яков подчеркивал свое первенство по отношению к секуляризированной церкви. Наиболее четко конфликт короны и церкви артикулирован в досье Агнес Семпсон, в пассаже «Он [дьявол] также сказал ей, что священники могли бы уничтожить короля и всю Шотландию, однако если он использует его [дьявола] совет, то сам уничтожит недоброжелателей» [2, р. 139].

Репрезентация ведовства теснейшим образом связана с положением церкви и актуальным состоянием религиозного культа. К концу XVI в. обмирщение церкви обусловило некоторое обмирщение ведовства, что реализовалось в придании квазиюридической формы отношениям человека с темными силами, в освобождении ведовства от церковной юрисдикции и переходе последнего в категорию светских преступлений, в расширении широкого общественного интереса к ведовским практикам, появлении оригинального публицистического жанра, наконец, в возложении ответственности за грех ведовства на всю конгрегацию.

В результате протестантской революции элементы католической обрядности были квалифицированы как незаконные, однако не перестали быть актуальными, трансформируясь в атрибуты «темных искусств». Перечень запрещенной или ограниченной пресвитерианской церковью активности был поистине широк: танцы, пение, театр, свадебные и похоронные ритуалы, пиршества, невоздержанность в проявлении эмоций, пьянство и т.д. [1, S. 77]. Однако наиболее жестокой обструкции подверглось католическое исповедание; месса, монашество, паломничество, чудесные исцеления, визионерство были вытеснены в область демонических практик. По мере того как католические верования теряли свою доктринальную четкость, они превращались в ритуалы лечения, компоненты апотропической магии, подобно дохристианским верованиям в эпоху христианизации. Первоначальная семантика католического ритуала была утрачена, выжившие элементы культа наделялись новыми смыслами, идущими из народной среды, что неизбежно

¹ В описании шабаша ведьм в ночь на Хеллоуин автор «Новостей из Шотландии» патетически изображает короля Шотландии как защитника христиан: «Когда ведьмы спросили дьявола, почему он испытывает такую ненависть к королю, он ответил, что король – это величайший враг, с каким он когда-либо встречался» [8, р. 315].

отдаляло видоизмененную католическую обрядность от книжной культуры и придавало ей в глазах грамотных сословий варварский и богомерзкий вид. В 3 главе 2 книги «Демонологии» подчеркивается неизменное подобие ведовских практик церковному культу: «Как посланный Богом священник учит во время публичных собраний, как служить ему верой и правдой, так нечистый дух, в свою очередь, учит своих учеников во время их собраний, как творить все виды зла... Для того, чтобы он [дьявол] мог более четко подражать и высмеивать бога, он заставляет своих рабов собираться в местах, которые определены и предназначены для собрания слуг бога (я имею в виду церкви)» [5, р. 385]. Отметим, что пение и танцы на церковном дворе упомянуты в показаниях обвиняемых [2, р. 147]. Сосредоточившись на соблюдении моральной чистоты как основной форме благочестия, пресвитериане переместили почти всю предшествовавшую обрядность и мифологию в область аморального, противозаконного и демонического.

Итак, четвертая из интересующих нас тенденций политики по отношению к ведовству – это инверсия католической религиозности, изживание через перемещение в поле «темного и противозаконного» (используя терминологию Якова VI) искусства ведовства, придание противоположного значения, переворачивание смысла. Примечательно, что до Реформации Норт-Бервик был религиозным центром, в нем располагался женский цистерианский монастырь и порт, принимавший пилигримов. Как отмечают Норманд и Робертс, следы воспоминаний о женской общине цистерианского монастыря, а также о морских путешествиях паломников исказились до представлений о тайном сообществе ведьм и их морских путешествиях, сведения о которых многократно повторяются в досье Агнес Семпсон [2, р. 59].

Столь субъективное явление, как слухи и домыслы, могло привести к совершенно реальному преследованию по суду: потеря репутации богобоязненного христианина (центральной составляющей социального статуса) грозила самыми опасными юридическими последствиями [4, р. 293; 6, р. 103]. При этом женщины, учитывая их второстепенное положение в политической и экономической жизни общества, оказывались более уязвимы со стороны распространяемых сплетен. В качестве заключительной тенденции эволюции ведовства можно обозначить его феминизацию, существенное увеличение доли женщин среди обвиняемых. Так, в списке имен ведьм, которые якобы участвовали в заговоре и фигурировали в ходе до-

просов Агнес Семпсон, всего два мужчины и не менее десяти женщин. В записях, датированных 5 декабря 1590 г., есть сведения о шабаше, состоявшемся во дворе церкви Кейта. Согласно показаниям Семпсон, из сотни участников было всего шесть мужчин, остальные – женщины [2, р. 147].

Говоря о гендерном аспекте ведовства, нельзя не вспомнить об уязвимом сексуальном статусе женщины, с момента христианизации считавшейся сосудом и орудием дьявола. Не исключено, что обедневшие, пожилые, потерявшие мужей женщины подчас были вынуждены создавать себе репутацию ведьм, поскольку за некоторые магические услуги они могли получить от соседей помощь в виде продуктов питания, отрезков ткани и прочих материальных ценностей. Как правило, сфера деятельности таких лиц не выходила за рамки привороты, поиска потерянных вещей, элементарного целительства. Однако с изменением социокультурной конъюнктуры и ужесточением религиозной политики именно эти занятия получили статус уголовного преступления.

В заключение следует отметить, что рассмотрение судебных материалов по делу Агнес Семпсон дает возможность выявить направления эволюции репрезентации ведовства, а также особенности охоты на ведьм как компонента государственной политики конца XVI в. До начала 1590-х гг. ведовские практики имели амбивалентный характер, в рамках которого *maleficium* был лишь одним из ряда элементов. Вместе с тем сообщения о ведовстве были рассеяны и несистематичны, не встречалось упоминаний о больших собраниях ведьм. С 1590 г. ведовство стремительно идеологизируется – эта тенденция реализуется в рамках судов 1590–1591 гг. Кроме того, оно включается в число преступлений против нравственности, встает в один ряд с супружеской изменой, внебрачными связями, скотоложством, содомией и даже содержит все вышеперечисленное. Таким образом, число правонарушений, попадавших в категорию ведовства, существенно расширяется, включая в себя разнообразные преступления против христианской морали: все, что мешает построению благочестивого государства, получает антихристианский оттенок, подлежит не только общественному порицанию, но и законодательному преследованию [7].

Однообразность сюжетов, связанных с обрядностью и существом *maleficio*, рефреном повторяющихся в досье Агнес Семпсон и других обвиняемых, – свидетельство непонимания официальной культурой низовой; дистанции, разделявшей более или менее унифицированную культуру образованных людей от их неграмотных соотечественников,

подавляющего большинства населения Европы раннего Нового времени, носителей утраченной ныне традиции.

На примере судебных материалов по делу Агнес Семпсон мы можем исследовать дискурсивные практики власти, выявляя конкретные механизмы управления общественными процессами посредством введения новых понятийных конструкций, дефиниций и квалификаций. На долгий исторический период ведовство стало политически значимым явлением, преследования ведьм явились действенными инструментами власти, что повлекло за собой вспышки ослепляющей паники и человеческие жертвы.

Литература

1. Медик Х. Микроистория // THESIS. 1994. № 4. С. 193–202.
2. Normand L., Roberts G. *Witchcraft in Early Modern Scotland*. University of Exeter Press, 2000. 454 p.
3. Goodare J. (ed.) *The Scottish witch-hunt in context*. Manchester, 2002. 230 p.

4. Levack B. *The Witch-Hunt in Early Modern Europe*. Pearson Education, 2006. 344 p.

5. James V.I. *Demonology // Witchcraft in Early Modern Scotland*. University of Exeter Press, 2000.

6. Larner Ch. *Enemies of God*. Johns Hopkins University Press, 1981. 244 p.

7. Goodare J. *Women and the Witch-Hunt in Scotland // Social History*. 1998. № 3. P. 288 – 308.

References

1. Medik Kh. *Mikroistoriya [Microhistory]*. THESIS, 1994, no 4, pp. 193-202.
2. Normand L., Roberts G. *Witchcraft in Early Modern Scotland*. University of Exeter Press, 2000, 454 p.
3. Goodare J. (ed.) *The Scottish witch-hunt in context*. Manchester, 2002, 230 p.
4. Levack B. *The Witch-Hunt in Early Modern Europe*. Pearson Education, 2006, 344 p.
5. James V.I. *Demonology. Witchcraft in Early Modern Scotland*. University of Exeter Press, 2000.
6. Larner Ch. *Enemies of God*. Johns Hopkins University Press, 1981, 244 p.
7. Goodare J. *Women and the Witch-Hunt in Scotland. Social History*, 1998, no 3, pp. 288-308.

Поступила в редакцию

18 сентября 2015 г.

ЭКОНОМИКА И ПРАВО: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

УДК 343.01

ЛИШЕНИЕ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ВИД НАКАЗАНИЯ

© 2015 г. Б.Н. Воскресов

Воскресов Борис Николаевич – аспирант, кафедра уголовного права и криминологии, юридический факультет, Южный федеральный университет, ул. Горького, 88, г. Ростов-на-Дону, 344002. E-mail: borisvoskresov@yandex.ru

Voskresov Boris Nikolayevich – Graduate Student, Criminal Law and Criminology Department, Criminal Faculty, Southern Federal University, Gorkogo St., 88, Rostov-on-Don, 344002, Russia. E-mail: borisvoskresov@yandex.ru

Рассматриваются спорные вопросы назначения в качестве дополнительного наказания лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. На примерах судебной практики выявляются судебные ошибки и непоследовательная практика его применения. Высказываются соображения об унификации кумулятивных санкций статей Особенной части УК РФ. Анализируются сроки данного наказания и их соотношение со сроками судимости, давности.

Ключевые слова: *назначение наказания, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, кара, исправление.*

The article analyzes the disputable issues of an additional penalty: deprivation of the right to occupy certain positions or to be engaged in certain activities. In jurisprudence, the court identifies the mistakes and inconsistent practice of its application. The author expresses the ideas about the unification of cumulative sanctions of the Criminal Code special article. The terms of the punishment and their correlation with the terms criminal convictions are analyzed.

Keywords: *sentencing, the deprivation of the right to occupy certain positions or to be engaged in certain activities, punishment, correction.*

В качестве дополнительного вида наказания лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью предусмотрено в 221-й санкции статей (53,5 %), т.е. в более чем половине всех санкций Особенной части. При этом наблюдается явная тенденция расширения использования данного наказания. Ведь всего девять лет назад – в 2006 г. наказание в качестве дополнительного было предусмотрено лишь в 94 санкциях (16,5 %) [1, с. 11].

Особенность этого вида наказания заключается в том, что оно может назначаться в качестве дополнительного и в случаях, когда оно не предусмотрено соответствующей статьей УК РФ в качестве наказания за соответствующее преступление либо указано в санкциях в качестве одного из основных видов наказаний (например, наряду с лишением свободы в ч.1 ст. 286 УК РФ), если с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного

суд признает невозможным сохранение за ним права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

По данным судебного департамента России, в 2012 г. к исследуемому виду наказания в качестве дополнительного было приговорено 11 947 чел. (1,6 % от общего числа осужденных), в 2013 г. – 12 225 чел. (1,6 %), а в 2014 г. – 11 437 (1,59 %).

Стоит отметить, что в 111 случаях этот вид наказания предусмотрен в одной и той же санкции статьи Особенной части УК РФ в качестве дополнительного дважды, а иногда и трижды. В таких санкциях наказание может дополнительно назначаться не только к лишению свободы, но и к принудительным работам (ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ч. 2 ст. 119, ч. 2 ст. 133 УК РФ и др.) или аресту (ст. 155 УК РФ) – наказаниям, которые в настоящее время не применяются.

В единичных случаях исследуемый вид наказания присоединяется к исправительным (ст. 151.1

УК РФ) или обязательным работам (ч. 2 ст. 280.1), ограничению свободы (ч. 1 ст. 264) и даже к штрафу (ч. 2 ст. 183, ч. 1 ст. 201, ч. 1 ст. 204, ч. 1 ст. 290 УК РФ и др.).

Интерес представляют формулировки, которые использует законодатель в санкциях статей при указании на анализируемый вид наказания в качестве дополнительного:

– ...наказывается лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет *или без такового* (выделено нами. – *Б.В.*);

– ...наказывается лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Причем в 183 случаях (83 %) законодатель использует первую формулировку и лишь в 38 санкциях (17,1 %) – вторую. Таким образом, в первом случае законодатель, вводя данное наказание в качестве дополнительного, указывает суду на право его назначения или неназначения, используя формулировку «или без такового». В то же время во втором случае в санкциях ряда статей (ч. 4 ст. 122, ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135, ч. 2 ст. 205.2, ст. 264, ст. 280, ст. 282.2, коррупционные преступления и др.) такой оговорки нет и, следовательно, суды лишены собственного усмотрения и обязаны данное наказание назначать, присоединяя к основному.

Изучение судебной практики отражает непоследовательную позицию в данном вопросе. Суды не соблюдают требования мотивации любых вопросов, связанных с назначением наказания (п. 4 ст. 307 УПК РФ), а также рекомендации Пленума Верховного суда РФ от 29.04.1996 г. о том, что в описательно-мотивировочной части приговора должны быть указаны мотивы неприменения дополнительного наказания [2].

Судьи не только не назначают обязательное лишение прав, но и не используют для этого единственно возможное законное основание, предусмотренное ст. 64 УК РФ «Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление», позволяющее при наличии исключительных обстоятельств выходить за рамки указанного выше предписания. Такие решения суда должны быть предметом кассационных представлений государственного обвинителя.

Ведь на основании п. 39 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 11.01.2007 № 2 (ред. от 03.12.2013) «О практике назначения судами Рос-

сийской Федерации уголовного наказания», если закон, по которому квалифицировано совершенное преступление, предусматривает обязательное назначение дополнительного наказания (например, ч. 1 ст. 290 УК РФ), то его неприменение судом допускается лишь при наличии условий, предусмотренных ст. 64 УК РФ, и должно быть мотивировано в приговоре со ссылкой на указанную статью.

Причем даже по тем преступлениям, где данное наказание в качестве дополнительного должно назначаться в ста процентах случаев (ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств», ст. 290 УК РФ «Получение взятки»), данное наказание назначалось в 2013 и в 2014 гг. не всегда.

Так, из 14 466 осужденных в 2013 г. по ст. 264 УК РФ были лишены права управлять транспортным средством лишь 8644 виновных, а из 1570 должностных лиц, получивших взятки, лишь 901 были лишены судом права занимать соответствующие должности (57 %). В 2014 г. по ст. 264 УК РФ было осуждено 11 696 водителей (из них 3984 совершили преступление в состоянии опьянения), а лишены права управлять транспортным средством лишь 8617 человек (73,6 %), по ст. 290 было осуждено 1625 чиновников, из которых лишение права занимать определенные должности назначено 860 (52,9 %) раз.

Причем у «пьяных» водителей, по чьей вине погибли люди, чаще всего управление транспортным средством не являлось основным родом профессиональной деятельности, а взяточники имели ни одно образование и вполне могли реализоваться в другой области жизнедеятельности [3].

В то же время на основании п.12.1 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» при вынесении обвинительного приговора за нарушение лицом правил дорожного движения, повлекшее последствия, указанные в ч. 2, 4 или 6 ст. 264 УК РФ, назначение виновному дополнительного наказания в виде лишения права управлять транспортным средством (ч. 2 ст. 47 УК РФ) является обязательным.

Отметим, что нам не встречалось апелляционного производства по данному поводу, остается в «тени» обозначенная проблема и на теоретическо-доктринальном уровне.

Все кумулятивные санкции, в которых предусмотрено наряду с основным также и дополни-

тельное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, являются комбинированными (альтернативными, относительно определенными). В таких санкциях указаны сразу несколько видов основных наказаний с установлением его максимального и минимального пределов или только максимального предела.

Интерес вызывает конструкция санкций, в которых законодатель к одному из основных наказаний предусматривает присоединение сразу нескольких дополнительных наказаний одновременно или по одному.

Например, санкция ч. 4 ст. 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем» сконструирована таким образом, что предусматривает лишение свободы на срок до пяти лет:

1) со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет или без такового;

2) с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового;

3) с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

Таким образом, суд, назначив в качестве основного реального наказания лишение свободы на определенный срок, вправе присоединять к нему сразу несколько дополнительных: штраф, ограничение свободы и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Хотя в ходе изучения судебной практики подобных приговоров не встречалось. Суды, как правило, дополнительно к основному назначают лишь одно наказание.

Напомним, что в соответствии с п. 4 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 11.01.2007 № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» за одно и то же преступление осужденному не может быть назначено одновременно лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью [4].

Хотя вопрос о том, может ли суд в качестве основного наказания назначить лишение права занимать определенные должности, а в качестве дополнительного – лишение права заниматься определенной деятельностью (или наоборот), остается в уголовно-правовой науке и практике не разрешенным и даже до сих пор не поставленным.

Представляется, что на него следует дать положительный ответ.

Коллизией норм УК РФ является то, что анализируемое наказание предусмотрено за такие преступления, за которые суд не может его назначить [5, с. 44]. Речь идет о преступлениях, субъектами которых выступают лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих или иных организациях, в том числе и некоммерческих, не являющихся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением (ст. 199.2 УК РФ, ст. 201–204 УК РФ).

Такая невозможность связана с тем, что в ч.1 ст. 47 УК РФ, в которой раскрывается карательный смысл наказания, отмечается, что лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью состоит в запрещении занимать должности лишь *на государственной службе, в органах местного самоуправления* либо заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью.

Место же выполнения управленческих функций вышеуказанными субъектами иное, оно четко определено в примечании к ст. 201 УК РФ.

Несмотря на это, суды назначают данное наказание. Так, в 2014 г. в качестве основного наказания лишение прав было назначено 5, а в качестве дополнительного – 294 предпринимателям. По ст. 201 и ст. 204 УК РФ к данному наказанию было приговорено 267 специальных субъектов.

Наказание в виде лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного чаще всего встречается в санкциях уголовно-правовых норм раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» (встречается 111 раз). Лидером среди глав Особенной части УК РФ в этом показателе являются глава 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» (58 раз) и глава 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» (45 раз). Такое положение объясняется специальными функциями субъектов данных преступлений, совершающих преступления, воспользовавшись своими должностными полномочиями.

Характерной особенностью всех преступных деяний, за совершение которых предусмотрено данное наказание, является их категоризация. Большинство из них относятся к категории небольшой или средней тяжести. Таким образом,

если лицо совершает такое преступление впервые, оно на досудебной стадии или в суде может быть освобождено (а в некоторых случаях при прочих условиях освобождается безальтернативно, например, на основании ст. 76.1 УК РФ) от уголовной ответственности по не реабилитирующим основаниям в силу ст. 75 УК РФ «Деятельное раскаяние» или ст. 76 УК РФ «Примирение с потерпевшим». Также такая категоризация оказывает влияние на принятие решений о назначении несовершеннолетним принудительных мер воспитательного характера, которые (в частности – ограничение досуга) конкурирует по своей ограничительной сути с наказанием в виде лишения прав несовершеннолетнего заниматься определенной деятельностью.

В соответствии с ч. 2 ст. 47 УК РФ, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью устанавливается в качестве дополнительного вида наказания на срок от шести месяцев до трех лет.

Федеральным законом от 27.07.2009 № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» ч. 2 ст. 47 была дополнена следующим положением: «В случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ, наказание устанавливается на срок до двадцати лет» [6].

Увеличение сроков анализируемого наказания коснулось 16 санкций уголовно-правовых норм, охраняющих несовершеннолетних (ч. 2 и ч. 4 ст. 131, ч. 3, 4 ст. 132, ст. 134, ст. 13, ст. 156, п. «в» ч. 3 ст. 228.1, ч. 3 ст. 230, ч. 2 ст. 242.1 УК РФ).

В последующем указанные нормы неоднократно изменялись, дополнялись квалифицирующими признаками, происходила дифференциация наказания в виде лишения прав, но сроки его оставались продолжительными – от 10 до 20 лет.

Примечательно, что еще до вступления в силу последнего дополнения ст. 47 УК РФ, законодатель, понимая недостаточность трехлетнего срока данного дополнительного наказания, Федеральным законом от 22.12.2008 № 272-ФЗ увеличил его максимальный срок до пяти лет в ч. 2 ст. 137 – «Нарушение неприкосновенности частной жизни». Таким образом, некоторое время общее положение по максимальным срокам лишения прав, указанное в ч. 2 ст. 47 УК РФ (до трех лет), не совпадало со сроками, указанными в данной статье Особенной части (до пяти лет).

Вообще дальнейшие изменения уголовного закона, криминализация новых общественно опасных деяний отражают явную последовательную

тенденцию к увеличению сроков дополнительного наказания в виде лишения прав занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью [7].

Так, сегодня данное наказание сроком свыше трех лет установлено в 58 санкциях статей Особенной части УК РФ, или чуть более четвертой части всех 221-й санкции статей, в которых данное наказание предусмотрено в качестве дополнительного.

Проанализируем предусмотренные сроки наказания:

- до 4 лет (такая дифференциация началась после 2010 г.) лишение прав предусмотрено в 3 санкциях: ч. 2 ст. 185.6 УК РФ «Неправомерное использование инсайдерской информации»; ч. 1 ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»; ч. 1 ст. 280.1 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации»;

- до 5 лет наказание предусмотрено в 11 санкциях статей (ч. 2 ст. 137, ч. 3 ст. 145.1, ст. 156, ч. 3 ст. 171.2, ч. 4 ст. 174, ч. 4 ст. 174.1, ч. 2 ст. 205.2, ч. 2 ст. 238.1, ч. 3 ст. 258.1, ч. 2 ст. 282.1, ч. 2 ст. 282.2 УК РФ);

- до 6 лет – ч. 3 ст. 137 УК РФ;

- до 10 лет – в 11 санкциях (ч. 3 ст. 122, ч. 2 ст. 127.1, ч. 1 и 2 ст. 134, ч. 1 ст. 135, ч. 2 ст. 241.1, ч. 2 ст. 242, ч. 1 и 3 ст. 282.1, ч. 1 и 3 ст. 282.1 УК РФ);

- до 15 лет – в 10 санкциях (ч. 2 ст. 127.1, ч. 2 ст. 127.2, ч. 3 ст. 134, ч. 2 ст. 135, ч. 3 ст. 240, ч. 3 ст. 241, ч. 3 ст. 242, ч. 1 и 2 ст. 242.1, ч. 1 ст. 242.1 УК РФ);

- до 20 лет – в 16 санкциях (ч. 3–5 ст. 131 УК РФ, ч. 3–5 ст. 132, ч. 4–6 ст. 134, ч. 3–5 ст. 135, ч. 4 и 5 ст. 228.1, ч. 3 ст. 230, ч. 2 ст. 242.2 УК РФ).

Поддерживая данную тенденцию, стоит присоединиться к мнению Е.С. Крыловой, которая предлагает предусмотреть в законодательстве возможность бессрочного назначения права занимать должности на государственной службе и службе в органах местного самоуправления за совершение тяжких или особо тяжких преступлений с использованием должности [8, с. 8]. Хотя в данном случае возникает ряд неразрешенных вопросов, связанных со сроками судимости.

Некоторую непоследовательность в использовании дополнительного наказания в виде лишения прав можно проследить на примере ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно

унижение человеческого достоинства», ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества» и ст. 282.2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации».

Так, в ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ анализируемый вид наказания может быть назначен только в качестве основного сроком до 3 и 5 лет соответственно. В качестве дополнительного наказания к обязательным работам или лишению свободы лишение прав не предусмотрено.

В основных составах ст. 282.1 и ст. 282.2 УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность за создание и организацию подобных опасных преступных групп, анализируемый вид наказания предусмотрен в качестве дополнительного сроком до 10 лет. Аналогичный срок предусмотрен и в особо квалифицированных составах (ч. 3 – деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения).

В то же время в ч. 1.1 той и другой статьи, где предусмотрена ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества или организации, о таком наказании не упоминается, а в ч. 2 этих статей (участие в указанных группах) срок данного наказания снижен до 5 лет.

На вопрос анкеты: «За какие преступления срок дополнительного наказания в виде лишения прав занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью необходимо увеличить и до каких пределов?», 62 % судей и 78 % сотрудников уголовно-исполнительных инспекций ФСИН отметили следующие должностные преступления (гл. 30 УК РФ):

1. Злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ).
2. Превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ).
3. Получение взятки (ст. 290 УК РФ).
4. Посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ).

Была отмечена целесообразность включения данного наказания в ч. 1 ст. 285 УК РФ и в ч. 1 ст. 286 УК РФ в качестве обязательного дополнительного наказания лишение прав в такому основному наказанию, как лишение свободы во всех частях ст. 290 и ст. 290.1 УК РФ).

Так же было указано на необходимость увеличения сроков лишения прав и включения данного наказания в следующие статьи гл. 31 УК РФ «Преступления против правосудия»:

1. Незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей (ст. 301 УК РФ).

2. Принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ).

3. Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности (ст. 303 УК РФ).

4. Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод (ст. 307 УК РФ).

Отмечено в качестве недостатка отсутствие данного наказания в ч. 2 ст. 301 УК РФ «Заведомо незаконные заключение под стражу или содержание под стражей», ч. 3 ст. 301 УК РФ «Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие тяжкие последствия», ст. 302, ч. 4 ст. 303, ст. 307 УК РФ.

Относительно предлагаемых сроков респонденты не были конкретны. Более половины из тех, кто отметил данные предложения, указали на 10-летний срок (53 %), 28 % в качестве максимального назвали 20-летний срок. 14 % опрошенных не были столь категоричны и остановились на 5 годах. В то же время оставшиеся 5 % отметили необходимость бессрочного лишения таких субъектов права занимать соответствующие должности.

Примечательно, что 22 % опрошенных не указали конкретные составы преступлений, но в целом поддержали идею об увеличении сроков данного наказания до 10 лет.

Итак, в 183 санкциях данное наказание ограничено тремя годами, а в 7 санкциях законодатель снизил даже этот непродолжительный максимум.

Так, в пяти статьях (ч. 4 ст. 148, ч. 3 ст. 185.2, ч. 1 ст. 185.4, ч. 1 ст. 203 и ч. 1 ст. 204 УК РФ) лишение прав установлено сроком до 2 лет.

В двух санкциях это наказание и вовсе установлено до 1 года (ч. 1 ст. 143 УК РФ «Нарушение требований охраны труда» и ч. 1 ст. 178 УК РФ «Ограничение конкуренции»).

Только в 4 санкциях законодатель установил помимо максимального срока лишения прав (до...лет), также и минимальный срок (от...). Это касается следующих преступлений:

1. Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества (ч. 1 ст. 185.5 УК РФ) – от 6 месяцев до 3 лет (только к штрафу).

2. Заведомо ложное заключение экспертизы промышленной безопасности (ч. 3 ст. 217.2 УК РФ) – от 1 года до 3 лет или без такового.

3. Внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений (ч. 2 ст. 285.3 УК РФ) – от 6 месяцев до 3 лет

4. Дача взятки (ч. 2 ст. 291 УК РФ) – от 1 года до 3 лет или без такового (к исправительным работам).

Ограничение минимального срока в ч. 3 ст. 217.2 и ч. 2 ст. 291 УК РФ можно объяснить повышенной опасностью и тяжкими последствиями данных преступлений. Установление же минимального срока, равного 6 месяцам, никаким объяснениям не поддается, так как данный минимальный срок уже установлен в ч. 2 ст. 47 УК РФ для данного наказания. Таким образом, нарушается древний принцип лаконичности закона [9, с. 127].

Нами также выявлена некоторая непоследовательность установления сроков данного наказания в основных и квалифицированных составах преступлений, предусмотренных ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» и ст. 280.1 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации». Так, в основных составах данных преступлений (преступления средней тяжести) наказание в виде лишения прав занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью установлено до 4 лет. В то же время в квалифицированных составах (тяжкие преступления) с таким отягчающим обстоятельством, как «те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет”», срок наказания ограничен 3 годами.

Литература

1. Малков В.П. Назначение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Военно-юридический журнал. 2006. № 10.
2. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 29.04.1996 № 1 (ред. от 16.04.2013) «О судебном приговоре». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10453/ (дата обращения: 13.05.2015).
3. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1775> (дата обращения: 12.09.2015).
4. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.09.2015).
5. Анганзорев О.В. Наказание по ч. 1 ст. 47 УК необходимо распространить на лиц, выполняющих

управленческие функции в коммерческих организациях // Законность. 2011. № 11.

6. Российская газета. 2009. Июль.
7. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.09.2015).
8. Крылова Е.С. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как вид уголовного наказания по законодательству России и зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 2002.
9. Изречения древних / сост. О.И. Ханкевич. Минск, 2003.

References

1. Malkov V.P. Naznachenie nakazaniya v vide lisheniya prava zanimat' opredelennye dolzhnosti ili zanimat'sya opredelennoi deyatelnost'yu [Sentencing in the Form of Deprivation of the Right to Occupy Certain Positions or to be Engaged in Certain Activities]. *Voenno-yuridicheskii zhurnal*, 2006, no 10.
2. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 29.04.1996 № 1 (red. ot 16.04.2013) "O sudebnom prigovore"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of 29.04.1996 № 1 (Ed. By 04.16.2013) "On the Court Verdict"]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10453/ (accessed 13.05.2015).
3. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1775> (accessed 12.09.2015).
4. Available at: <https://www.consultant.ru> (accessed 07.09.2015).
5. Anganzorov O.V. Nakazanie po ch. 1 st. 47 UK neobkhodimo rasprostranit' na lits, vypolnyayushchikh upravlencheskie funktsii v kommercheskikh organizatsiyakh [The Penalty on art. 47 of the Criminal Code Should be Extended to Persons who Perform Administrative Functions in Commercial Organizations]. *Zakonnost'*, 2011, no 11.
6. *Rossiiskaya gazeta*, 2009, July.
7. *Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii*. Available at: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 09.09.2015).
8. Krylova E.S. *Lishenie prava zanimat' opredelennye dolzhnosti ili zanimat'sya opredelennoi deyatelnost'yu kak vid ugovolnogo nakazaniya po zakonodatel'stvu Rossii i zarubezhnykh stran: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk* [Deprivation of the Right to Occupy Certain Positions or to be Engaged in Certain Activities as a Form of Criminal Punishment under the Legislation of Russia and Foreign Countries]. Saratov, 2002.
9. *Izrecheniya drevnikh* [The Sayings of Ancient] Col. by O.I. Khankevich. Minsk, 2003.

УДК 339.142.055 +338.23:339.54

DOI 10.18522/0321-3056-2015-4-108-113

КРИЗИС РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ: ПРОЕКЦИЯ ДЛЯ ТРЕХ УРОВНЕЙ УПРАВЛЕНИЯ

© 2015 г. Н.Н. Евченко, В.В. Филонич

Евченко Наталья Николаевна –
доктор экономических наук, профессор,
старший научный сотрудник, кафедра мировой
экономики и международных отношений,
экономический факультет,
Южный федеральный университет,
ул. Горького, 88, г. Ростов-на-Дону, 344002.
E-mail: natayevch@aanet.ru

Evchenko Natalya Nikolayevna –
Doctor of Economical Sciences, Professor,
Senior Researcher, Department of World Economy
and International Relations,
Faculty of Economics,
Southern Federal University,
Gorkogo St., 88, Rostov-on-Don, 344002, Russia.
E-mail: natayevch@aanet.ru

Филонич Валентин Васильевич –
доктор экономических наук, профессор,
Ростовский государственный экономический
университет (РИНХ),
ул. Б. Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону, 344007.
E-mail: Kafedra332@mail.ru

Filonich Valentin Vasil'evich –
Doctor of Economical Sciences, Professor,
Rostov State Economic
University (RINH),
B. Sadovaya St., 69, Rostov-on-Don, 344007, Russia.
E-mail: Kafedra332@mail.ru

Анализируются динамика и структура российско-украинского внешнеторгового товарооборота для странового, мета-регионального и регионального уровней управления в 2010–2015 гг. В кризисных условиях приграничные внешне-торговые связи представляются более устойчивыми на приграничном уровне, чем на государственном и мета-региональном; структура взаимного внешнеторгового товарооборота переориентируется на жизненно важные (для проблемной экономики) товары и услуги, экспорт же более сильной экономической системы унифицируется по страновому образу.

Ключевые слова: внешняя торговля, экспорт, импорт, Россия, Украина, Юг России, Ростовская область, динамика экспорта, приграничье, кризис.

The article analyzes the dynamics and structure of Russian-Ukrainian foreign trade of country, meta-regional and regional levels of government in 2010-2015. It is concluded that in the crisis period the border foreign trade ties seem to be more resistant on cross-border level than at the state and meta-regional levels; mutual foreign trade turnover structure has re-oriented to the vital (for the problematic economy) goods and services exports, as a stronger unified economic system modeled on country.

Keywords: foreign trade, export, import, Russia, Ukraine, South Russia, Rostov region, export dynamic, border areas, crisis.

Кризис российско-украинских политических и экономических отношений кардинально изменил вектор более чем 20-летней истории партнерских отношений России и Украины, регионов Юга России и приграничного региона – Ростовской области. Влияние геополитического конфликта 2014–2015 гг., разрушительного для экономик и сотрудничества обоих государств, будет в течение значительного временного периода определять возможность восстановления тенденций, генерировавших общие цели, проекты, позволявшие решать проблемы разделения начала 90-х гг.

Каким образом сложившийся геополитический вектор определяет динамику взаимной внешней торговли, от которой зависит экономическое благополучие населения и рабочие места не только для сопредельного государства, но и для бизнеса российских приграничных регионов, включенных

во внешнюю торговлю? Как экономические условия влияют на объем внешней торговли? Как восточно-украинский конфликт изменил внешнеторговую роль Ростовской области, оказавшейся в непосредственной близости к центру противостояния? Ответы на эти вопросы важны для будущего российско-украинских отношений, населения, бизнеса и органов управления.

В 1992–2013 гг. субъекты Юга России, Южного федерального округа, в первую очередь Ростовская область создали значительный потенциал отношений, основанный на договорных и проектных связях, соглашениях, меморандумах и контрактах. Образование 29 октября 2010 г. еврорегиона «Донбасс» обогатило информационную, статистическую, внешнеторговую деятельность. Муниципалитеты приграничных регионов подписали семь межмуниципальных соглашений и договоров о

сотрудничестве, были намечены планы взаимного интегрирования приграничных экономик, в 2012 г. разработана и утверждена Стратегия развития евrorегииона «Донбасс» до 2020 г. [1].

Выстраивание межсубъектных договорных отношений приграничных регионов России и Украины началось в конце 90-х гг., данный процесс отражал значимость для бизнеса торговых связей с регионами соседнего государства. Ростовская область подписала ряд Соглашений о сотрудничестве с Донецкой (16.06.1998 г.), Луганской (25.03.1999 г.), Запорожской (18.07.2000 г.) областями. Открытие Генерального консульства Украины в г. Ростове-на-Дону в 2003 г. во многом содействовало укреплению роли области как центра российско-украинского сотрудничества Юга России. В 2010–2011 гг. Ростовской областью были подписаны Протокол о сотрудничестве с Харьковской областью (21.04.2010 г.) и Соглашение с Киевской областью (05.07.2011 г.) [2]. Перечисленные документы сохраняют юридическую актуальность, однако их практическое исполнение, согласно положениям ст. 6, 9 Федерального закона № 164-ФЗ от 08.12.2003 г. «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», будет определяться межгосударственным уровнем отношений.

Региональные внешнеэкономические отношения Ростовской области и Юга России с Украиной определяются политическими приоритетами как доминантами. Объем и динамика межгосударственной внешней торговли характеризует генеральный тренд, однако и региональная специфика отражает значимость государств – внешнеторговых партнеров, поскольку использование приграничного положения характеризуется цепочками поставок товаров, экспортными и импортными потоками, специализацией их обслуживания. Тем самым негативная динамика взаимной внешней торговли отражается на показателях развития регионов, однако для различных по масштабам экономических систем влияние странового фактора управления представляется специфическим.

Внешняя торговля России – Украины: вектор и скорость спада объемов

История независимого развития соседних государств включала несколько этапов, однако кооперационные, инвестиционные связи и бизнес-отношения в течение последнего десятилетия совершенствовались, увеличивался объем взаимного товарооборота, расширялось межрегиональное сотрудничество, Украина оставалась приоритетным партнером для России (табл. 1).

Таблица 1

Место Украины во внешней торговле России, 2010–2014 гг.*

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014
С государствами мира					
Экспорт	4	4	5	6	9
Импорт	3	3	3	3	7
ВТО	5	4	5	5	9
Со странами СНГ					
Экспорт	1	1	1	1	2
Импорт	1	1	1	1	2
ВТО	1	1	1	1	2

* Рассчитано по данным таможенной статистики ФТС и ЮТУ за 2010–2014 гг.

Однако с 2011 г. для российского бизнеса значимость Украины как партнера *среди государств мира* постепенно, но неуклонно снижается, причем равномерно и в экспорте, и в импорте: в 2010–2014 гг. ее доля в экспорте снизилась за период на 2,4 пп., в импорте – на 2,3 пп., внешнеторговый товарооборот упал на 2,3 пп. (рис. 1).

В торговле России *со странами СНГ* Украина традиционно занимала лидирующие позиции, первое место и в экспорте, и в импорте, и в товарообороте. Однако в 2014 г. Республика Бела-

русь обошла Украину и стала лидером национальной внешней торговли среди стран СНГ (рис. 2).

Отметим, что население Беларуси немногим более 10 млн чел., а Украины – более 40 млн, тем самым интенсивность внешних связей на душу населения с Украиной вчетверо меньше российско-белорусских, которые в настоящее время ведутся в рамках ЕАЭС.

Внешняя торговля для Украины является жизнеобеспечивающей – источником поступления

валютной выручки при крайне напряженном состоянии государственного бюджета (табл. 2).

Российско-украинские внешнеторговые отношения достигли максимума в 2011 г. с товарооборотом в \$ 48,6 млрд, причем положительное сальдо для России составляло \$ 9,5 млрд. К 2014 г. поло-

жительное сальдо сократилось до \$ 2,9 млрд. Тем не менее экономика Украины остается тесно связанной с российским рынком – в 2014 г. доля России в экспорте Украины составила 18,2 %, в импорте – 23,3 %. Россия занимает первое место среди внешнеторговых партнеров и по экспорту, и по импорту.

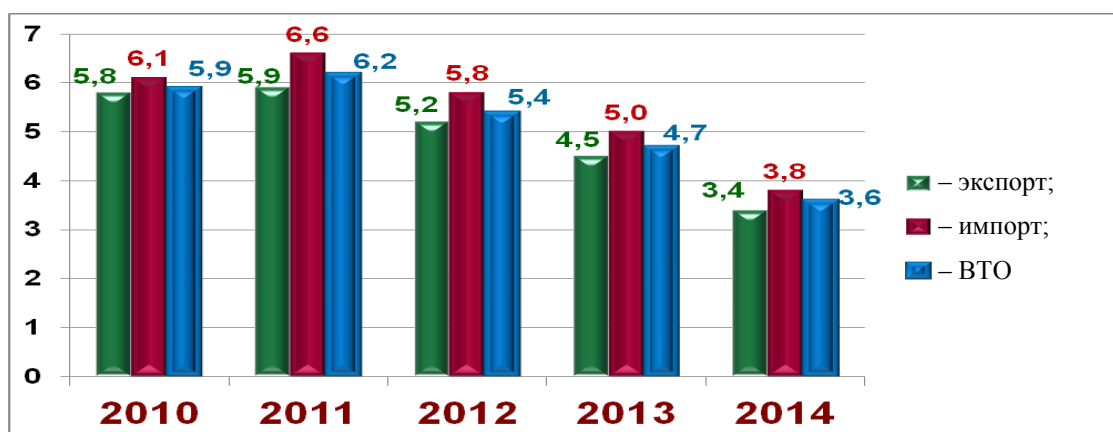

Рис. 1. Доля Украины во внешней торговле России с государствами мира, %

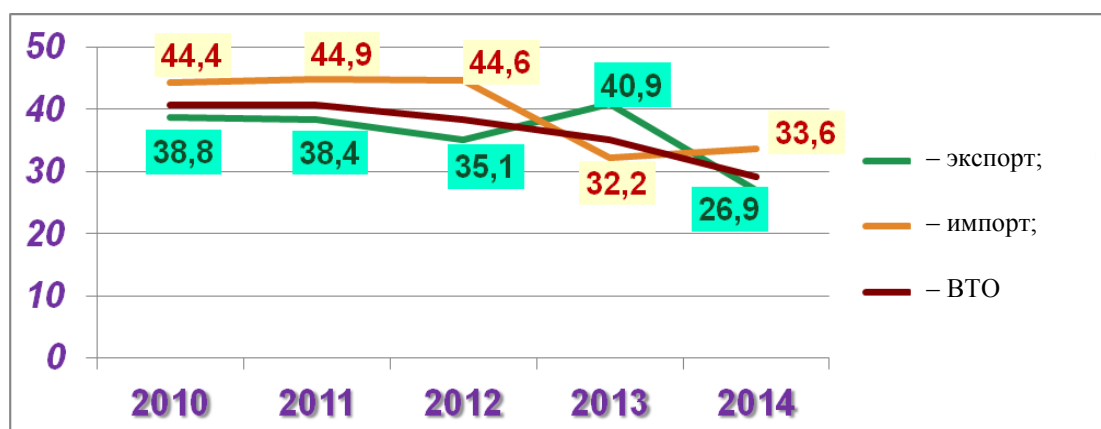

Рис. 2. Доля Украины во внешней торговле России с государствами СНГ, %

Таблица 2

**Объем и динамика внешней торговли Украины с Российской Федерацией
в 2010–2014 гг., \$ млн [3, с. 23, 26, 29, 32]**

	2010	2011	2012	2013	2014
Экспорт	13 242,0	19 588,5	17 326,6	14 786,7	9 798,2
Темпы роста (снижения) экспорта	100,0	147,93	88,45	85,34	66,26
Импорт	22 133,3	29 045,7	27 340,5	23 097,6	12 700,0
Темпы роста (снижения) импорта	100,0	131,23	94,13	84,48	54,98

Несмотря на разрушительный геополитический конфликт, взаимные решения по ухудшению условий внешней торговли, бизнес обеих стран сохраняет внешнеторговые отношения, которые заметно сократились в объемах в 1 полугодии 2015 г. В январе – июне 2015 г. в сравнении с аналогичным периодом 2014 г. экспорт российских товаров на Украину составил лишь 38,4 %, импорт – 44,0 %, внешнеторговый оборот – 40,2 %, а доля Украины в российском

ВТО снизилась до рекордного уровня за весь постсоветский период отношений – 2,8 % (табл. 3).

Таким образом, анализ межгосударственной внешней торговли России и Украины характеризуется снижением взаимного товарооборота, начавшимся еще в 2012 г., т.е. задолго до политического конфликта. Каждый последующий год ненамного, но ухудшал объем поставок, а 2015 г. снизил их до критического уровня.

Таблица 3

Динамика внешнеторговых отношений России и Украины за январь – июнь 2012–2015 гг. [4]

Год	Внешнеторговый оборот, млн дол.	Экспорт, млн дол.	Импорт, млн дол.	Доля Украины во внешнеторговом обороте России, %
2012	22 105,0	13 124,2	8980,8	5,4
2013	17 881,9	9980,2	7901,8	4,4
2014	18 496,4	12 394,6	6101,7	4,6
2015	7441,1	4755,7	2685,5	2,8

Важно отметить, что экономика Украины находится в системном кризисе, о чем свидетельствуют показания официальной статистики и экспертные мнения. По данным Укрстата, в сентябре 2015 г. по отношению к сентябрю 2014 г. индексы составили: промышленной продукции – 94,9; объема сельскохозяйственного производства – 95,8; экспорта товаров – 73,0; импорта товаров – 76,7; среднемесячной заработной платы одного работника (реальной) – 81,4; цен производителей промышленной продукции – 132,5; потребительских цен – 151,9 [5].

Следовательно, покупательная способность населения Украины в условиях почти двойного превышения уровня потребительской инфляции над реальными доходами существенно снижена, что объективно отодвигает возможности сохранения объемов импорта товаров для не жизненно важных групп.

Эксперты отмечают, что, согласно опросам, основными факторами, препятствующими успешному ведению бизнеса, украинские предприниматели считают: а) политическую нестабильность в стране; б) нестабильность валютного курса; в) дороговизну энергетических ресурсов [6]. Все перечисленные условия, к сожалению, не могут быть изменены в короткие сроки. Однако элита и профессионалы в состоянии приступить к их решению.

Для ЮФО внешние связи с предприятиями Украины неравномерны, кризисы сказываются на объемах и темпах развития внешней торговли. В 2000–2014 гг. наиболее успешно внешняя торговля сложилась в 2008 г. – с максимальным товарооборотом в \$ 4,8 млрд. Кризис 2009 г. оказал существенное негативное влияние: экспорт на украинский рынок снизился на 2/3, а импорт – почти в полнину (табл. 4).

Таблица 4

Динамика (темпы роста) внешнеторговых связей субъектов ЮФО с Украиной в 2000–2014 гг., %

Год	Экспорт	Импорт	Внешнеторговый оборот
2000	100,0	100,0	100,0
2006	485,7	673,5	608,3
2007	165,4	165,4	165,4
2008	128,0	112,4	116,7
2009	35,4	54,8	48,9
2010	128,7	146,4	142,5
2011	188,3	129,4	141,1
2012	115,8	77,5	87,6
2013	132,3	82,1	99,6
2014	70,7	67,9	69,2
Темп роста 2014/2000, раз	9,5	5,6	7,0

Объемы внешней торговли 2008 г. не были достигнуты, а в 2012 г. (задолго до обострения ситуации на Востоке Украины) импорт в субъекты ЮФО начал снижаться, в 2014 г. на 30 % упал экспорт и более чем на 32 % – импорт. Товарная структура южнороссийских поставок на Украину включает доминирующие товары первого уровня требования – энергоносители, доля которых с 2011 г. выросла на 40 % по объему поставок, а в структуре – с 58,3 % до 75,0 % в 2014 г. [7].

В январе – июне 2015 г. Украина сохраняет 3-е место в числе приоритетных партнеров субъектов ЮФО по экспорту (после Италии и Турции) и импорту (после Турции и Китая).

Перспективы восстановления приграничного внешнеэкономического сотрудничества определяются политическими решениями, выполнением Минских Соглашений, что предопределяет и функционирование созданных на границах государств Еврорегионов – Днепр, Ярославна, Слобожанщина и Донбасс. Однако пока по инициативе украинской стороны отменяются нормативные акты, облегчавшие в приграничье экономические отношения и перемещение граждан, что объективно снижает интенсивность приграничного общения и товарообмена.

Внешнеторговые поставки между Ростовской областью и Украиной

Общая граница традиционно стимулировала развитие внешнеэкономических, служебных, образовательных и научных проектов, расширяла базис личностного и профессионального общения. На долю Украины в целом приходилось около трети внешнеэкономического оборота Ростовской области в 2005–2012 гг. Доля Украины во внешнеэкономическом обороте области на протяжении длительного периода оставалась стабильной, составляя около 25–30 %: в 2005 г. – 30,0 %; в 2009 г. – около 20 %; в 2011 г. – 30,6 %, в 2013 г. – 20,3 %, 2014 г. – 17,8 %. Но в январе – июне 2015 г. она снизилась вдвое – до 13,0 % (табл. 5).

Следует отметить, что в 2014–2015 гг. Ростовская область сохраняет объемы поставок товаров на украинский рынок, тогда как импортные поставки упали в 4 раза (табл. 6). Подобное положение – следствие конфликта на Востоке Украины, что фактически ведет к утрате Ростовской областью роли транзитного внешнеэкономического региона, через который украинские товары поступают в Россию.

Таблица 5

Внешнеторговые поставки (экспорт и импорт) между Ростовской областью и Украиной в 2010–2014 гг., \$ тыс. [8]

Год	Экспортные поставки из Ростовской области на Украину	Экспортные поставки из Украины в Ростовскую область	Доля Украины в совокупных экспортно-импортных операциях Ростовской области, %
2010	191 421,9	1 851 973,7	29,3
2011	486 348,2	2 679 607,2	30,6
2012	278 814,0	1 837 459,1	20,6
2013	464 564,6	1 534 777,4	20,3
2014	296 657,7	1 086 318,7	17,8

Таблица 6

Внешнеторговые поставки (экспорт и импорт) между Ростовской областью и Украиной в 2013–2015 г. (январь – июнь), \$ тыс. [8]

Год	Экспорт	Импорт	Отношение «импорт/экспорт», %
2013	136 230,9	816 088,7	599,0
2014	227 288,9	664 972,6	292,6
2015	138 306,1	222 842,9	161,1
Темпы роста 2015/2013, %	101,5	27,3	26,9

Для метарегионального и регионального уровней управления (Юг России и Ростовская область) конфликт на Юго-Востоке Украины оказался значимым в части снижения объема внешнеторгового оборота и сопутствующих негативных тенденциях в отраслях и сферах регионального внешнеэкономического комплекса. Снижение товаропотока отрицательно сказалось на российских транспортных организациях, таможенных представителях, ТПП, деятельности таможенно-логистических терминалов на границе с Донецкой и Луганской областями.

Сравнение динамики объемов внешнеторговых поставок на уровне межгосударственном, федерального округа (ЮФО) и региональном (Ростовская область) показывает, что приграничные внешнеторговые связи (экспорт) в кризисных условиях представляются более устойчивыми на приграничном уровне, чем на государственном и метарегиональном.

Структура взаимного внешнеторгового товарооборота в кризисные периоды развития ориентируется на жизненно важные (для более проблемной экономической системы) товары и услуги.

Для приграничных метарегионов и субъектов РФ структура внешнеторговых товарных экспортных позиций поставок на Украину унифицируется и максимально приближается к страновому образцу.

Литература

1. Еврорегион «Донбасс». URL: <http://euroregion-donbass.ru/> (дата обращения: 11.09.2015).
2. Международные соглашения Ростовской области по состоянию на октябрь 2015 г. URL: <http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=99538> (дата обращения: 20.10.2015).
3. Рассчитано по: Зовнішня торгівля України. Статистичний збірник. Державна служба статистики України. Київ, 2015. 102 с.
4. Рассчитано по: Таможенная статистика внешней торговли России в январе – июне 2012–2015 гг. URL: <http://customs.ru> (дата обращения: 11.09.2015).
5. Основные показатели социально-экономического развития Украины за январь – сентябрь 2015 г. URL: <http://www.ukrstat.gov.ua/> (дата обращения: 15.10.2015).

6. Охрименко А. Что мешает бизнесу в Украине нормально работать? 22 октября 2015 г. Сайт Министерства финансов Украины. URL: <http://minfin.com.ua/users/okhrimenko> (дата обращения: 25.10.2015).

7. Составлено и рассчитано по: Бюллетень «Таможенная статистика внешней торговли» Ростовской области. URL: <http://yutu.customs.ru/ru/statistics> (дата обращения: 11.09.2015).

8. Рассчитано по данным таможенной статистики ЮФУ ФТС РФ. URL: <http://www.yutu.customs.ru> (дата обращения: 11.09.2015).

References

1. *Euroregion "Donbass"* [Euro region "Donbass"]. Available at: <http://euroregion-donbass.ru/> (accessed 11.09.2015).
2. *Mezhdunarodnye soglasheniya Rostovskoi oblasti po sostoyaniyu na oktyabr' 2015 g* [International Agreements of the Rostov Region as they were in October 2015]. Available at: <http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=99538> (accessed 20.10.2015).
3. Рассчитано по: *Zovnishnya torgivlya Ukraini* [Calculated on: Foreign Trade of Ukraine]. Statistichnii zbirnik. Derzhavna sluzhba statistiki Ukraini. Kiev, 2015, 102 p.
4. Рассчитано по: *Tamozhennaya statistika vneshnei torgovli Rossii v yanvare – iyune 2012–2015 gg* [Calculated According to Customs Statistics of Foreign Trade of Russia in January - June, 2012-2015]. Available at: <http://customs.ru> (accessed 11.09.2015).
5. *Osnovnye pokazateli sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Ukrainy za yanvar' – sentyabr' 2015 g.* [Basic Indicators of Social and Economic Development of Ukraine for January - September 2015]. Available at: <http://www.ukrstat.gov.ua/> (accessed 15.10.2015).
6. Okhrimenko A. *Chto meshaet biznesu v Ukraine normal'no rabotat'?* 22 oktyabrya 2015 g. [What Prevents the Ukrainian Business to Work Properly?]. Available at: <http://minfin.com.ua/users/okhrimenko> (accessed 25.10.2015).
7. Sostavleno i rasschitano po: *Byulleten' "Tamozhennaya statistika vneshnei torgovli" Rostovskoi oblasti* [Compiled and Calculated by: Bulletin "Customs Statistics of Foreign Trade" in the Rostov Region]. Available at: <http://yutu.customs.ru/ru/statistics> (accessed 11.09.2015).
8. Рассчитано по данным таможенной статистики ЮФУ ФТС РФ [Calculated According to Customs Statistics SFU FCS]. Available at: <http://www.yutu.customs.ru> (accessed 11.09.2015).

УДК 65.0, 332

DOI 10.18522/0321-3056-2015-4-114-118

СЕТЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

© 2015 г. С.А. Чернов, А.О. Дайкер

Чернов Сергей Александрович –
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра экономики и регионального менеджмента,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
ул. Пушкинская, 160, г. Ростов-на-Дону, 344006.
E-mail: sachernov@sfnedu.ru

Chernov Sergey Alexandrovich –
Candidate of Economical Sciences, Associate Professor,
Department of Economy and Regional Management,
Institute of Sociology and Regional Studies
of the Southern Federal University,
Pushkinskaya St., 160, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: sachernov@sfnedu.ru

Дайкер Анна Оттовна –
преподаватель,
кафедра экономики и регионального менеджмента,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
ул. Пушкинская, 160, г. Ростов-на-Дону, 344006.
E-mail: daiker@sfnedu.ru

Daiker Anna Ottovna –
Lecturer,
Department of Economy and Regional Management,
Institute of Sociology and Regional Studies
of the Southern Federal University,
Pushkinskaya St., 160, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: daiker@sfnedu.ru

Рассматриваются сетевая и бюрократическая организации, по сути они являются альтернативами. Сетевая организация основана на горизонтальных отношениях, бюрократическая – вертикальных. Сетевая организация формирует разнообразные контуры отношений на основе выстраивания компанией «прямых – обратных» связей. Развитие сетевых отношений предполагает усиление обратных связей, расширение зоны ответственности и спектра мотивационных действий. Отношения связности концентрируются в точках актуального действия, узлах, которые вытягивают сеть. С этим связаны основные тенденции развития сетевых организаций.

Ключевые слова: сетевая и бюрократическая организации, горизонтальные отношения, прямая и обратная связь, точка актуального роста.

Network and bureaucratic organization are alternative. Network organization is founded on horizontal partner's relations, bureaucratic - on vertical, subordinating. The Network organization forms the varied sidebars of the relations on base of the straightening "direct - inverse" relationships. The development of network relations involves reinforcement of the feedbacks, expansion of the zones to responsibility and motivation actions spectrum. Coherence relations are concentrated in the point of the actual action, nodes, which extend the network.

Keywords: network and bureaucratic organization, horizontal partner's relations, "direct - inverse" relationships, feedbacks, point of the actual action.

В современной экономике стратегическим процессом является развитие горизонтальных отношений и формирование гибких организационных структур. Последнее осуществляется на основе самоорганизации локальных процессов, повышении степени свободы инновационных проектных групп. Альтернативный процесс – бюрократизация организации, использующая преимущества повышения масштаба производства, – предполагает выстраивание усложняющихся иерархических систем с доминирующими вертикальными отношениями. Конкурентные преимущества нового поколения, новые технологические уклады формируются в сетевых организациях микро- и мезоуровня. Макроэкономика приобретает новые сетевые свойства. Процессы глобализации также перестраиваются. Но это не исключает необходимости раз-

вития бюрократических структур в тех секторах экономики, в которых сетевые отношения являются вторичными.

Сетевая организация заменяет вертикальные отношения подчинения горизонтальными отношениями сотрудничества, свободного партнерства; цепочку властных управленческих решений – сетью заказов, регулируемой рыночными методами и системой контрактов.

Сетевая организация имеет разные масштабы (микроэкономический, мезоэкономический, макроэкономический, глобальный). В настоящее время особое значение уделяется такой мезосетевой системе, в которой создаются конкурентные преимущества микро- и макроуровней, как кластер.

Бюрократическая система стремится к максимальной унификации объектов управления, рас-

смачивает разнообразие как проблему. Сетевая организация использует унификацию не как доминанту, делая ставку на разнообразие отношений, подходов решения стратегических проблем.

Иерархия одержима показателями. В соответствии с законом Гудхарта, когда показатель гиперболизируется, он утрачивает доверие. Показатель как самоцель создает искусственную среду компании, способствует припискам и фальсификациям. Процесс измерения показателей может разрушить новый стратегический процесс, который на первых этапах может ухудшить основные параметры эффективности. «Чем более точным является измерение и чем короче для него временной отрезок, тем больше нарушений вносится в систему и более неопределенным становится результат» [1].

Диктат топуровня и бесконтрольность его отдельных звеньев порождают теневые эффекты, в частности коррупцию. Особенно высоким уровнем коррупции обладают бюрократические системы сырьевой экономики. Коррупционированность перераспределяет денежные потоки из сферы предпринимательства в сферу бюрократической номенклатуры и криминала, повышая уровень бедности. Люмпенизация населения сужает возможности формирования институциональной организации, что в свою очередь способствует коррупционированности. Борьба с коррупцией – важный шаг в формировании институтов, построенных на горизонтальных связях, предполагает ротацию элит, которые попав в петлю взаимного усиления теневых процессов, препятствуют развитию горизонтальных связей, самоорганизации, дающих новые альтернативные силы. Происходит административная и криминальная зачистка данных процессов и их лидеров.

Сетевая организация как альтернатива бюрократической открывает и преумножает потенциал действия горизонтальных сил с их неформальными отношениями.

Организация является эффективной, если пирамида формальных коммуникаций дополняется сетью неформальных. Последние позволяют создать локальные информационные пространства и области трансфера опыта и видение перспективы. Организация наполняется множеством гипотез развития, что делает ее более адаптивной. Излишняя централизация деформирует неформальные коммуникации, сжимает их. В результате потоки централизованной информации не в состоянии превратиться в ручьи, доходящие до сотрудников. Компания наполняется слухами, мифами, порождающими хаос.

Закономерно, что бюрократическая система склонна к гигантомании, которая на определенном этапе приобретает искусственный характер и формирует искусственную среду. Разрушая самоорганизацию, она создает преграды становления лидеров трансформации, консервирует время, культивируя ретроспективную модель поведения. Ретроспективный паттерн проникает в планирование, клонируя искусственные схемы деятельности.

Возможны две модели бюрократизации социально-экономических процессов. Первая связана с формированием индустриальных бюрократических структур, движимых технотектурой. Она базируется на эффекте масштаба, действующем в конкурентной среде, способна сохранять рыночный генетический код в условиях дивизионализации и развития международного рынка. Вторая в качестве основы имеет естественные монополии в натуральном хозяйстве. Обе модели не сопоставимы с властью технотектуры и борются с ней. В результате формируются распределительные структуры, ведомые «карликами», создающими карательную машину, нацеленную на борьбу с врагами. Инакомыслие преследуется. Стереотипы бюрократической структуры фиксируются в лозунгах, зомбирующих ритуалах. Нагнетание атмосферы страха, психоза выводит из равновесия всю структуру, которая не только не способна создать ничего нового, но и не в состоянии копировать уже готовые образцы, созданные технотектурой внешней (вражеской) среды. В результате технологические катастрофы становятся нормой.

При всей альтернативности дивизиональная и сетевая конструкции организации взаимопроникают в друг друга. Возможно формирование сетевых элементов в иерархической системе.

Децентрализация начинается в иерархических системах, развивающих инструменты взаимодействия сотрудников, а также элементов структуры. Организационное проектирование, нацеленное на повышение гибкости бизнес-систем, формирует разнообразные инструменты взаимодействия. Все начинается со связующих должностных позиций, специальных групп, решающих определенную проблему. Следующий этап – формирование проектных групп и стратегических бизнес-единиц, наделенных автономией, и менеджеро-интеграторов. Организация, совершающая конкурентный прорыв, вынуждена изменяться. Новые пласты организационных отношений отличает большое количество живых, нестандартных контактов. Традиционные элементы сверхструктуры, системы планирования и контроля здесь неэффектив-

ны. В областях, особо насыщенных контактами, необходимы специфические формы координации, коммуникации, выходящие за пределы централизованных связей. На перекрестке коммуникативных каналов, самоорганизующихся процессов возможно формирование аттрактора, переводящего всю организацию в новое состояние. Здесь появляется среда интенсивного обмена информацией, интегрируются различные процессы, проявляются разнообразные подходы к развитию. А неформальный лидер становится реальным координатором. Команда, сплотившаяся вокруг него, либо может быть центральным звеном будущего стратегического процесса, соответствующей структуры или отпочковаться и совершать свободное плавание.

Таким образом, рост масштабов операционной деятельности и соответствующего ей человеческого капитала приводит к бюрократизации организации, **автоматизация** операционной деятельности приводит к перетоку человеческого капитала во вспомогательные области организации, выводу ее фрагментов во внешнюю среду, **атомизации** и дебюрократизации. В первом случае организация централизуется на основе стандартизации трудовой деятельности, во втором – децентрализуется на основе вытеснения данных стандартов и установления динамичных, меняющихся креативных отношений. На смену воспроизводства стереотипов и лозунгов, копирования приходит индивидуализация, разнообразие связей и отношений, которые неизбежно порождают сетевые процессы.

Они являются реакцией на необходимость повышения оперативности и гибкости организационных систем. Высокая скорость организационного реагирования на новые стратегические процессы требует высокой скорости воздействия сотрудников – носителей фундаментальных компетенций – через обратные связи на принятие стратегических решений.

Сеть активизирует обратную связь, которая «...организована на основе множества взаимозависимых и взаимосвязанных, тесно взаимодействующих, чутко реагирующих элементов, которые состоят из идей, эмоций, позиций, мифов, историй, невысказанных ожиданий, неформальных коммуникаций, только-только формирующегося восприятия, тонких процессов, всплесков энергии, отношений на основе приверженности» [2]. Целью обратных связей является развитие, выход на качественно новый уровень процессов самоорганизации. Последние составляют основу самосовершенствующихся систем, настроенных на стратегические процессы внешней и внутренней среды.

Ограничение обратных связей приводит к застою и деградации организации. Реформы превращаются в пустые лозунги и обман, сотрудники начинают вести себя пассивно. Система впадает в депрессию, в ней нарастают конфликты между менеджерами, ставящими задачи, и демотивированными сотрудниками. Разрушительные конфликты проникают и в трудовые отношения, они пронизывают всю «систему». Ограничение обратных связей с квалифицированным персоналом и внешней средой приводит к тому, что важные управленческие решения не нацелены на решение стратегических проблем, выстраивание стратегических процессов. В результате супервайзеры и рядовые исполнители подвергают сомнению компетентность руководителей.

Сеть кардинально перестраивает не только обратные, но и прямые отношения. С развитием сетевых отношений связи, транслирующие цепочки технологических процессов, все более ориентируются на делегирование полномочий [3].

На определенном этапе прямые и обратные связи уравниваются. Сетевая организация выходит на новый уровень. Но данная эволюция происходит постепенно, по мере развития организационной демократии. Наличие сложных мультиагентных отношений открывает новые возможности развития потенциала организации и выстраивания внешних связей на качественно новой основе.

Плюсы сети заключаются в том, что основой формирования ее являются петли взаимного усиления потенциала различных организаций и индивидуумов. Сети по мере своего развития в рамках единого информационного пространства создают ценность не только для конечных потребителей, но и всех, создающих добавленную стоимость.

Следовательно, развитие сетевых отношений, построенных на **усилении обратных связей**, осуществляется параллельно с **делегированием** управленческих полномочий, пополнением круга лиц, принимающих управленческие решения, что расширяет зону **ответственности** и спектр **мотивационных** действий. Мотивационная система теперь опирается на потребности самореализации.

Делегирование управленческих решений увеличивает круг менеджерских, лидерских компетенций, позволяет качественно улучшить систему менеджмента. Управленческие бизнес-процессы включают в себя более широкий спектр отношений и микроструктур, например, конструктивную критику, управленческие неформальные ассоциации.

Предпосылки сетевой экономики. Она развивается в сложной, динамичной рыночной среде, ха-

рактирующей нелинейными, многомерными связями. Адаптация рыночных субъектов, решающих сложные инновационные задачи, к новым реалиям такой среды возможна при вхождении их в сети, т.е. на новый уровень приспособления к изменениям внешней среды. Примерами таковых являются экологические системы и центральная нервная система. Предпосылками доминирования сетевых организаций служат, во-первых, автоматизация операционного ядра и трансформация срединной линии организаций индустриального типа и, во-вторых, переход матричных структур к новым формам открытости в условиях динамичной усложняющейся внешней среды. Наличие широких возможностей установления партнерских отношений и стратегических альянсов снижает остроту враждебности внешней среды и перестраивает конкурентные отношения. Чтобы быть сильным в инновационном окружении, нужно не обособливаться, а интегрироваться в рамках определенных экосистем.

Сетевые экономические системы связаны с расширением возможностей отдельных организаций решать сложные инновационные и предпринимательские задачи. Инновационные процессы могут развиваться в инновационном сетевом контуре, в котором налажено множество инновационных связей и сформировано динамичное самоорганизующееся информационное пространство. Ограниченность информации и неопределенность инновационных тенденций являются важнейшими предпосылками формирования сетей. В данных условиях необходимо формирование картины будущего на основе как методологических разработок, так и инновационного опыта. Это возможно при наличии сложных меняющихся сетевых связей.

Важной предпосылкой развития сетевых организаций является рост масштаба пространственных взаимодействий организаций, повышающий многообразие их комбинаций, многомерность, расширяющий число участников реализующих совместных проектов. Если раньше отдельные компании имели ограниченное количество стратегических союзников, то теперь круг их и пространство взаимодействия существенно расширились. Такие связи стали развиваться как на основе разделения труда, так и появления новых комбинаций связей, их интеграции. В процессе географической глобализации от двухсторонних отношений с партнерами компании перешли к многосторонним. Партнерские отношения на основе наращивания количественных связей изменились качественно, вызвали новые синергетические эффекты.

Сетевые отношения являются рыночными, эквивалентными и присутствуют в развитом рыночном пространстве, насыщенном разнообразными транзакциями.

Закономерно, что рост масштаба рынка, его глобализация происходят параллельно с развитием его качественных характеристик, высшим проявлением которых являются инновационные рыночные сети. Скорость транзакций относится к важнейшим рыночным конкурентным преимуществам. Она определяется качеством связности рыночных агентов, межфирменными коммуникациями. Центр тяжести конкурентных преимуществ выходит за пределы отдельных компаний и определяется качеством межфирменного взаимодействия и коммуникаций. Это предопределяет большую эффективность сетевой организации по сравнению с матричными и дивизиональными структурами.

Формирование глобальных сетевых систем и внутрифирменных, межфирменных горизонтальных связей является важной предпосылкой широкого распространения сетевых организаций. Другой важный фактор – формирование институтов глобальных рынков продуктов, финансового и человеческого капитала, обширных ареалов гудвилла и мировых брендовых технологий. Все это снижает риски сетевых взаимодействий.

В условиях кастомизации бизнес-процессы становятся интерактивными. Потребитель не просто участвует в создании продукта, но присутствует в данном процессе как стратегический элемент. Данные отношения связности создают организационные конкурентные преимущества. Формирование центров реагирования на запросы клиентов и усиление их роли – важный шаг в направлении формирования нового качества сетевых отношений.

Современная сетевая организация – это своеобразный коктейль масштабов. Многогранность сетевых управленческих компетенций необходима, чтобы работать в системах разного масштаба.

Стратегические альянсы – одна из форм сетевых отношений, находящихся на границе микро-, мезо-, макроуровня. Они могут развиваться в среде острой **конкуренции** и интегрировать потенциал конкурирующих организаций в целях ускорения времени развития отдельных бизнес-процессов и снижения рисков. Речь идет как об интеграции идентичных бизнес-процессов, выведении их на новый масштаб, так и формировании новых.

В то же время ряд стратегических альянсов является полной противоположностью сетевой организации. Ученые отмечают, что лишь половина альянсов и поглощений оказалась успешной.

Средняя продолжительность их жизни составляет семь лет [4].

Выстраивание сетевых обратных связей неизбежно усиливает пространственную компоненту сети, способствует формированию сетей, привязанных к точкам пространства, насыщенным стратегическими ресурсами. Данные пространственные точки отличаются высоким разнообразием природных, социальных, культурных, экономических процессов. Территориальный подход здесь «...позволяет учесть пространственную дифференциацию ландшафтного разнообразия, этническую разнородность населения, региональные различия хозяйствования и жизнедеятельности людей» [5]. Традиционная территориальная структура, экономическая система которой базируется на материальных активах, инерционна [6]. Она накапливает прежние изменения, аккумулирует новые, консервируя их. Сетевая организация позволяет перейти от инерционной модели территориальной организации к динамичной.

Таким образом, сетевая экономика является альтернативой бюрократической. Она основана на равноправном партнерстве, сотрудничестве, а не на иерархии и отношениях подчинения. Сетевая организация – качественно новый уровень органической системы. Она внешне открыта и развивается как самоорганизующийся, самосовершенствующийся организм.

Литература

1. Хоуп Дж. Финансовый директор новой эпохи. Как финансовый управляющий может изменить свою роль и обеспечить успех компании на рынке. М., 2007. С. 192.
2. Клок К., Голдсмит Дж. Конец менеджмента. СПб., 2004. С. 307.
3. Чернов С. А., Дайкер А. О. Сетевая организация: составляющие, виды и закономерности. LAP LAMBERT, 2015. 263 с.

4. Минцберг Г., Куинн Дж. Б., Гошал С. Стратегический процесс / пер. с англ.; под ред. Ю.Н. Каптуревского. СПб., 2001. С. 282.

5. Управление региональными социально-экономическими системами: сущность, проблемы и пути развития / науч. ред. В.М. Белоусов. Ростов н/Д., 2013. С. 316.

6. Дайкер А.О. Территориальная структура экономики региона: историография понятия и современные подходы // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Естеств. науки. 2012. № 5. С. 81–84.

References

1. Khoup Dzh. *Finansovyi direktor novoi epokhi. Kak finansovyi upravlyayushchii mozhet izmenit' svoju rol' i obespechit' uspekhi kompanii na rynke* [Finance Director of a New Era. The Ways a Financial Manager can Change his Role and Provide the Company's Success on the Market]. Moscow, 2007, p. 192.
2. Klok K., Goldsmit Dzh. *Konets menedzhmenta* [The End of Management]. Saint Petersburg, 2004, p. 307.
3. Chernov S. A., Daiker A. O. *Setevaya organizatsiya: sostavlyayushchie, vidy i zakonomernosti* [Network Organization: Components, Types and Patterns]. LAP LAMBERT, 2015, 263 p.
4. Mintzberg G., Kuinn Dzh.B., Goshal S. *Strategicheskiy protsess* [The Strategic Process]. Trans. from Engl. Ed. by Yu.N. Kapturevsky. Saint Petersburg, 2001, p. 282.
5. *Upravlenie regional'nymi sotsial'no-ekonomicheskimi sistemami: sushchnost', problemy i puti razvitiya* [Management of Regional Socio-economic Systems: Essence, Problems and Directions of Development]. Ed. by V.M. Belousov. Rostov-on-Don, 2013, p. 316.
6. Daiker A.O. Territorial'naya struktura ekonomiki regiona: istoriografiya ponyatiya i sovremennyye podkhody [The Territorial Structure of the Region's Economy: Historiography Concepts and Modern Approaches]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Estestv. nauki*, 2012, no 5, pp. 81-84.

ФИЛОЛОГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 82.145

DOI 10.18522/0321-3056-2015-4-119-121

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ НОСТАЛЬГИЧЕСКИХ ПЕРЕЖИВАНИЙ ПОЭТЕССЫ ЧЕРКЕССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ЗЕЙН КАНДУР

© 2015 г. М.Б. Абдокова

Абдокова Марина Борисовна – доктор филологических наук, профессор, Карачаево-Черкесский филиал Московского финансово-промышленного университета «Синергия», пр. Ленина, 83, г. Черкесск, КЧР, 369001. E-mail: abdokovam@mail.ru

Abdokova Marina Borisovna – Doctor of Philological Science, Professor, Karachai-Cherkes Branch of the Moscow University of Industry and Finance "Synergy", Lenina St., 83, Cherkessk, KCR, 369001, Russia. E-mail: abdokovam@mail.ru

Рассматривается литературное творчество молодой адыгской поэтессы Зейн Кандур. Энциклопедия её ностальгических переживаний образно и поэтически создаёт богатую палитру лирических откровений. Излюбленный жанр поэтессы – белый стих. Своих соплеменников-адыгов она воспринимает как часть вечного цивилизационного потока, где каждый этнос подчёркивает всеобщность симфонии наций и культур. Кризисный тип сознания, эстетизация угасания и душевной усталости – всё это черты своеобразного поэтического декаданса, которым отмечена поэтика Кандур.

Ключевые слова: *ностальгические переживания, мистицизм, духовность, метафорическая палитра, суггестивная лирика, эвритмия, мухаджирь.*

The article deals with literary works of a young Adygea poetess Zein Kandur. Encyclopedia of her nostalgic feelings creates figuratively and poetically rich palette of her lyric revelations. The favourite genre of the poetess is blank verse. She considers her compatriot Adygea people as a part of everlasting civilization flow, where each ethnos accentuates universality of symphony of nations and cultures. Critical type of consciousness, aestheticization of extinction and soul tiredness, all of them are the traits of distinctive poetic decadence that characterizes Kandur's poetic manner.

Keywords: *nostalgic feelings, mysticism, spirituality, metaphorical palette, suggestive lyrics, eurhythm, Muhajirun.*

Зейн Кандур (р. 1983) принадлежит к числу наиболее молодых адыгских литераторов зарубежья, весьма успешно заявивших о себе на поэтическом поприще. Многие ее стихи изначально созданы на английском языке и лишь после этого переведены на черкесский кабардинским поэтом Уэрээйи Афлик. Английские оригиналы написаны преимущественно верлибром, белым стихом, но черкесские переложения ориентированы на специфику адыгской рифмовой поэтики.

Энциклопедией ностальгических переживаний можно считать тематически и образно богатую поэзию Кандур. Философичность ее мировидения расширяет палитру тем и настроений, наиболее распространенных в черкесской поэзии зарубежья. Духовно-философская тематика отличает почти все стихи поэтессы:

*Сыт цыгъуэ зэмани
Пхыпльыф сэх-сэрейм.
Пхыпльыфи абжынэм,
КъэгъэцI уи дуней...
В любое время посмотри через ограду,*

Сквозь призму затемненного стекла

На все созданья мира.

То отрада...

Всевышним нам наречена... [1, с. 250].

Адыги, их мир воспринимаются поэтессой частью вечного цивилизационного потока, где каждый этнос подчеркивает всеобщность симфонии наций и культур.

Лирика Зейн Кандур по своему складу медитативна. Философско-поэтические раздумья автора вплетены в сложные аллегорические, сродни сновидениям, повествования. Нескрываемые мистицизм и духовность поэтессы сообщают ее стихам исповедально-молитвенный характер:

*...Тхъэ закъуэриц зыхульэкIыну
Псэм и къарум нэльэцину
Абыи лъэкIыну ар?
Уэ пхульэкIыну ар?..
...Один лишь Бог сумеет нас понять...
Но сумрак наших душ кто одолеет?
Один лишь Бог...
Быть может, ты поможешь Богу?*

*Я верю, ты сумеешь, докажи!
Ведь есть мечта на краешке души –
Один лишь Бог сумеет нас понять... [1, с. 251].*

Зейн Кандур виртуозно владеет чередованием рифм в стихах строфического строения. В адыгских переложениях сохранена специфика авторского альтернанса. В своей поэтической композиции поэтесса органично использует композиционный параллелизм на основе расширенной анафоры, заключающийся в повторении синтаксических рядов в отдельных частях поэтического произведения. Амебейная композиция – одно из архитектурных достоинств ее стихов.

Образный строй ее поэзии зиждется на осмыслении лирическим героем поэтики красоты в мире, отвергнувшем красоту в ее духовных проявлениях:

*А уи гуфIэкIэ нэцIыр...
А уи псэлъэкIэ нэцIыр...
ПцIы зацIэу зэхэлъ дкнейм
Плъагъу закъуэриц уи фIэцIицIын хуейр...
...Ведь радости твои всегда пусты,
К ним не летают ангелы с небес.
Фальшь мира не заменит красоты,
Не верь тому, что въявь,
Доверься призракам мечты... [1, с. 252].*

Стихосложение Зейн Кандур преимущественно квантитативно. Долгота и краткость слогов, закономерность в чередовании долгих и кратких слогов в строфе несут печать индивидуального, вполне самостоятельного фонетико-мелодического мышления. Литотический принцип – важное звено в стилистическом своеобразии этой поэзии.

Весьма самостоятельны и интересны формы движения стиха. Излюбленный автором размер – монометрия. Ритмическая сущность стиха находится в полном гармоническом соединении с его фонетической фактурой, что способствует особой его выразительности.

Поэтесса смело применяет прием олицетворения, наделяя неодушевленные предметы человеческими чувствами, мыслями и даже речью:

*Щхъэгъубжэм къыпхедзыр нэху
Махуэ къэс, имыцIэу псэху.
Къыпхедзри, гъуэбжэгъуэциу
Хошыпсыхъыж псэм и жэцIым...
Стекло дневное, свет твой,
Хранящий солнца луч и слов звучанье,
Приходит ночью,
И говорит со мною... [2, с. 280].*

В своих поэтических циклах она часто соблюдает одинаковую структуру предложений в смежных стихах, добиваясь совершенного синтаксического параллелизма.

Зейн Кандур хорошо известна история мухаджирства. Ностальгические мотивы характерны для самых интимных по складу дневниковых стихов поэтессы:

*... О, не томись же в сумерках, душа!
Твой путь – на Родину, не мешкай!
Я разделю с тобой дорогу возвращения,
Хоть день в пути, и я жива!.. [2, с. 280].*

Стройность поэтической метрики стиха Кандур достигается равнодольностью, подчеркивающей главный структурный признак правильного метрического стиха. Очевидна намеренная ретардация с замедлением прямого фабульного повествования путем введения живописного начала, как правило, описаний природы. Красочные эпитеты, риторические фигуры усиливают выразительность поэтической речи Кандур. Метафорическая палитра поэтессы весьма богата. Часто применяется высшая форма метафорического выражения симфора, когда опускается звено сравнения и дается характерный для предмета признак.

Морфопоэтическое свойство поэтики Кандур проявляется в пристрастии к прорицательному началу, столь распространенному в народной среде:

*Псэр зыгъэхуабэ бзийр
ТекIуэну нэхум и бийм?
Е уафэм трицIэ бжъыгъэм
ИгъэункIыфIыну дыгъэр?..
АдэкIэ сьт – ажсал?
АдэкIэ сьт Iэмал?..
...Так что нас ждет?
Забвенье, злая смерть? [2, с. 281].*

Версификационный аспект поэтики Кандур включает в себя фонетический резонанс на основе адыгской, английской и русской поэтической лексики, что, безусловно, делает ее поэтическую речь более рельефной и яркой.

Частое аппликативное вмонтирование в текст адыгских пословиц, поговорок в качестве прямых цитат сообщает стихам поэтессы национальный колорит, а иногда и оттенок дидактики.

Зейн Кандур верно угадывает мысли тех адыгов, смыслом жизни которых является долгожданное «через века» возвращение на Родину:

*...Мурад цыгур лъагэцIи икIи жьжъэцI.
Си нэ джыджым къиджыкIи уи цIэдейр.
Си нэм жиIэ гъуэгум тету ежьи,
НасытыфIэу уехъыжыныцI дунейм...
...Та дорога нам всем предстоит,
И тебе, и мне, мой родной.
Так возрадуйся сердцем, джигит!
Путь тернист, мы идем домой... [2, с. 282].*

В стихотворении «Это правда?» (2002) ностальгическая, мухаджирская проблематика зашифрована в философско-этическом осмыслении жизни и смерти. Но это не абстрактные философские размышления, а попытка национально-корневого поэтического претворения сущностных проблем бытия:

*Ар нэж?–
Дунейм ехыжахэм я псэхэр
Къэпсэужрэ, зыми имыцлэу,
Сабий нэ кугъуэхэм я лъацлэр
Зыгъэтицкунлэ яцлыжрэ, псэхуэ?..
Скажи мне, это правда,
Что души всех усопших
Вдруг оживают тайно
В младенцах Родины далекой?.. [2, с. 283].*

Поэтесса не ограничивается привычным для ностальгической поэзии набором тем и настроений. Внутренний мир страждущего изгнанника волнует ее едва ли не больше, чем внешние перипетии его жизни:

*...Остануть в глубине
Заброшенного детства...
Там ожидают и живут,
Как будто по соседству
Далеких предков души... [2, с. 284].*

Многозначность символических образов исполнена самыми различными аспектами бытия:

*...Мы ди гъацлэ гъэтицлэ дьджым
Си цхъэфэцыр къысфлэгъэтэджыр.
Сосуд души сжимаю,
Мы боль в себе рождаем
И страх... [2, с. 286].*

Кризисный тип сознания, эстетизация угасания и душевной усталости, поэтизация воли к смерти – все это черты своеобразного поэтического декаданса, которым отмечена поэтика Кандур. В этом смысле наиболее близкой по идейно-содержательному складу для поэтессы становится русская поэзия «серебряного века», ставшая едва ли не самой яркой в истории мировой литературы поэтической школой ностальгии и странничества.

Литература

1. Кандур З. Стихи // Мир мухаджиров / сост. Х. Т. Тимижев. Нальчик, 2004. 252 с.
2. Хафицэ М.М. Звёзды бледнеют на чужбине. Нальчик, 2006. 344 с.

References

1. Kandur Z. [Poems]. *Mir mukhadzhirov* [The World of Muhajirun]. Ed. by Kh. T. Timizhev. Nalchik, 2004, 252 p.
2. Khafitse M. M. *Zvezdy bledneyut na chuzhbine* [Stars Turn Pale in a Strange Land]. Nalchik, 2006, 344 p.

Поступила в редакцию

16 сентября 2015 г.

УДК 811.161.1'373. 424'01

DOI 10.18522/0321-3056-2015-4-121-126

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СЛОВА ЖРЕБИЙ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

© 2015 г. А.Р. Зарипова

Зарипова Анна Рифовна –
аспирант,
Институт филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южного федерального университета,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: anna_zaripova@mail.ru

Zaripova Anna Rifovna –
Postgraduate Student,
Institute of Philology, Journalism
and Intercultural Communication
of the Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: anna_zaripova@mail.ru

Рассматриваются основные этапы и направления семантической эволюции слова «жребий» в истории русского языка. Прослеживаются изменения, которые произошли в семантике слова с XI в. Анализируются такие значения слова, как 'кусок', 'жребий', 'наследство', 'назначение', 'высшая сила'. Подчеркивается, что до XVIII в. представления о жребии были связаны с Божественным промыслом, позже эта связь утрачивается. В современном русском языке жребий воспринимается как судьба, которая может быть равнодушна к человеку, а может быть доброжелательна или недоброжелательна к нему.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа «Судьба», история русского языка, историческая лексикология, слово «жребий», семантическая эволюция слова.

The article studies main stages and directions in the semantic evolution of word “lot” in the history of the Russian language. There are some differences in the meanings of word lot in Old Russian and the modern Russian language. The meanings ‘piece’, ‘lot’, ‘inheritance’, ‘destiny’, ‘numen’ are analyzed. The author emphasizes that the word lot was used for description of religious life of Old Russian people. In modern Russian lot is perceived as destiny. It may be indifferent, benevolent or malevolent to person.

Keywords: lexical-semantic group “Destiny”, history of Russian language, historical lexicology, the word lot, semantic evolution of the word.

Одним из самых загадочных и сложных концептов славянской языковой картины мира является «судьба». Лингвистическими репрезентантами этого концепта в истории русского языка выступают слова одноимённой лексико-семантической группы (ЛСГ), воплощающие в семантике идею о контролируемости хода жизненных событий высшей силой (*суд, судьба, промысел, предопределение, провидение, рок, жребий* и др.). Особое место в этой ЛСГ занимает лексема *жребий*.

Проанализируем семантику слова *жребий* в диахроническом аспекте в связи с выявлением основных направлений, по которым проходила в

истории русского языка семантическая эволюция этой лексемы. Исследование выполнено на материале Картотеки «Словаря русского языка XI–XVII вв.» ИРЯ РАН (КДРС), исторических лингвистических словарей, толковых словарей современного русского языка, Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

В истории русского языка слово *жребий* существует в двух вариантах: в восточнославянском (древнерусизм) – *жеребии* (= *жеребеи*) и в южнославянском (старославянизм) – *жрѣбии* (= *жребии* = *ждрѣбии*). В XI–XVII вв. оба варианта имели похожий набор значений:

<i>жеребии</i> (= <i>жеребеи</i>) [1, с. 91–92]	<i>жрѣбии</i> (= <i>жребии</i> = <i>ждрѣбии</i>) [1, с. 122–123]
1) ‘жребий’	1) ‘жребий’ (τό ὄστρακον)
2) ‘доля, пай’	2) ‘доля, пай’
3) ‘кусок, часть чего-либо’	3) ‘кусок, часть чего-либо’
4) ‘узор’	4) ‘судьба, назначение’

Главное различие состояло в том, что для старославянизма *жрѣбии* уже в XI в. характерно наличие значения ‘судьба, удел’, в то время как первые фиксации варианта *жеребий* в этом значении в истории русского языка относятся только к XVIII в.

Этимологи возводят основу слова *жребий* к индоевропейскому *gerbh – ‘нацарапать, вырезать’, ‘надрезать’ (позднее – к праславянскому *žerǫbь – ‘нечто отрезанное, отрезок’). Родственно англос. seorfan ‘нарезать, резать’, греч. γράφο ‘пишу, царапаю’ [2, с. 306; 3, с. 47]. Древнейшим этимологическим значением было ‘кусочек’ [3, с. 47], ‘нечто отрезанное, отрезок’ [2, с. 306].

Однако в древнерусских памятниках письменности фиксации обоих вариантов в этимологическом значении относятся только к XVII в.: *Возми гнилова ивова дерева, изрѣж ево в малые жеребыи дву или трех перстов толстиною*. Воин. кн., 54. 1610 г. [1, с. 92]; *Греки, которые тело погребли, носят в пазухах своих яко святаго мчника власы брады его и жребия платья его*. Куранты, 205. 1638 г. [1, с. 122].

Древнейшее значение также отмечается в русских народных говорах, но оно свойственно только древнерусскому варианту *жеребии*: *Вышибли у саблей по жеребью*. Былины Печоры и Зимнего

берега. Колым. Якут.; *Залетела громова стрела во мои да груди белые, расколола ретиво сердце на двенадцать мелких жеребьев* (свадебн. причет.) Мезен. Арх.; *Он и пнул эту бочку правой ногой, Разлетелась эта бочка на три жеребья*. Печор. Ончуков [4, с. 134].

Поскольку жребии-кусочки когда-то использовались для решения спорных вопросов (значение ‘жребий’), чаще всего для разделения земли, наследства, происходит метонимический перенос значения ‘жребий’ (небольшой предмет для решения спорных вопросов) на результат процесса жеребьёвки. В итоге часть земли, наследства, доставшаяся по жребью, тоже начинают называть жребием (‘доля, наследство’): *Симь же, Хамь и Афеть раздѣливше землю и жребия метавше не преступати ни кому же въ жеребеи братень, и живяху каждо въ своєї части*. Соф. 1 лет., 2. XV в. [5]. Таким образом, жребий – это и процесс раздела (целого), и его результат (часть целого).

В древнерусских текстах, переведённых с греческого языка, лексема *жрѣбии* в данных значениях соответствует греческой лексеме ὀκλήρος ‘жребий’, ‘метание жребия, жеребьёвка’, ‘доставшееся по жребью удел, доля, наследство’, семантика которого также связана с метанием жребия и

с разделением чего-либо в результате жеребьёвки.

В большинстве древнерусских контекстов и *жеребии*, и *жрѣбии* фигурируют в значении ‘жеребий’ в устойчивом сочетании *метати*, *врѣци жеребии*: *Симъ и Хамъ и Афетъ разделивше землю жеребии метавше...* [6, с. 4]; *Аже латинский гость съ смольняны придетъ на волокъ, метати жеребии, кого на передъ вести къ Смоленску*. Смол. гр., 29. 1297–1300 гг. [5]; *Оже тяжа родится бес крови, снудутся послуши... то вергоуть жеребее; кому ся выиметь ротѣ шдьѣ свою правду възмутъ*. Мир. грам. Новг. 1199 г. [5].

Метание жребия и результат этого процесса в христианской традиции, которую отражали и переводные, и оригинальные древнерусские памятники письменности, проникнуты Божьей волей. Через жеребьёвку происходит проявление Божественного промысла, тайны: (1229): *Томъ же лѣтѣ рече князь Михайль: «се у васъ нѣту владыкы, а не лѣпо быти граду сему безъ владыцѣ... да положимъ 3 жрѣбья, да который Бъ дастъ намъ». И положиша на святѣи трапѣзѣ, имена написавиѣ. XIII в. [Новг. I лет., 275]; И положиша три жребиа на престолѣ въ святѣи Софѣи, утвердивше себѣ слово: его же восхоцетъ Богъ и святая Софѣя..., того жребии да оставитъ на прѣстолѣ своемъ*. Новг. I лет. (по Арх. сп.) [5].

В тексте Священного Писания встречается много упоминаний о принятии Богоугодного решения в процессе жеребьёвки. Таким образом даже избирали апостолов: *Ты, Гди, Сердцевѣдче всѣхъ, покажи егоже избралъ еси от сею двою единого, прияти жребий служения сего и аплства... И даша жребия има, и паде жребий на Матѣя*. Деян. 1, 24–25 [7, с. 5]. В данном контексте у слова *жребий* реализуется два значения: прямое (‘жеребий’) и переносное – метонимическое (жеребий как назначение, которое выпало человеку в результате метания жребия).

Если сначала в результате жеребьёвки достаётся какая-то доля земли, наследства, имущества, то потом выпавшей по жребию начинает представляться судьба человеческая, которая неразрывно связана с Божьей волей. Таким образом, значения ‘жеребий’ и ‘доля, наследство’ (то, что выпадает по жребию) переносятся на метафизическую категорию человеческой жизни, в результате чего жребий становится ‘судьбой, назначением’. В этом значении слово фиксируется в самых ранних памятниках славянской письменности: и в южнославянских (*въ ржкоу твою жрѣбы мой* Пс 30, 16 Син [8, с. 221]), и в восточнославянских (древнерусских) памятниках письменности: *Жребии вы-*

сокъ приимъ. Мин. 1097 г. 88 [9]. Жребием становится то назначение, которого удостоивается человек в процессе мирового «метания жребия»: *Ты еси Бг мои. В руку твою жеребие мои. Избави мя из руки врагъ моихъ*. Псал. XXX, 15–16. Библ. Генн. 1499 г. [5].

Участь человека, данная от Бога, ведущая его в Царство Божие, в некоторых контекстах называется *жребием отеческим* (см. *отеческий* – ‘относящийся к Богу-Отцу’ [10, с. 237]): *Млтва ес<тъ> молба... и свобождение здешнихъ искушении или будущихъ или желание очьскаго жребиа*. Сл. Ис. Сирина, 396. XV–XVI вв. [1, с. 122].

В памятниках письменности XIV–XVII вв. слово *жребий* фигурирует в устойчивом обороте *въ чьѣм-либо жрѣбии* ‘в чьих-либо владениях, под чьей-либо властью’: *Госпоже Богородице! Въ твоёмъ жребии азъ державствую по твоему преданию*. Ц. Дин., 375. XIV [5]. Данное устойчивое сочетание берет свое начало в предании, по которому апостолы и Пресвятая Богородица метали жребий, «кому какую страну избрать поприщем для проповеди Евангельской» [11, с. 97]. Результат жеребьёвки – выпавший удел, как и в случае разделения земли или наследства, был назван жребием. Но этот жребий – духовный, он также становится судьбой (назначением, наследием) от Бога: *О избраннии святіи Божіи, нынѣ не стужайте Мнѣ о сѣмъ! Азъ же и сама плачюся о погибели ихъ; въмъ бо, яко сей естъ градъ жребий мой и людие есте достояние мое*. Пов. о видении Варл., 247 [5].

Переносное значение ‘судьба, удел’ сначала было характерно только для старославянизма *жрѣбии*. Объясняется это тем, вероятно, что данное значение относится к высокой сфере употребления, содержит в себе идею Божественного промысла и сопричастно метафизическим духовным категориям, что характеризует книжный старославянский язык. С XVIII в. древнерусский вариант *жеребий* тоже начинает употребляться как слово высокого стиля в значении ‘участь’ (*Впоследствии о царяхъ даютъ потомки суд, Ту ж с ними честь певцы и жеребий несут*. В.П. Петров. К... из Лондона. 1772 [12]).

В это же время в семантике варианта *жребий* происходит стилистический сдвиг. Это отражается в схеме, которая сопровождает словарное толкование слова: ‘Слав. → Нейтр.’ [13, с. 146]. Таким образом, лексема теряет свою первоначальную сугубо книжную отнесенность, что приводит к расширению сочетаемости слова *жребий* в значении ‘судьба, участь’.

Жребию с этого времени становятся сопричастны не только представители живой (*Не знаю я, какой был жребий илюпоиных товарищей моих... но думаю, что они всѣ погибли.* Гулливер I, 7 [13, с. 146]), но и явления неживой природы (*Минералы подвержены общему с прочими вещами жребию; все повинуется времени.* Минер. Сврг. I 88 [13, с. 146]). Сила, в результате действий которой жребий становится уделом того или иного земного явления, скрывается за такими абстрактными метафизическими категориями, как, например, время. Кроме того, с жребием связываются творения рук или мыслей человеческих (*Город Кинешма подпала под сей несчастный жребий.* Д.И. Фонвизин. Повествование мнимого глухого и немого. 1783. [12]; *Но к вящему сожалению о жребии человеческого умствования скажем, что мысль великая рождала иногда невежество.* А.Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. 1779–1790; *Такой точно был жребий наук у аравитян.* Н.И. Новиков. О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук. 1781. [12]).

В XVIII–XIX вв. в русском языке закрепляется устойчивое выражение *жребий брошен* ‘окончательное решение принято’ (*Жребий брошен: да будет, что угодно Судьбѣ!* Крм. МП, 325 [13, с. 146]), являющееся русским переводом латинского выражения *alea jacta est*, которое, по преданию, принадлежит древнеримскому полководцу Г.Ю. Цезарю [14, с. 52]. Жребий – решение человека, его выбор, решительный шаг, который в корне меняет жизнь: *Если бы коварство никогда не дерзало являться пред царями, сколько бы отечество имело великих сынов! Но жребий брошен.* Я не должен останавливаться на пути своем. П.А. Плавильщиков. Ермак, покоритель Сибири. 1803 [12].

Поскольку старославянизм *жрѣбии* в значении ‘судьба’ входит в состав ЛСГ «Судьба», то между словами этой группы происходит семантическое взаимодействие, в результате которого значения одного слова со временем наблюдаются у другого. Вероятно, под влиянием семантики слова *судьба*, которое в русском языке имеет значения ‘участь, назначение’; ‘высшая сила’, лексема *жребий* начинает активно употребляться и в значении ‘высшая сила’. Если до XVIII в. слово значило ‘участь, назначение’, а сема ‘высшая сила’ присутствовала в семантической структуре слова подспудно (жребием назывался результат действия этой силы), то с XVIII в. семантический компонент ‘высшая сила’ составляет ядро нового выкристаллизовавшегося значения: *Но смотря мою на подлость И на то,*

что бедн и мал, Прочих видя верьх и годность, Что ж их жребий не избрал. В.К. Третьяковский. Парфразис псалма 143. 1744 [12]. При этом в семантике слова происходит разрыв жребия с Божественным промыслом: природа такого жребия становится для человека непонятной, для объяснения её жребий-судьба персонифицируется, что «проявляется... как своеобразная проекция человеческого поведения на мироустройство, представление о “судьбе” как о метафизическом аналоге индивида» [15, с. 105]. Акт такой персонификации жребия является попыткой упорядочить мир, определить отношения между человеком и высшей непознаваемой силой, которые «мыслятся прежде всего в силовых терминах – как взаимодействие полей, создаваемых двумя источниками силы. Более слабый из них – человек. Другой источник силы должен быть ему подобен. Действительно высшая власть обычно олицетворяется или обожествляется. Отношения между нею и волей человека приобретают интерперсональный характер» [16, с. 309].

С XIX в. в словарных дефинициях значения ‘судьба’ у лексемы *жребий* появляется стилистическая помета ‘устар.’, что свидетельствует о том, что это слово в данном значении переходит в пассивный словарный запас русского языка. Тем не менее жребий-судьба и в это время широко фигурирует в произведениях русской литературы: *Могущей верой укрепленный, Сидел безвинный Кочубей, С ним Искра тихий, равнодушный, Как агнец, жребию послушный.* Пушкин. Полтава [17, с. 184].

Жребий и как сила, и как участь может характеризоваться нейтрально (*всесильный, тайный, тихий*) [18, с. 127], приобретать положительные (*благоприятный, благословенный, великий, высокий, завидный, милосердный, святой, славный, счастливый, чудесный*) [18, с. 127] или отрицательные (*безжалостный, горький, грозный, жалкий, жестокий, злой, коварный, неблагодарный, незавидный, нелегкий, немилосердный, несчастный, роковой, своевольный, слепой, суровый, трудный, тяжелый, тяжкий, черный, скудный*) коннотации [18, с. 127]. Стоит отметить преобладание отрицательных эпитетов, что, возможно, связано с разрывом судьбы с Божественной волей.

На свой жребий человек начинает роптать (*Находя все добродетели, все достоинства в Евгении и не предвидя возможности соединить с ним судьбу свою, винила родителя в жестокости, роптала на бедственный жребий...* Н. Мамышев. Злосчастный. 1807 [12]), ужасаться жребию (*Ужасайся вместе со мною жребию, который ниспослали мне небеса!* Неизвестный. Пламмед и Линна.

1807 [12]), сомневаться в справедливости жребия (*Справедлив ли жребий сей: Я влюблен и я в разлуке С милою женой моей?* Н.А. Львов. Уж любовью оживился ... 1781 [12]). Жребий может стать не очень завидным: *Ей на первый раз выпал не очень завидный жребий*, темным и глухим: *Согласен, что я мог тогда злиться на темный и глухой жребий, распорядившийся раздавить меня как муху*. Ф.М. Достоевский. Идиот. 1869 [12].

Итак, в результате диахронического анализа выявлено, что семантика слова *жребий* развивалась в истории русского языка по трём направлениям. В рамках первого существовали значения, которые связаны с этимологической семантикой 'кусочек', в рамках второго слово *жребий* употреблялось в переносном значении ('судьба, участь', 'судьба, духовное назначение'), в рамках третьего судьба персонифицируется, в результате чего появляется значение 'высшая сила'.

Семантическая эволюция лексемы проходила в истории русского языка по трём направлениям, что можно представить следующим образом:

Таким образом, до XVIII в. жребий был связан с Божественным промыслом, позже в семантике слова отражается разрыв с Божественной природой, в результате которого жребий начинает персонифицироваться, представлять в образе некой силы, которая неизвестным образом влияет на ход событий. В современном русском языке эта сила воспринимается как судьба, которая может быть как равнодушна к человеку, так доброжелательна или недоброжелательна к нему.

Литература

1. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М., 1978.
2. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. М., 2001.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1986.
4. Словарь русских народных говоров. Вып. 9. Л., 1972.
5. Картотека «Словаря русского языка XI–XVII вв.» ИРЯ РАН (КДРС).

6. Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Л., 1928.

7. Деяния и послания святых апостолов на славянском и русском наречии. СПб., 1862.

8. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечёрки, Э. Благовой. М., 1999.

9. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. СПб., 1893. Столб. 882.

10. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13. М., 1987.

11. Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных Её икон / сост. С. Снеессорева. М., 2012.

12. Национальный корпус русского языка (НКРЯ).

13. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 7. СПб., 1992.

14. Словарь латинских крылатых слов / под ред. Я.М. Боровского. М., 1988.

15. Разумова Н.Е. Онтология судьбы в драматургии А.П. Чехова // Вестн. ТГУ. Серия: Филология. 2006. № 291.

16. Арутюнова Н.Д. Истина и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.

17. Словарь современного русского литературного языка. Т. 4. М.; Л., 1963.

18. Горбачевич К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб., 2001.

References

1. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Russian Language Dictionary XI–XVII centuries]. Vol. 5. Moscow, 1978.
2. Chernykh P.Ya. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Historical - Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Vol. 1. Moscow, 2001.
3. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of Russian Language]. Vol. 1. Moscow, 1986.
4. Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 9. Leningrad, 1972.
5. Kartoteka "Slovary russkogo yazyka XI–XVII vv." IRYA RAN (KDRS) [Card File of "Dictionary of Russian Language XI–XVII centuries"].
6. Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 1: Lavrent'evskaya letopis' [Complete Collection of Russian Chronicles. Volume 1: Laurentian Chronicle]. Leningrad, 1928.
7. Deyaniya i poslaniya svyatykh apostolov na slavyanskom i russkom narechii [The Acts of and Epistles of the Holy Apostles in Slavonic and Russian Speech]. Saint Petersburg, 1862.

8. *Staroslavjanskii slovar' (po rukopisyam X–XI vv.)* [Old Slavonic Dictionary (manuscripts X–XI centuries)]. Ed. by R.M. Tseitlin, R. Večerki, E. Blagovoi. Moscow, 1999.
9. Sreznevskii I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka* [Materials for the Dictionary of Old Russian Language]. Vol. 1. Saint Petersburg, 1893. Column 882.
10. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Russian Language Dictionary of XI–XVII centuries]. Vol. 13. Moscow, 1987.
11. *Zemnaya zhizn' Presvyatoi Bogoroditsy i opisanie svyatykh chudotvornykh Ee ikon* [The Earthly Life of Our Lady and the Description of the Holy Miracle-working Icons of Her Image]. Comp. S. Snessoreva. Moscow, 2012.
12. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka (NKRYa)* [National Corpus of Russian Language].
13. *Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* [Russian Language Dictionary of XVIII century]. Vol. 7. Saint Petersburg, 1992.
14. *Slovar' latinskikh krylatykh slov* [Dictionary of Latin Winged Words]. Ed. by Ya.M. Borovsky. Moscow, 1988.
15. Razumova N.E. *Ontologiya sud'by v dramaturgii A.P. Chekhova* [The Ontology of Destiny in Dramatic Art of A.P. Chekhov]. *Vestn. TGU. Seriya: Filologiya*, 2006, no 291.
16. Arutyunova N.D. *Istina i sud'ba* [Truth and Destiny]. *Ponyatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur* [The Concept of Destiny in the Context of Different Cultures]. Moscow, 1994.
17. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Modern Russian Literary Language]. Vol. 4. Moscow; Leningrad, 1963.
18. Gorbachevich K. S. *Slovar' epitetov russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Russian Literary Language Epithets]. Saint Petersburg, 2001.

Поступила в редакцию

22 июля 2015 г.

УДК 378.141

DOI 10.18522/0321-3056-2015-4-126-128

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

© 2015 г. Г.Ф. Карпова

Карпова Галина Федоровна –
доктор педагогических наук, профессор, кафедра
основ архитектурно-художественного проектирования,
Академия архитектуры и искусств
Южного федерального университета,
пр. Буденновский, 39, г. Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: karpowa.g.f@yandex.ru

Karpova Galina Fiodorovna –
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Architectural
and Artistic Design Fundamentals Department,
Academy of Architecture and Arts
of the Southern Federal University,
Budenovskii Ave, 39, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: karpowa.g.f@yandex.ru

Рассматривается психолого-педагогическое содержание компетенций архитектурно-художественного образования (готовность к педагогической деятельности в общеобразовательных и профессиональных образовательных организациях; готовность к социальному взаимодействию, терпимость к социальным и культурным различиям; стремление к саморазвитию и др.), их формирование в процессе изучения педагогики и психологии. Приведены результаты эмпирического исследования особенностей развития профессионально-личностного сознания и педагогического мышления студентов, изучавших педагогику и психологию.

Ключевые слова: архитектурно-художественное образование, компетентностный подход, профессионально-личностное развитие, профессиональное самосознание.

We consider the psychological and pedagogical content of the architectural and artistic education competencies (readiness to teaching in general and professional educational institutions, readiness for social interaction, tolerance of social and cultural differences, the desire for self-development, etc.), their formation in the process of study Pedagogy and Psychology. We show the results of the empirical research of the professional and personal consciousness development and the pedagogical thinking formation of the Pedagogy and Psychology students.

Keywords: architectural and artistic education, competence-based approach, professional and personal development, professional consciousness.

Компетентностный подход в современном архитектурно-художественном образовании актуализирует проблему профессионально-личностного развития студентов как совокупности установок «на себя» в профессии, на формирование профес-

сионального самосознания, приобретение знаний и умений, в том числе непосредственно не связанных с процессом архитектурно-художественной деятельности, но обеспечивающих готовность к изменению её практического профиля.

Данная установка конкретизируется рядом компетенций общенаучных, специальных, профессиональных, предусмотренных Основными образовательными программами (ООП) по направлениям «Архитектура» и «Искусство» в Академии архитектуры и искусств Южного федерального университета. Среди них:

- иметь стремление к саморазвитию;
- уметь критически оценивать свои достоинства и недостатки, намечать пути и выбирать средства развития достоинств и устранения недостатков;
- готовность принять на себя нравственные обязательства по отношению к другим людям и к самому себе;
- готовность к развитию своего интеллектуального и общекультурного уровня;
- готовность к социальному взаимодействию, терпимость к социальным и культурным различиям, к другим точкам зрения;
- готовность к популяризации архитектурно-художественного образования в обществе и к педагогической деятельности, проведению занятий по проектно-художественным дисциплинам в общеобразовательных и профессиональных образовательных организациях.

Формирование перечисленных компетенций непосредственно связано с изучением дисциплины «Педагогика и психология», закладывающей и развивающей представления о человеке не только как объекте, но и как о субъекте обучения и воспитания, о путях самовоспитания и самообразования; «Я-концепции» личности, её самосознании и профессиональном самосознании; социализации личности; культуре межличностного, профессионального и межнационального общения; о психолого-педагогических основах обучения, воспитания, творческого развития личности, творческой педагогической деятельности. Формирующее их психолого-педагогическое содержание в соотношении с формируемыми компетенциями описано в [1].

Проведенный нами опрос 60 студентов, изучавших педагогику и психологию по выбору, показал особенности и степень развития их профессионально-личностных представлений и педагогического мышления. Приведём отдельные вопросы и характер ответов на них.

Отвечая на вопрос «Необходимость какого условия обучения подчеркивает мысль Платона “Ни одну науку свободный человек не должен изучать как раб?”», необходимость ненасильственного обучения и личностного смысла учения отметило большинство студентов (40 и 15 чел.

соответственно). При этом незначительная часть студентов отметила в качестве условия желание порадовать своими успехами родителей (4 чел.) и любовь к учителю (1 чел.). При ответе на вопрос «Чем обеспечивается обучение, помогающее найти путь, как добывать знания, когда они нужны?» на самостоятельность в учении указало 55 чел. и 5 – на свободу от педагогического контроля.

В ответах на вопросы о культуре межнационального общения и толерантности все опрошенные высказали свою убежденность в том, что толерантность не требует мириться с тем, что противоречит моральным основаниям, разрушает саму толерантность, что она проявляется во внутренней воспитанности и во внешних отношениях, формируется в рамках отдельной личности, семьи, общества и государства. Следует отметить, что готовность к социальному взаимодействию, терпимость к социальным и культурным различиям, к другим точкам зрения формировались также в процессе изучения курса «Культура межнационального общения», дополненного внеаудиторной работой дискуссионного клуба, базирующихся как на теоретических психолого-педагогических положениях, так и на опыте межнационального взаимодействия студентов [2].

Обращает на себя внимание несколько вольное толкование студентами самовоспитания, хотя, отвечая на вопрос «В чем сущность самовоспитания?», большинство из них (45 чел.) отмечают, что в этом случае человек становится субъектом воспитания, но наряду с теоретическим ответом высказывается мнение, что человек не нуждается в педагогической поддержке (11 чел.), не заинтересован в оценке своих достижений (2 чел.), проявляет педагогический нигилизм (2 чел.).

Ответы на вопрос «Как следует рассматривать контроль и оценку обучения в условиях конкурентного общества?» показывают, что здесь сильно традиционное понимание контроля и оценки и еще не освоенное всеми понимание балльно-рейтинговой системы контроля и оценки для определения конкурентоспособности выпускника на рынке труда. Как способ определения личного рейтинга обучаемого рассматривают контроль и оценку обучения 22 чел., как способ стимулирования учебного труда – 32 чел., как дисциплинарную меру – 5 чел. и как административную меру – 1 чел.

Ответы на некоторые вопросы свидетельствуют о недостаточном умении перевести специальное профессиональное знание в плоскость педаго-

гического мышления. Так, верно отметив, что союз наук и искусств в образовании служит цели гармонического развития человека (59 чел.) и общечеловеческого образования (1 чел.), в то же время, отвечая на вопрос «Какая педагогическая идея заложена в высказывании Платона “Добро прекрасно, но нет ничего прекрасного без гармонии”?», 15 чел. дают ответ: «Красота обусловлена гармонией», хотя следует отметить, что большинству все же удается перевести своё специальное знание в педагогическую плоскость: воспитание человека должно быть гармоничным (45 чел.).

Ряд ответов на вопросы свидетельствует о доминировании в представлении студентов специальной профессионально-деятельностной составляющей. Так, 49 опрошенных считает, что совокупность всех представлений о себе, сопряженная с их оценкой, называется «Я-концепция», и что интегральное психическое образование, являющееся проекцией личностного самосознания в профессию, называется профессиональным самосознанием. Но отвечая на вопрос «Что в структуре профессионального самосознания является ведущим?», студенты в первую очередь называют представление о целях и средствах деятельности (22 чел.) и владение навыками профессиональной деятельности (21 чел.) и только 17 чел. называют «образ Я».

Завершая анализ полученных ответов, следует отметить:

- нацеленность психолого-педагогического содержания архитектурно-художественного образования на формирование предусмотренных компетенций;
- положительный образовательный результат, выражающийся в преобладании в целом верных ответов и суждений по контролируемым позициям, что позволяет оценить степень развития профессионально-личностного сознания и педагогического мышления как достаточную;
- наличие особенностей и издержек профессионально-личностных позиций, можно объяснить

сохраняющимся преобладанием как в профессиональном сообществе, так и в образовательных ориентациях специальных профессионально-значимых доминант.

Последнее убеждает в необходимости дальнейшей гуманитаризации архитектурно-художественного образования, перевода его в личностный план. Все вышеизложенное свидетельствует о том, что изучение педагогики и психологии служит для этого эффективным условием.

Литература

1. Карпова Г.Ф. Дисциплины психолого-педагогического цикла в формировании компетенций в ФГОС нового поколения // Образовательная среда технического университета: проблемы, инновации, перспективы: сб. науч. ст. по проблемам высшей школы. Новочеркасск, 2012. С. 63–68.
2. Марченко А.П., Карпова Г.Ф. Развитие толерантности молодежи в образовательном пространстве Юга России // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2012. № 2. С. 103–107.

References

1. Karpova G.F. [The psychologist and pedagogical cycle disciplines in the formation of the Federal State Educational Standard Competences of a new generation]. *Obrazovatel'naya sreda tekhnicheskogo universiteta: problemy, innovatsii, perspektivy* [Educational environment of a technical university: problems, innovations, prospects]: Collection of scientific articles on the problems of the higher school. Novocherkassk, 2012, pp. 63-68.
2. Marchenko A.P., Karpova G.F. *Razvitie tolerantnosti molodezhi v obrazovatel'nom prostranstve Yuga Rossii* [Development of tolerance of youth in educational space of the South of Russia]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki*, 2012, no 2, pp. 103-107.

СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЕ СТРАТЕГИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

© 2015 г. Е.В. Стаканова, Е.В. Толстихина

Стаканова Елена Викторовна –
кандидат психологических наук,
старший преподаватель, кафедра английского языка
гуманитарных факультетов,
Институт филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южного федерального университета,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: sevicanna@gmail.com

Stakanova Elena Viktorovna –
Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer,
Department of English Language
of Humanitarian Faculties,
Institute of Philology, Journalism
and Intercultural Communication
of the Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: sevicanna@gmail.com

Толстихина Елена Владимировна –
кандидат философских наук,
старший преподаватель, кафедра английского языка
гуманитарных факультетов,
Институт филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южного федерального университета,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: ufu.helen@mail.ru

Tolstikhina Elena Vladimirovna –
Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer,
Department of English Language
of Humanitarian Faculties,
Institute of Philology, Journalism
and Intercultural Communication
of the Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: ufu.helen@mail.ru

Проблема эффективного обучения иностранному языку обусловлена преобразованиями, затронувшими современное образование России. Общие тенденции этих изменений характеризуются отходом от жестко регламентированных методов обучения к новым технологиям, ориентированным на смыслообразование личности. Делается акцент на коммуникативных и смыслообразующих стратегиях, формирующих у студентов потребности и умения самостоятельно познавать язык, совершенствовать свои знания при совокупности языковых средств и речевых приемов для достижения намеченной цели общения. Обучение иностранному языку с использованием смыслообразующих стратегий должно быть направлено на формирование глубинных индивидуальных смыслов, позволяющих осознать значимость иностранного языка в будущей профессиональной деятельности студентов.

Ключевые слова: смыслообразующая стратегия, коммуникативная стратегия, мотивация, иностранный язык, анкетирование.

The problem of effective foreign language teaching is due to the transformations in contemporary education in Russia. General trends of these changes are characterized by shifting from the strictly regulated teaching methods to new technologies aimed at the semantic sphere of the personality. Within the framework of foreign language one should focus on the communicative and sense-creative strategies shaping the students' needs and their ability to learn the language, to improve their knowledge. The recommendations made as a result of this study detect the impact of sense technologies on the foreign language learning. The article concludes that a foreign language teaching should be aimed at creating a deep personal meaning, realizing the importance of foreign language in students' future careers.

Keywords: sense-creative technology, communicative technology, motivation, foreign language, questionnaires.

В настоящее время в системе высшей школы происходят существенные изменения в области изучения иностранного языка. Общие тенденции этих изменений характеризуются отходом от жестко регламентированных методов обучения к новым технологиям, ориентированным на смыслообразование личности.

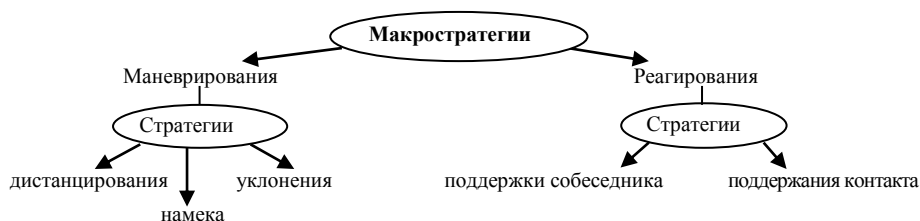
Каков наиболее эффективный путь обучения иностранному языку? Какой выбрать метод обучения, который помог бы преодолеть традиционное выполнение студентами заучивания? В этом контексте на первый план выходят смыслообразующие

стратегии, нацеленные на развитие интереса, мотивации, активность студентов, самостоятельность, функциональную грамотность в профильной сфере применения иностранного языка, развитие креативности, самореализацию и социализацию студентов, получение речевых продуктов, приращение знаний, навыков и умений.

Понятно, что нельзя заставить человека свободно общаться на иностранном языке. Важно создать такие условия, чтобы общение стало необходимым, чтобы студент захотел говорить не для получения хорошей оценки, а просто потому, что

ему интересно, чтобы для него коммуникация стала потребностью. При этом надо учитывать и естественный страх человека перед говорением на иностранном языке. Преодоление существующего психологического барьера, а также комплекса внутренней зажатости – одна из задач смысловых технологий.

Для реальных изменений в современном высшем образовании необходимо не только изменить образовательные цели на личностно-ориентированные, сделать более приближенным к жизненному миру обучаемых и их ценностям содержание образования, но и обязательно переосмыслить и переработать существующую систему образовательных технологий, так как именно они определяют динамическую специфику (механизм) всего обучения [1].

Коммуникативные стратегии в изучении иностранного языка

Сами названия стратегий, образующих первую группу – *дистанцирование, уклонение и намёк*, отражают характерные черты англоязычной коммуникации: высокоразвитые возможности вербального *маневрирования и лавирования, уклонение* от прямолинейности и *иносказательность* высказываний. Если макростратегия *маневрирования* ориентирована на любого из говорящих, то макростратегия *реагирования* адресована преимущественно слушающему, т.е. «второму говорящему», который, не перехватывая инициативы, «заполняет паузы», оживляя беседу отдельными репликами и выполняя свою основную функцию – поддержать главного говорящего, не допуская возникновения неловкого молчания. Каждая из коммуникативных стратегий имеет в английском языке характерное лингвистическое оформление, отражая специфику *социокультурного* подхода к коммуникации.

Идея *смысловозжизненной* стратегии исторически связана с проблемой мотивации [4, 5] и находит свое подтверждение в исследованиях о соотношении типа ценностей личности и ее успешности, о своеобразном отношении к деятельности, жизни и особенном мировосприятии. Она представляет собой частный случай более глобального, интегрального образования – смысловозжизненной

Говоря о стратегии, обычно имеют в виду своеобразный мыслительный акт, построение в уме реальности возможного действия. Иногда речь идет о бессознательных механизмах возникающих действий. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова определяют стратегию как «искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах» [2]. В рамках иностранного языка Ю.Б. Кузьменкова постулирует, что **коммуникативная стратегия** – это совокупность языковых средств и речевых приемов для достижения намеченной цели общения. Группы стратегий, определяемые с учетом таких факторов, как речевая ситуация и цель общения, социальный статус собеседников, она обобщенно представляет следующим образом (схема) [3].

концепции личности, ее динамическую проекцию на конкретные условия повседневной жизни.

Т.В. Столина считает, что **смысловозжизненная концепция** – это «индивидуальная обобщенная система взглядов на цели, процесс и результат своей жизни. В основе этой концепции лежат ценности и потребности, отношения и конструкты конкретной личности» [6]. Таким образом, можно сказать, что смысловозжизненная концепция – это стержневая направленность личности, ее смысл жизни. Она содержит в себе те жизненные смысловые универсалии, те ценности, которые и составляют основу личности. Стратегии характеризуются различными качествами. Оптимальными следует признать те стратегии, когда студент, принимая в себе положительные и отрицательные качества, тем не менее ставит реальные задачи личностного роста, стремясь к самореализации, построению своего жизненного пути и внутреннего мира.

Материалы и методы исследования

В эксперименте приняли участие 150 студентов 1-го и 2-го курсов направления «психология», изучающих английский язык. 1-я группа – контрольная, 2-я – экспериментальная, 3-я – эталонная (бу-

дущие переводчики-референты с высоким уровнем владения английским языком).

Для исследования мотивации к изучению иностранного языка использовалась методика «Смыслообразующие стратегии в изучении иностранного языка», опросник Д. Брауна «Стратегии изучения английского языка», вопросник Харриса.

Результаты исследования и их обсуждение

С помощью анкеты «Смыслообразующие стратегии в изучении иностранного языка» [7] можно проследить развитие профориентационных устремлений студентов, их рефлексии, самооценки. Анкета позволяет определить уровень развития у студентов умений самостоятельно организовывать свое обучение, использовать эффективные приемы учения, умение взаимодействовать в группе, с преподавателем.

Анкета включает в себя 3 блока, состоящих из различных утверждений. Респондентам нужно указать, какие действия они совершают часто (2 балла), редко (1 балл), никогда (0 баллов). Анализ анкеты происходит путем подсчитывания баллов по каждой категории и определения доминирующих когнитивных и смысловых стратегий студентов.

I. Метакогнитивные стратегии (умение организовать свое обучение)

1. Когда я читаю текст на английском языке, в первый раз я читаю быстро, не задерживаясь на деталях; во второй раз я читаю внимательно.
2. Когда я читаю текст на иностранном языке, я стараюсь сначала понять главную мысль до того, как обращусь к словарю в поиске неизвестных слов.
3. Я контролирую своё произношение, когда читаю вслух, и стараюсь его исправить по мере необходимости.
4. Я стараюсь избегать ошибок, когда говорю на иностранном языке.
5. Я стараюсь найти повод попрактиковаться в языке.
6. Я стараюсь найти повод как можно больше читать на иностранном языке.
7. Если это возможно, я стараюсь смотреть телевизионные передачи на иностранном языке.
8. Я всегда говорю на иностранном языке с людьми, для которых этот язык является родным.
9. Если я слышу речь на английском языке, я прислушиваюсь, для того чтобы понять, о чем речь.
10. Я задумываюсь о том, как мне достичь успехов в иностранном языке.

11. Я планирую своё время так, чтобы каждый день иметь время для занятий английским языком.

12. Я чётко определяю цель, когда занимаюсь английским языком.

13. Я стараюсь фиксировать мои успехи в английском языке.

14. Когда мне приходится общаться на английском языке, я заранее планирую то, что я скажу.

II. Когнитивные стратегии (умение учиться использовать эффективные приёмы учения)

1. Я мысленно отвечаю на вопросы преподавателя даже тогда, когда он не спрашивает меня.
 2. На каждом уроке я записываю новые слова и проверяю, как я их запомнил(а).
 3. Я стараюсь найти ассоциации между новыми словами и тем, что я уже знаю.
 4. Я стараюсь использовать новые слова, когда отвечаю на уроке.
 5. Когда я ищу новое слово в словаре, я читаю все примеры, которые иллюстрируют использование слова.
 6. Часто я догадываюсь о значении слова или выражения по контексту.
 7. Когда я учу новые слова и выражения, я повторяю их вслух.
 8. Я вспоминаю о значении нового слова и выражения, представляя, в какой ситуации оно может быть использовано.
 9. Я часто пересматриваю свои записи, сделанные на уроках английского языка.
 10. Я ищу сходство и специально обращаю внимание на то, какие слова известных мне языков похожи друг на друга.
 11. Я стараюсь понять значение нового слова, деля его на части, значения которых мне известны.
 12. Я стараюсь не переводить дословно.
 13. Когда я не понимаю значение нового слова, я стараюсь его угадать.
 14. Когда я не могу вспомнить слово, которое мне требуется, я употребляю слово, близкое по значению.
 15. Мне удаётся понять, о чем мне говорят, по мимике и жестам собеседника.
 16. Когда я ищу слово в словаре, я стараюсь произнести его вслух.
- #### **III. Социоаффективные стратегии (умение взаимодействовать в группе, с преподавателем)**
1. Когда я не понимаю объяснения преподавателя, я прошу его повторить или объяснить ещё раз.
 2. Когда я не знаю, как выразить мысль на английском языке, я прошу преподавателя или друга помочь мне.

3. Если я не уверен(а), что то, что я сказал(а) на английском языке, правильно, я переспрашиваю собеседника.

4. Я стараюсь имитировать речь носителя языка.

5. Я стараюсь собраться или расслабиться, когда мне нужно говорить на английском языке.

6. Я обсуждаю с близкими свои проблемы, касающиеся изучения иностранного языка.

7. Я стараюсь говорить на английском языке, даже если я знаю, что допускаю ошибки.

8. Я стараюсь не нервничать, когда я говорю на английском языке или выполняю задание преподавателя.

9. Я прошу у преподавателя или у тех, кто хорошо говорит на английском языке, поправлять меня по мере необходимости.

10. Когда я не понимаю обращённую ко мне речь на английском языке, я прошу повторить или говорить медленнее.

11. Я говорю на английском языке с другими студентами.

12. Я стараюсь начать беседу с носителями языка, как только для этого представляется случай.

По результатам данной анкеты можно сделать следующие выводы.

В экспериментальной группе по метакогнитивным стратегиям у участников были выявлены ярко выраженное желание совершенствовать навыки изучения английского языка, высокая самоорганизация при планировании своего времени, способность ставить задачи личностного роста.

По **когнитивным стратегиям (0–20,3)** было отмечено развитие логического мышления, способность наиболее полно использовать свои таланты и возможности в изучении английского языка.

Социоаффективные стратегии (0–15,6) выражались в способности ориентироваться не на мнение других, а на свой опыт, в прислушивании к собственной интуиции, готовности отстаивать свои позиции, независимые от других.

В контрольной группе по метакогнитивным стратегиям студенты показали почти равный результат с экспериментальной группой. Это подтверждает тот факт, что все студенты стараются в какой-то мере эффективно изучать английский язык и умение организовывать свое обучение. Однако студентам контрольной группы труднее организовать мотивационную активность, представляющей собой умение мобилизовать усвоенный языковой материал в конкретных коммуникативных целях. Их усилия в основном нацелены на выполнение домашних заданий по английскому языку, чтобы добиться успеха в его овладении.

Когнитивные стратегии студентов контрольной группы связаны с такими психологическими конструктами, как развитие памяти, мышления. Им труднее оценить личностный опыт взаимодействия с английским языком, так как этот опыт нужно эксплицировать, т.е. перевести в вербальную форму. Они больше всего внимания уделяют текстам и работе над грамматикой, т.е. используют стратегию текстуально-переводного метода.

Социоаффективные стратегии. Трудности связаны с боязнью допустить ошибку и переспросить непонятый материал. Все это оказывает косвенное влияние на процесс и результаты изучения английского языка. Слабо проявляется наличие самоконтроля, который должен осуществляться для предотвращения ошибок.

В эталонной группе по метакогнитивным стратегиям было выявлено владение рациональными приемами получения информации из иностранных источников и использовании её в практике, что, безусловно, повышает мотивацию учебного процесса и способствует выработке навыков самообразования, формированию творческой активности и автономности студентов.

Когнитивные стратегии эксплицитно выражены в профессионально-ориентированном обучении, максимальном сближении английского языка с профильными дисциплинами, пониманием прикладного назначения иностранного языка.

Социоаффективные стратегии свидетельствуют о высоких показателях взаимодействия в группе, саморегуляции, самооценки. Как свидетельствуют экспериментальные данные, английский язык является важным фактором успешности в профессиональном самоопределении.

Далее был апробирован опросник Д. Брауна «Стратегии изучения английского языка» [8]. Опросник состоит из 10 утверждений, раскрывающих различные точки зрения на изучение английского языка. Напротив каждого предложения студент должен поставить соответствующие буквы (A, B, C, D) и пояснить выбранное решение. Буквы обозначают: **A – очень сильно мне импонирует; B – согласен; C – скорее согласен, чем нет; D – не согласен.** Анализ анкеты осуществляется путем подсчета соответствующих букв и причин выбранного решения.

С помощью данного опросника можно понять, смогут ли студенты самостоятельно изучать и в дальнейшем использовать английский язык в их повседневной жизни и профессиональной деятельности. Проанализировав результаты опросни-

ка, необходимо выделить главные стратегии в изучении английского языка:

- уверенность в себе, в своих силах;
- развитие внутренней мотивации;
- вовлеченность в групповую работу;
- использование интуиции, внимания и других когнитивных процессов;
- ориентация на саморазвитие и саморегуляцию.

Опросник Дугласа Брауна «Стратегии в изучении английского языка»

English Learner Strategies

Rate these statements A, B, C, D according to how far you agree with each of them. Note your reasons and any evidence to support your decisions.

A – Agree Strongly; B – Agree; C – Don't really agree; D – Disagree

1. You can learn to speak a foreign language quite well without lessons.
2. Many secondary students who have studied a foreign language leave school unable to communicate in it.
3. Learners often go on making the same error even after being corrected many times.
4. If students learn the rules of grammar they are quickly able to use them.
5. You must use the language freely to learn to speak it, even if you make a lot of errors.
6. Teachers should always correct student errors.
7. Reading widely is one of the best ways to learn another language.
8. People of all intellectual abilities can successfully learn another language.
9. The younger you are the better you will learn another language.
10. Extroverts make better language learners.

Студентам была предложена «Анкета по выявлению особенностей смысловорегуляции в процессе изучения английского языка» [10, 11] из четырех блоков. В первый блок входят вопросы, требующие изложения своей точки зрения и аргументированного обоснования.

1. Какие языки вы изучали? Насколько хорошо вы можете на них читать, писать, говорить?
2. Какой язык наиболее труден для изучения и почему?
3. Что наиболее трудно в изучении английского языка по вашему мнению?
4. Для каких целей вы хотите улучшить знание английского языка (например, для работы, путешествия, удовольствия, и т. д.)?
5. Какой самый лучший способ выучить английский язык?

6. Вы любите слушать музыку на других иностранных языках? Вы стараетесь понять слова?

7. В каком возрасте вы начали изучать английский язык? Влияет ли возраст на способность к изучению иностранного языка?

8. Что вы делаете самостоятельно для овладения иностранным языком?

Второй блок составляют вопросы, традиционно используемые в психологических экспериментах для изучения памяти. Обучаемому предлагается перечень вопросов с заданием (*часто, иногда, никогда. Нужно подчеркнуть.*)

1. Какой материал вы запоминаете лучше: внимательно прочитанный или прослушанный?
2. Как вы усваиваете материал: при многократном устном повторении или при письменном?
3. Какой материал вы легче запоминаете: конкретный или отвлеченный?
4. Как часто остаются в вашей памяти не обращенные к вам слова?

Содержание третьего блока составляют вопросы, обращенные к индивидуальному опыту изучения иностранного языка.

1. Учитывая ваш опыт изучения иностранного языка (если он был), скажите, какое количество повторений вам необходимо, чтобы запомнить слово? (1,5,10,15,...)
2. При каких условиях вы усваиваете иноязычный материал лучше:
 - а) при многократном устном повторении;
 - б) при повторении, сопровождающемся письменными опорами.
3. Какими приемами запоминания вы пользуетесь:
 - а) ассоциации (по контрасту, сходству с русским словом или словами другого иностранного языка);
 - б) группировка слов по теме, частям речи, стилистической окраске;
 - в) использование слов в контексте (придумывание собственных предложений, высказываний, комментирование своих действий с помощью изученных слов) и т.д.

При ответах на вопросы требуется подчеркнуть нужный вариант и внести дополнения, если необходимо.

Четвертый блок (диагностирующий) представляет собой опытную проверку ответов на вопросы первых двух блоков. В него входят задания, направленные на те же объекты, что и в предыдущих блоках.

1. Преподаватель зачитывает 10 слов. Затем учащимся предлагается воспроизвести их пись-

менно. Подсчитывается количество правильно написанных слов.

2. Зрительно предъявляются 10 слов. Задача такая же, что и в предыдущем случае.

3. Зрительно предъявляются 10 слов. Из них преподаватель зачитывает только те, которые описывают, например, внешность. Предлагается воспроизвести все остальные слова.

4. Предъявляются 10 слов на карточках с переводом. Предлагается сгруппировать их по любому признаку, который облегчит их запоминание (хронологический, пространственный, проблемный, по сходству, контрасту и т.д.).

5. Предъявляются 10 слов на карточках с переводом. Предлагается составить рассказ, нарисовать схему или картинку для их запоминания. Проверяется воспроизведение.

После каждого утверждения поставьте варианты: *часто, редко или никогда*.

Для изучения самоконтроля использовался адаптированный вопросник М. Харриса [12]. В соответствующих вопросах напишите «да», если вы размышляли об этом, и «нет», если вы об этом не задумывались.

Думаете ли Вы о том, ...?

1) как Вы общаетесь на изучаемом языке в определенной ситуации (например, когда принимаете участие в дискуссии);

2) что общение на иностранном языке иногда идет очень легко и эффективно, а порой Вы едва можете что-либо сказать;

3) почему в одних ситуациях (например, при непосредственном общении) Вы понимаете собеседника, а в других (например, по телефону) – не понимаете;

4) почему одних людей Вы понимаете легко, а других – с трудом;

5) какие наиболее типичные ошибки встречаются в Вашей речи на изучаемом языке (грамматические, лексические, произносительные);

6) какой грамматический материал Вы считаете наиболее сложным;

7) какие звуки Вам трудно произносить;

8) какие новые слова Вам было бы полезно изучить;

9) как много Вы изучили за занятие или в течение недели;

10) каких успехов Вы достигли в изучении иностранного языка;

11) какой из следующих аспектов требует от Вас наибольшего внимания: слушание, говорение, чтение, письмо, грамматика, лексика, произношение;

12) как Вы могли бы организовать свою самостоятельную работу и самосовершенствоваться.

Таким образом, благодаря смыслообразующим стратегиям мы меняем приоритеты и формируем смысло-ориентированный подход, суть которого состоит в том, чтобы поставить студента в условия, вызывающие в нём внутреннюю потребность в получении знаний; когда активизируется и стимулируется процесс осмысливания учения, развивается саморегуляция, осознается понимание того, что с помощью иностранного языка можно актуализировать не только познавательную мотивацию, но и мотивацию саморазвития.

Литература

1. *Абакумова И.В.* Обучение и смысл: смыслообразование в учебном процессе. Ростов н/Д., 2006. 480 с.
2. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.
3. *Кузьменкова Ю.Б.* От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян. М., 2005. 316 с.
4. *Маркова А.К., Матис Т.А., Орлов А.Б.* Формирование мотивации учения. М., 1990. 192 с.
5. *Мильман В.Э.* Внутренняя и внешняя мотивация учебной деятельности // Вопросы психологии. 1987. № 5.
6. *Столина Т.В.* Смысло-жизненная концепция и агрессивность учащихся-подростков: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2002. 20 с.
7. *Стаканова Е.В.* Психологические особенности смысловой саморегуляции студентов при изучении иностранного языка как смыслообразующего контекста: дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д., 2006.
8. *Brown H.D.* Teaching by Principles. L., 2007. 491 p.
9. *Petty G.* Teaching Today. L., 2004. 562 p.
10. *Scrivener J.* Learning Teaching. Oxford, 2009. 435 p.
11. *Pritchard A.* Ways of Learning. N.Y., 2009. 124 p.
12. *Harris M., McCann P.* Assessment. Oxford, 1994. 96 p.

References

1. *Abakumova I.V.* *Obuchenie i smysl: smysloobrazovanie v uchebnom protsesse* [Teaching and Meaning. Sense-creation in the Learning Process]. Rostov-on-Don, 2006, 480 p.
2. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Language]. Moscow, 1992.
3. *Kuz'menkova Yu.B.* *Ot traditsii kul'tury k normam rechevogo povedeniya britantsev, amerikantsev i rossiyan* [From the Cultural Traditions to the Norms of Speaking

Habits of the British, the Americans and the Russians]. Moscow, 2005, 316 p.

4. Markova A.K., Matis T.A., Orlov A.B. *Formirovanie motivatsii ucheniya* [Forming Motivation to Learning]. Moscow, 1990, 192 p.

5. Mil'man V.E. Vnutrennyaya i vneshnyaya motivatsiya uchebnoi deyatel'nosti [Intrinsic and extrinsic motivation]. *Voprosy psikhologii*, 1987, no 5.

6. Stolina T.V. *Smyslozhiznennaya kontsepsiya i agressivnost' uchashchikhsya-podrostkov: avtoref. dis. ...* kand. ped. nauk [Sense-Vital Concept and Teenage Aggression]. Saint Petersburg, 2002, 20 p.

7. Stakanova E.V. *Psikhologicheskie osobennosti smyslovoi samoregulyatsii studentov pri izuchenii in-*

ostrannogo yazyka kak smysloobrazuyushchego konteksta: dis. ... kand. psikhol. nauk [Psychological Peculiarities of Sense Regulation when Learning a Foreign Language as a Sense Creative Context]. Rostov-on-Don, 2006.

8. Brown H.D. *Teaching by Principles*. London, 2007, 491 p.

9. Petty G. *Teaching Today*. London, 2004, 562 p.

10. Scrivener J. *Learning Teaching*. Oxford, 2009, 435 p.

11. Pritchard A. *Ways of Learning*. New York, 2009, 124 p.

12. Harris M., McCann P. *Assessment*. Oxford, 1994, 96 p.

Поступила в редакцию

30 мая 2015 г.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

III Международная научно-практическая конференция «Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации» (Ростов-на-Дону, 17–18 сентября 2015 г.)

Уже в третий раз Ростовский государственный университет путей сообщения принял известных отечественных специалистов в области рекламы и PR, а также теоретиков и практиков гуманитарной сферы деятельности: филологов, социологов, культурологов, философов, журналистов.

Конференция «Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации», ставшая ежегодной, проводится по инициативе кафедры массовых коммуникаций и прикладной лингвистики гуманитарного факультета РГУПС при поддержке Ростовского областного отделения Союза журналистов России.

В работе конференции приняли участие крупные ученые и общественные деятели из различных регионов России. Среди них представители столичных, федеральных и классических университетов: М.В. Шкондин (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), Г.Ю. Богданович, А.Н. Шилина и Н.В. Яблоновская (Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь), Ю.А. Головин (Московский государственный институт культуры), Л.И. Демина (Кубанский государственный университет, г. Краснодар), П.Н. Киричек (Международный университет природы, общества и человека, г. Дубна), О.Е. Коханая (Московский гуманитарный университет), А.Н. Садовой (Сочинский научно-исследовательский центр РАН), Г.М. Соловьев (Кубанский государственный университет, г. Краснодар).

В первый день конференции на расширенном пленарном заседании прозвучали доклады по заявленной проблематике, в том числе организаторов и координаторов этого масштабного научно-практического мероприятия – В.В. Смеюхи и М.А. Кравченко (Ростовский государственный университет путей сообщения). В прозвучавших

докладах прослеживалась приоритетность актуализации насущных вопросов состояния современного общества. Научный подход, глубокий анализ и осмысление закономерностей и явлений сферы рекламы и PR, связанных с развитием и изменением форм в медиапространстве, определили основной вектор работы конференции в целом.

Во второй день прошли заседания секций, объединивших специалистов различных отраслей знания, представителей многих вузов, в том числе Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону), Астраханского и Воронежского государственных университетов, журналистов, работников административного корпуса. Состоялся полезный конструктивный диалог ученых и общественных деятелей, обозначивших свою точку зрения по многим злободневным вопросам и проблемам, связанным с современным состоянием рекламы, PR, массмедиа. Содержание большинства прозвучавших докладов со всей очевидностью было смещено в просветительскую плоскость и, благодаря этому, вызвало живой интерес слушательской аудитории. В процессе обмена мнениями четко отражалась как основная и насущная обострившаяся проблема необходимости социальной гуманизации, восстановления и укрепления связей с традиционной культурой, в первую очередь с духовными отечественными ценностями.

Необходимо отметить нарастающую заинтересованность самих организаторов и участников в укреплении межрегиональных связей и актуализации гуманитарно-общественной, просветительской составной данного сотрудничества. Отрадно, что с каждым годом в число участников конференции все больше прибывает молодых исследователей. Свидетельством тому является работа секции молодых исследователей, а также проведение мастер-классов ведущими отечественными специалистами.

Г.Л. Черюкина

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Анализ политических репрессий на Северном Кавказе в 20–30-е годы XX века (Эльбуздукаева Т.У. Политические репрессии на территории Чечни и Ингушетии в 1920–1930-е годы. Махачкала, 2015. 840 с.)

В современной Чеченской Республике Тамара Умаровна Эльбуздукаева, научный сотрудник Академии наук Чеченской Республики, является, на наш взгляд, одной из самых талантливых и работоспособных профессиональных историков. Недавно она выпустила огромный фолиант на актуальную тему: «Политические репрессии на территории Чечни и Ингушетии в 1920–1930-е годы».

Как показывает пример Кавказа, коллективные травмы прошлого в условиях современных политических кризисов и военных конфликтов легко активизируются и политизируются, что на руку разного рода экстремистам. Наличие подобных явлений ставит на повестку дня более глубокое изучение сталинской репрессивной политики, широкую популяризацию научных достижений по данной проблематике, чтобы способствовать преодолению стереотипов советского идеологического и политического наследия.

Монография состоит из введения, восьми глав, заключения, библиографии и приложения.

Научная новизна исследования заключается в комплексной реконструкции и конкретно-историческом анализе мероприятий и особенностей репрессивной политики в Чечено-Ингушской АССР в 20–30-е гг. XX в.

В 1-й главе «Историография репрессий 1920–1930-х гг. на территории Чечни и Ингушетии», состоящей из трех параграфов, дается подробный анализ историографии репрессий указанного периода; новейшей отечественной и зарубежной историографии; источниковой базы исследования.

Следует подчеркнуть, что обращение к опубликованным и неопубликованным первоисточникам помогло автору определить собственное мнение по спорным проблемам, а также сформулировать историографические задачи, опираясь на современные достижения исторической науки и глубокий анализ уникальных архивных документов, что должно привлечь внимание к исследованию не только специалистов, но и широкие круги читающей публики.

В главе 2 «Правовая база и механизм террора в 20–30-е гг. XX в. и ее региональный аспект» раскрывается государственно-правовая база террора. Автор приходит к выводу, что механизм репрессий был создан государством, а партийное руководство использовало его в качестве средства для политического, экономического, социального и иного регулирования жизни общества. В исследовании приводится анализ сущности коммунистического терро-

ра, который был неизбежен, «поскольку насилие на государственном уровне было единственным способом удержать власть» (с. 65). Этот вывод представляется спорным, однако право на него остается за автором. Хотя большинство советских людей, в том числе и на Северном Кавказе в 30-е гг. XX в. поддерживали директивы советской власти и правительства страны. Можно согласиться с автором, когда она утверждает, что «правовым основанием для массовых репрессий служили указания, директивы, декреты центральных партийных и советских органов, а также ведомственные административные правила, с помощью которых функционировала репрессивная машина» (с. 66). С 1922 по 1928 г. в нашей стране лишали избирательных прав тех, кто не поддерживал советскую власть. Этот принцип как один из критериев деления общества на категории трудящихся и нетрудящихся был закреплен в Конституции РСФСР 1918 г. Отталкиваясь от этой конституционной установки, автор утверждает, что «в дальнейшем лишение избирательных прав рассматривалось, как дополнительный вид репрессии, который одновременно мог рассматриваться, как условия применения к лицу политических репрессий» (с. 67).

Глава 3 «Разоружение Чечни» состоит из двух параграфов: «Разоружение Чечни в начале 1920-х гг. Операция по разоружению 1925 года» и «Разоружение Чечни в годы коллективизации». Т.У. Эльбуздукаева считает, что наличие перманентного военно-политического напряжения в регионе формировало атмосферу недоверия между центром и местными органами власти. Это привело, с одной стороны, к увеличению доли представителей некоренного народа во властных структурах, а с другой – к увеличению роли военной администрации и органов НКВД в поддержании внутренней стабильности в регионе. Мобилизации и различного рода реквизиции продовольствия, которые проводились Добровольческой армией генерала А.И. Деникина, сменились продразверсткой и борьбой с «буржуазно-националистическими, кулацкими мятежами», «религиозными предрассудками», которые навязывались, как известно, Советским государством. Такая внутренняя политика не могла не привести к восстаниям против советской власти уже в первые годы социалистического строительства (с. 95).

Антисоветские выступления охватывали не только отдельные населенные пункты, но и целые районы. Сопrotивление новым властям, как правило, организовывали влиятельные деятели мусуль-

манского духовенства, которых активно поддерживали бывшие крупные землевладельцы, представители дворянского сословия и различного рода носители авторитетных фамилий, как, например, внук Шамиля Саид-Бек или известный предводитель антисоветских сил Дагестана и Чечни Н. Гочинский, поднявший в сентябре 1920 г. со своими сподвижниками мятеж в горных районах Чечни и северной части Дагестана. Приводятся убедительные статистические данные о большом количестве вооруженных боевиков и кавалеристов, которые имели хорошее вооружение, начиная от винтовок и заканчивая крупными орудиями. В отрядах мятежников было немало инструкторов из Турции, Великобритании и других государств. Проводя аналогию между тем, что было тогда и в 90-е гг. XX в. на Северном Кавказе, легко можно убедиться, причем на проверенных фактах, что как только многонациональный и многоконфессиональный регион начинает испытывать нестабильность, проблемы с сепаратизмом и экстремизмом, появляются иностранные «инструктора», различного рода «добровольцы», денежные вознаграждения для тех, кто борется за отторжение Северного Кавказа от России. Это стало зловещей закономерностью. Впрочем, это называется по другому – геополитикой.

Большое внимание автор уделяет коллективизации сельского хозяйства на Северном Кавказе, которая во многом нарушила вековой уклад жизни горцев, вызвала острое недовольство в различных слоях чеченского и ингушского общества.

Глава 4 «Репрессии в отношении терских казаков» состоит из двух параграфов: «Расказачивание на Тереке в период Гражданской войны (1918–1920-х гг.)» и «Антиказачья политика советской власти в 20–30-е гг. XX в. Частичная реабилитация казаков». Большое удовлетворение доставляет то, что чеченская исследовательница, которая прекрасно понимает, что такое депортация народов, в том числе чеченского в 1944 г., обращает пристальное внимание на причины, характер и последствия депортации терских и сунженских казаков. Решение об этом, как известно специалистам, было принято органами советской власти и непосредственно Г.К. Орджоникидзе в годы Гражданской войны. На основе анализа документов, автор приходит к выводу, что, выселив казаков, областная большевистская власть не смогла обеспечить полностью нормального существования и переселенцев-горцев (в основном чеченцев и ингушей). Хотя справедливости ради необходимо подчеркнуть, что в результате выселения из области казаков жизнь горцев, остро нуждавшихся в земельных участках, стала заметно лучше. Из архивных документов и других уникальных источников явствует, что земельный вопрос на Северном Кавказе решался чрезвычайно сложно, с исключительными противоречиями, доходившими до человеческой крови. Исследователь верно под-

мечает, что несмотря на многомиллионное «прореживание» и фактическое уничтожение общины, идеологического уравнивания в казачьей среде, большевистскому режиму полностью уничтожить казачий дух, в целом казачество не удалось. Казачество за два десятилетия после Гражданской войны не растворилось в окружающем постреволюционном этническом замесе, сохранило устойчивые элементы самосознания, и уже в постсоветское время мы стали очевидцами настоящего возрождения казачества, в том числе и на Северном Кавказе. Хотя еще в октябре 1920 г. Г. К. Орджоникидзе докладывал В. И. Ленину, что 18 станиц с 60-тысячным населением выселено с Терека и в результате «станции Сунженская, Тарская, Фельдмаршальская, Романовская, Ермоловская и другие нами освобождены от казаков и переданы горцам – ингушам и чеченцам» (См.: Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи. Том 1. М., 1956. С. 76, 131, 193).

Глава 5 «Раскулачивание крестьянских хозяйств» состоит из двух параграфов: «От кооперации к форсированной коллективизации» и «Политика раскулачивания и ее особенности в Чечено-Ингушетии». Автор, проанализировав сотни различных документов, архивных источников, газетных статей не только 20–30-х гг. XX в., но и постсоветского периода, воспоминаний участников событий почти столетней давности, приходит к выводу, что кампания по «раскулачиванию» преследовала откровенно репрессивные и конфискационные цели. Решая ближайшие прагматические задачи и подвергая крестьян высылке, власти не очень заботились о дальнейшей судьбе репрессированных. Реакция на политику объединения в колхозы и обобществления крестьянского имущества была в основном отрицательной во многих районах страны, в том числе и на Северном Кавказе. Неприятие коллективизации значительной частью населения выразилось в самой крайней форме проявления недовольства – в форме вооруженных выступлений. В Чечне и Ингушетии обстановка обострилась с началом кампании сплошной коллективизации. В ходе ее во всей стране в 1928 – 1932 гг. шла ожесточенная борьба с антиколхозными элементами, которые объединились с антисоветскими силами и вели ожесточенную борьбу с государственной властью. В такой сложной обстановке происходило жестокое подавление антисоветских выступлений крестьян и на Северном Кавказе, в частности в Чечне и Ингушетии. В исследовании подчеркивается, что теоретическим оправданием массовых репрессий того периода послужила так называемая концепция большевистской партии об обострении классовой борьбы в СССР по мере продвижения страны к социализму. Данная концепция оказалась неверной и послужила причиной многих бед и трагедий.

Глава 6 «Большой террор 1937–1938 гг.», состоящая из двух параграфов, раскрывает общие тенденции его осуществления. Автор считает, что все пото-

ки террора были направлены на достижение цели, поставленной Сталиным, а именно: на ликвидацию всех категорий граждан, которые якобы представляли собой потенциальную опасность для режима, особенно в условиях опасности новой войны (на это указывают новые документы, появившиеся в последнее время). Охарактеризовав коротко каждого руководителя НКВД, дав им в целом объективную оценку, автор уделяет внимание объединению Чеченской и Ингушской автономных областей в единую Чечено-Ингушскую автономию (с. 252). В начале декабря 1936 г. в Москве завершил работу VIII Чрезвычайный съезд Советов, принявший вторую Конституцию СССР (сталинскую), по которой автономия чеченцев и ингушей была повышена. Чечено-Ингушская автономная область официально стала называться Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республикой. Это было реальное повышение статуса автономии и поэтому вряд ли допустимо называть ее «номинальным повышением», как это делает автор на с. 252. Конечно, все республики в СССР, включая даже союзные, ставшие с развалом Советского Союза в 1991 г. независимыми государствами, в определенном смысле имели номинальный характер государственности. Тем не менее даже такая государственность, разумеется, должна поощряться по сравнению с тем, когда целые народы, даже миллионные, не имеют никакой государственности и самостоятельности. В этой связи хотелось бы провести аналогию между национально-государственным строительством в СССР с тем общественно-политическим состоянием, которое переживает Украина. Если бы в Донецкой и Луганской областях Украины имели что-либо из той «номинальной» государственности, которую имели советские автономии, в том числе и Чечено-Ингушская АССР, то не было бы кровопролития и фактически геноцида русскоязычного населения. Автор справедливо подчеркивает, что приказы Н.И. Ежова по проведению массовых репрессий обязывали местные органы НКВД «вскрывать повстанческие организации, шпионские и диверсионные группы» и т.д. В связи с чем сотрудники органов были поставлены перед необходимостью арестовывать целые группы людей. Дело часто даже доходило до того, что для придания видимости законности придумывались различные повстанческие, правотроцкистские, шпионско-террористические, диверсионно-вредительские и тому подобные организации.

В 7-й главе «Борьба советской власти с мусульманским духовенством» говорится о трансформации политики большевиков в отношении мусульманского духовенства.

В первые годы советской власти большевики проявляли осторожность и гибкость по отношению к мусульманам, подчеркивали, что коммунизм и

шариат совместимы и дополняют друг друга. С середины 1920-х гг. начались репрессии против духовенства, многие религиозные деятели Чечни и Ингушетии подверглись арестам, ссылкам и расстрелам, обвиненные в контрреволюционной и антисоветской деятельности.

Анализ разноплановых источников позволил автору работы установить, что прокатившаяся по Чечне и Ингушетии в конце 1920-х гг. волна арестов духовных лидеров, закрытие мечетей и мусульманских школ вызвали резко негативную реакцию населения и в особенности мусульманского духовенства.

Служители культа были приравнены к кулакам: задавленные налогами (налоги в 1928–1930 гг. возросли в десять раз), лишённые всех гражданских прав, возможности зарабатывать на жизнь, подведенные под категорию «паразитические элементы, живущие чужими доходами», они стали, согласно официальной формуле, «осколком умирающих классов», подвергались арестам, высылке или депортации.

В главе 8 «Репрессии в отношении интеллигенции» рассматриваются репрессии в отношении технической, научной и творческой интеллигенции, а также борьба с так называемой «оппозицией». Вытеснение «старой» интеллигенции из всех сфер общественной жизни приводило к значительному снижению уровня интеллектуальной среды, утрате духовных традиций и нарушению преемственности между «старым» и «новым» поколением национальной интеллигенции. Сталинские репрессии способствовали устранению целого поколения старых кадров, культивируя исполнительно-приказные методы работы.

Репрессии приобрели видимость неизбежного и оправданного процесса. Они подорвали в массовом сознании элементарные представления о праве и законности, породили в обществе страх, недоверие, подозрительность, способствовали укоренению в обществе агрессивности, крайней нетерпимости, ксенофобии, осознанию всеисильности силовых органов и неоспоримости примата государства над правом и личностью.

Таким образом, Т. У. Эльбуздукаева в очередной раз порадовала ученых-кавказоведов и историков солидным и востребованным исследованием, которое будет иметь широкое практическое применение не только в социально-политической истории Чеченской и Ингушской республик, но в целом в истории народов Северного Кавказа, особенно советского периода.

Монография Т.У. Эльбуздукаевой «Политические репрессии на территории Чечни и Ингушетии в 1920–1930-е годы» представляет большой интерес как для ученых – историков и политологов, так и для широкого круга читателей.

В.Д. Дзидзоев

Ищенко А.С. Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. Ростов н/Д., 2014. 276 с.

Многочисленные «кризисы», «вызовы» и «повороты», которыми отмечено развитие гуманитарного знания во второй половине XX в., способствовали существенному смещению акцентов в представлении о смысле и назначении истории, ее познавательных возможностях и ремесле историка. Наука о прошлом все более определенно стала заявлять о себе как наука о людях в прошлом, о людях во времени. Но по мере антропологизации и персонализации исторического знания все более труднодостижимым, если вообще возможным стало казаться воплощение «благородной мечты» историков XIX в. об объективной реконструкции исторической реальности. Вряд ли сегодня найдется много исследователей, готовых подписаться под призывом Леопольда фон Ранке воссоздавать прошлое «так, как оно было на самом деле». Именно постановка в центр исследовательского интереса, говоря словами А.Я. Гуревича [1], «человека с его внутренним миром, в свою очередь исторически и культурно обусловленным» с неизбежностью требует существенной корректировки формулы Ранке с учетом того, что историку дана лишь зафиксированная в источнике ментальная реальность. Таким образом, задача историка – понять не то, «как это было на самом деле», а то, как это воспринималось, переживалось и осознавалось, трансформируясь в историческую память. Интерес к данной проблематике столь очевиден и многомерен, что мы вправе, по мнению Л.П. Репиной [2], говорить о «мемориальном повороте» в современной исторической науке, который «привел к существенному расширению предметного поля “новой культурной истории”, охватившего проблематику “мест памяти” и “исторической мифологии”».

В свете сказанного актуальность исследования А.С. Ищенко «Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность» представляется совершенно очевидной. Тема, избранная автором, лежит на пересечении наиболее востребованных и динамично развивающихся направлений современного гуманитарного знания – персональной истории и исследований исторической памяти. При этом объектом его научного интереса оказывается одна из самых ярких и противоречивых фигур русского Средневековья – великий князь Владимир Всеволодович Мономах. Личность эта столь масштабна и неординарна, что применительно к данному сюжету

впору говорить не просто об актуальности, но даже о запоздалости этого исследовательского интереса. В самом деле, хотя Владимир Мономах, казалось бы, не обделен вниманием историков, в действительности большая часть работ о нем написана в традиционном историко-биографическом ключе. В то же время задача комплексного анализа совокупности представлений о Мономахе, его месте в исторической памяти и выяснение степени мифологизации этого образа предшественниками автора не ставилась. И в этом смысле замысел А.С. Ищенко вполне можно назвать новаторским. Разумеется, это не значит, что до него никто не предпринимал попыток рассмотрения данной темы, но автор и не считает себя первопроходцем. В духе известной сентенции И. Ньютона, он очень ясно представляет, на плечах каких гигантов он стоит. В этом убеждает не только подробный и тщательный историографический анализ во введении к работе, но и многочисленные отсылки к работам предшественников при разборе конкретных сюжетов. При этом стоит подчеркнуть не только обширность историографической эрудиции автора, но и такт, с которым он встраивает знание, полученное другими исследователями, в собственное концептуальное построение. В то же время, когда его позиция кардинально расходится с предшественниками, он полемизирует, но, подчеркнем это еще раз, корректно и тактично.

Отдельных слов заслуживают методологические изыскания автора. Он отнюдь не ограничивается ставшими притчей во языцех научными штампами типа «принципов историзма и объективности», а реально стремится к обоснованному выбору исследовательского инструментария. При этом А.С. Ищенко решительно отмежевывается от вулгарного противопоставления мифа и реальности, апеллируя к таким авторитетам, как М. Элиаде, Е.М. Мелетинский, М.И. Стеблин-Каменский. Наиболее продуктивным в плане поставленной им исследовательской задачи автор обоснованно считает подход Р. Барта [3], трактовавшего миф как «вторичную семиологическую систему». Рассмотрение мифологизации как «перезначивания» знаковой системы (будь то письменный текст, устное предание или визуальный объект), как «набухание пористого смысла языка просочившимся в него мифом» позволяет, по мысли автора, увидеть и понять изменчивость содержания исторического мифа при кажущейся его внешней неизменности. Из это-

го вытекает постановка цели и задач исследования, представляющихся вполне логичными и обоснованными.

Стремясь построить целостную картину эволюции мифа о Владимире Мономахе от генезиса до вытеснения на периферию общественного сознания и современных попыток его деконструкции, автор соотносит тематические и хронологические рамки глав с тремя макро-эпохами: Средневековьем, Новым временем и современностью. В принципе такой подход понятен и приемлем, однако не везде автору удается добиться прочной увязки логики и хронологии. В первой главе изложение доводится до 70-х гг. XVII в. (Густынская летопись и Синописис Иннокентия Гизеля), что совершенно явно выходит за рамки Средневековья (может, стоило назвать главу «Владимир Мономах в историческом сознании Средневековья и раннего Нового времени?»). Третий раздел второй главы «Владимир Мономах в искусстве» начинается с анализа миниатюр Радзивилловской летописи и Лицевого свода, что и тематически, и хронологически явно тяготеет к содержанию первой главы. Наконец, в третьей главе, посвященной современной историографии, оказываются неизбежными повторы с историографическими врезками в первой главе. Однако в целом, за вычетом указанных моментов, структура книги вполне логична.

К числу больших удач автора следует отнести сюжет, посвященный генезису мифа о Мономахе. А.С. Ищенко убедительно показывает, что в «Повести временных лет» мы воочию наблюдаем становление мифа, а самым активным его творцом выступает сам Мономах. Автор демонстрирует процесс формирования структуры мифа, какие средства для этого используются: как постепенно оттесняются на второй план повествования ключевые политические фигуры, а Мономах вводится в его эпицентр; как в тех же целях трансформируется структура культа святых Бориса и Глеба; как сам Мономах мастерски применяет средства языка (последовательное использование глаголов действия), позиционируя себя как волевого и энергичного политика. При анализе летописного текста А.С. Ищенко весьма удачно применяет центонно-парафразный метод, выявляя скрытые библейские цитаты и аллюзии, через которые транслируется мифологический посыл летописного сюжета, т.е. наглядно подтверждается идея Р. Барта о мифе как переозначивании нарратива, «просачивании» мифа в языковую структуру текста.

Важной вехой в процессе формирования мифа о Мономахе А.С. Ищенко обоснованно считает Киево-Печерском патерик: здесь миф предстает уже в

относительно законченном виде, хотя некоторым мотивам придается более четкая артикуляция, например, тема «мнихолюбия» князя, его почти идиллических отношений с церковью, что будет иметь особое значение в дальнейшей эволюции образа. Наконец, в «Слове о погибели Русской земли» мы наблюдаем, как доказывает автор, уже не становление мифа, а его воспроизводство в виде целостной сложившейся знаковой системы, обладающей, говоря словами Р. Барта, «императивностью оклика».

Второй раздел первой главы книги посвящен новой фазе в эволюции мифа о Мономахе: в эпоху образования Московского царства он превращается из грозы степняков, гаранта справедливости и защитника притесняемых в династический символ и олицетворение единодержавия. Рубежным моментом в этой смысловой трансформации А.С. Ищенко считает «Послание владычне на Угру» Вассиана Рыло: в нем Мономах еще фигурирует как борец со Степью, а в «Послании» Спиридона-Саввы и «Сказании о князьях Владимирских» этот образ уже наполняется новым смыслом.

Постепенное угасание монархического мифа о Мономахе автор связывает не только с пресечением династии Рюриковичей и накоплением исторического знания, в свете чего стал очевидным анахронистический характер сюжета «Сказания о князьях Владимирских» о войне Владимира Всеволодовича с императором Константином Мономахом, но и выдвиганием властью в XVIII в. на щит другого образа древнерусского князя – Александра Невского. Последнее он обоснованно ставит в связь с западным вектором политики Петра I. Символизовавший противоположное направление Владимир Мономах, в этих условиях, как отмечает автор, был не только не нужен власти, но и в некотором смысле даже мешал ее устремлениям.

Во второй главе книги А.С. Ищенко прослеживает судьбу мифологизированного образа Владимира Мономаха в историографии, литературе и искусстве Нового времени. Автор показывает, что, как правило, образ, сложившийся в Средневековье, некритически воспроизводился в большинстве исторических и литературных текстов, а также в произведениях изобразительного искусства. Наряду с этим отмечаются отдельные попытки рецепции мифа с частичным возвратом к трактовке домонгольской эпохи (сочинения М.М. Щербатова, поэзия А.К. Толстого, украинская национальная историография), а также его «развенчания», фактически представлявшего собой инверсию, конструирование контр-мифа (Н.А. Полевой, И.В. Лашнюков, П.В. Голубовский).

Третья глава в наибольшей степени обнаруживает историографическую эрудицию автора, дающего широкую панораму точек зрения и систем аргументации, представленной в современной историографии. Особо следует отметить то обстоятельство, что автор свободно ориентируется не только в российской, но и в украинской научной литературе.

В то же время монографическое исследование А.С. Ищенко несвободно и от некоторых недостатков. В первую очередь следует сказать, что автору далеко не всегда удается следовать заявленным им во введении методологическим курсом. Порой он вольно или невольно отождествляет мифологизацию с идеализацией, апологетикой, искажением реальности. Однако «фантастичность» вовсе не является сущностной характеристикой мифа: «Миф ничего не скрывает и ничего не демонстрирует – он деформирует, – писал Р. Барт [3, с. 255], – его тактика не правда и не ложь, а отклонение». Иными словами отличительным признаком мифа является не фальсифицированность нарратива, а смысловое несовпадение буквального значения текста и того «посыла», которые посредством этого текста транслируются. Таким образом, признаки фальсификации информации могут служить косвенной «улицей» мифологизации, но и вполне достоверный сюжет может передавать миф, если его фактологическая канва соответствует замыслу конструктора мифа. Еще раз подчеркнем, что в большинстве случаев эти цели и задачи самого Мономаха и других творцов его мифа автор выявляет вполне корректно и убедительно, но в некоторых – допускает подмену понятий. В самом деле, если политическая мотивация обращения М.М. Щербатова, А.К. Толстого, Н.Н. Костомарова или М.С. Грушевского к образу Мономаха вполне очевидна, то каковы основания считать, что любой российский или советский ис-

торик или писатель, некритически воспроизводящий летописный нарратив, транслирует миф? Этот сюжет когда-то был мифом – когда его целевая аудитория легко считывала содержащийся в нем посыл, когда он обладал «императивностью оклика». Однако повествование, которое никуда не зовет и ничему не учит, мифом быть не может.

Тем не менее указанные замечания не носят принципиального характера и не умаляют высокой оценки работы, представляющей собой самостоятельное и глубокое исследование, посвященное научно значимой теме и выполненное на высоком методологическом и источниковедческом уровне. Книга А.С. Ищенко представит несомненный интерес не только для специалистов по русской средневековой истории и истории общественно-исторической мысли, но и для широкого круга читателей.

Литература

1. Гуревич А.Я. К читателю // Одиссей: человек в истории. М., 1989. С. 8.
2. Репина Л.П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М., 2012. С. 3.
3. Барт Р. Мифологии. М., 2000.

References

1. Gurevich A.Ya. [To the Reader]. *Odisei: chelovek v istorii* [Odysseus: Person in the History]. Moscow, 1989, p. 8.
2. Repina L.P. [The Experience of Social Crisis in Historical Memory]. *Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati* [Crises of Pivotal Eras in the Historical Memory]. Moscow, 2012, p. 3.
3. Bart R. *Mifologii* [Mythologies]. Moscow, 2000.

А.В. Корневский

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Корифей кавказской этнографии (к 125-летию со дня рождения Г.С. Читая)

В этом году Георгию Спиридовичу Читая – видному ученому, действительному члену АН Грузии, основоположнику грузинской этнографической школы исполнилось бы 125 лет.

Г.С. Читая родился в 1890 г. в г. Поти в семье крестьян. С раннего возраста он приобщился к труду: был портовым грузчиком, рабочим типографии и одновременно учился в потийской городской школе. После окончания седьмого класса он поступает во Вторую тифлисскую гимназию, а в 1911 г. становится студентом кафедры армяно-грузинской словесности факультета восточных языков Петербургского университета, заведовал которой Н. Я. Марр. Исследования последнего в области кавказоведения, в частности доклад «Кавказ и его памятники духовной культуры», а также личные контакты с Н. Я. Марром во многом определили творческие интересы Г. С. Читая. С 1913 г. он – участник Анийской археологической экспедиции, организованной Н. Я. Марром и руководимой им.

В Петербурге Г.С. Читая сблизился с И.А. Джавахишвили, в те годы возглавлявшим научный кружок грузинских студентов. Потом в 1914 – 1916 гг. им руководил сам Георгий Спиридонович. По окончании университета в 1917 г. он возвращается в Поти, с 1922 г. зачисляется научным сотрудником отдела этнографии Музея Грузии, а затем его руководителем; здесь он проработал до 1937 г.; разрабатывал методику сбора этнографических коллекций.

Педагогическая деятельность Г. С. Читая протекала в основном в Тбилисском государственном университете на созданной им в 1940 г. кафедре этнографии, которой он руководил до 1973 г. и консультантом которой оставался до последних дней жизни.

В 1930-х гг. выходит ряд публикаций Г. С. Читая, посвященных вопросам методики полевой работы. Разработанный им метод сбора полевого материала предусматривал максимальный охват исследуемой территории и изучение в комплексе явлений материальной и духовной культуры.

Бережно следя за последовательным выполнением требований, вытекающих из принципов этого метода, ученый не пропускал ни одного случая недооценки данных этнографии как источника исторических исследований. Он критиковал необоснованно отрицательное отношение к этнографическим сведениям о пережиточно сохраняющихся явлениях. Характеризуя специфику этих источников и пределы их достоверности, он показывал, какое большое место они занимают в работах известных историков Грузии.

С 1936 г. научно-исследовательская деятельность Г. С. Читая протекала в Институте языка, истории и материальной культуры им. Н. Я. Марра Грузинского филиала АН СССР (позднее Институт истории, археологии и этнографии им. Акад. И. А. Джавахишвили АН ГССР), где он до конца своей жизни руководил сектором этнографии Грузии и Кавказа и одновременно заведовал отделом этнографического изучения материальной культуры и хозяйственного быта грузинского народа.

Научные интересы Г. С. Читая обширны и многогранны. Разрабатываемая им проблематика включает важнейшие вопросы традиционных форм материальной культуры и хозяйственного быта, социальных отношений и идеологии. Он является зачинателем изучения этнографических параллелей в плане грузино-кавказских культурно-исторических взаимоотношений. Систематическое и всестороннее исследование народной агрикультуры привело к созданию нового направления, в частности агроэтнографии, успехи которой вызвали широкий резонанс и способствовали избранию Г. С. Читая членом ряда международной научных ассоциаций.

Значительное место в научной деятельности Г. С. Читая всегда занимали исследования традиционных форм материальной культуры, в первую очередь поселения и жилища, рассматри-

ваемые им в связи с особенностями социальной организации, основной направленностью хозяйственной деятельности и характером религиозных верований и представлений.

В 1960-х гг. под руководством Г. С. Читая в Грузии началась работа над Грузинским историко-этнографическим атласом (ГИЭА), составляющим часть Кавказского историко-этнографического атласа.

Ученый принимал активное участие на всех этапах работы по изданию второго тома «Народы Кавказа» (М., 1962), в котором был одним из ответственных редакторов и автором ряда разделов: «Общие сведения», «Сельское хозяйство в дореволюционный период», «Поселения», «Пища», «Социальные отношения периода феодализма и капитализма».

В трудах Г. С. Читая нашли отражение и других важные этнографические проблемы: этногенез, духовная культура, историография. С его именем связана и разработка в грузинской этнографической науке таких новых направлений, как этномузыкалогия и народная медицина. Г.С. Читая был одним из тех советских этнографов, которые в 1950–1960-е гг. стали активно осуществлять этнографическое изучение культуры и быта колхозного крестьянства и промышленных рабочих.

Важнейшей стороной деятельности Г. С. Читая всегда была плодотворная организаторская работа. По инициативе ученого и при его участии в Тбилиси был создан Музей народного быта под открытым небом, начато издание научных серий «Вопросы этнографии Кавказа», «Материалы по этнографии Грузии» и научно-популярной серии «Дзеглисмегибари» («Друзья памятников»).

Велики заслуги Г. С. Читая в подготовке кадров этнографов-кавказоведов для Грузии и других республик Кавказа.

С Георгием Спиридоновичем был знаком по его научным трудам еще в студенческие годы. Уже в годы учебы в аспирантуре, когда разрабатывал тему «Дагестано-грузинские взаимоотношения», работы Г. С. Читая стали для меня обязательными. Мое очное знакомство с Г.С. Читая состоялось в 1963 г. во время научной командировки в г. Тбилиси. Тогда я учился в аспирантуре, изучал архивные, рукописные музейные материалы, изданную литературу по теме взаимоотношения Дагестана и Грузии. Он пригласил к себе в кабинет, разъяснил некоторые сюжеты связей Дагестана и Грузии, подарил мне книгу В. В. Бардавелидзе «Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен». Затем он пригласил меня к себе домой и подарил сборник «Материалы по этнографии Грузии XII–XIII вв.», посвященный 70-летию Г. С. Читая, с дарственной надписью. В этом сборнике также содержатся важные данные о связях дагестанского и грузинского населения в различных областях.

Ученики Г. С. Читая, ныне успешно работающие во многих научных учреждениях Кавказа, поддерживали тесные контакты со своим учителем до последних дней его жизни. Они, как и коллеги Георгия Спиридоновича, несомненно, приложат все усилия к тому, чтобы продолжить его работу в области этнографического кавказоведения, которому он посвятил свою долгую плодотворную жизнь.

М.Р. Гасанов

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Редакция и редколлегия журнала поздравляют:

Литвиненко Виктора Исидоровича – редактора журнала, более 50 лет отдавшего издательской деятельности, известного краеведа – с 75-летием;

Ниворожкину Людмилу Ивановну – доктора экономических наук, профессора, заведующую кафедрой математической статистики, эконометрики и актуарных расчетов РГЭУ (РИНХ), ведущего специалиста в области внедрения математических и статистических методов в социально-экономические исследования, широко известного как у нас в стране, так и за рубежом, – с 70-летием.

Людмила Ивановна является председателем правления Ростовского областного отделения Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация статистиков»; председателем общественного совета по статистике при Ростстате; действительным членом Академии труда и социальной защиты; членом УМО по специальности «статистика»; автором ряда монографий, более 200 статей, около 30 учебников и учебных пособий. Она – член редколлегии журналов «Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)», «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», «Актуальная статистика Сибири», «Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления (НГУЭУ)», «Учет и статистика».

Имеет награды: нагрудный знак Росстата «Отличник статистики», 2014; благодарность Внешэкономбанка, 2014; почетную грамоту Министерства образования РФ, 2013; грамоту Законодательного собрания Ростовской области, 2013; медаль Росстата за участие в переписи населения 2010 года; почетное звание «Заслуженный деятель науки РФ», 2009; грамоту губернатора Ростовской области за научные достижения, 2005; медаль и памятный знак Госкомстата РФ за участие в переписи населения 2002 года; памятный нагрудный знак «Медаль им. Авдея Ильича Гозулова»; знак «Почетный сотрудник РГЭУ»;

Шинкаренко Елену Александровну – ответственного секретаря журнала, около 35 лет проработавшую в высшей школе, самоотверженно трудящуюся над формированием портфеля журнала, – с 65-летием.

Всем юбилярам желаем крепкого здоровья на долгие годы, успехов во всех начинаниях, покорения новых творческих вершин, благополучия их семьям!

**Указатель материалов, опубликованных в журнале
«Известия высших учебных заведений.
Северо-Кавказский регион. Общественные науки» в 2015 г.**

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Акимов Р.А. Дискуссии между буддийскими школами вайбхашиков и саутрантиков о реальности времени.....	3
Бараш Л.А. Эстетический потенциал постмодернистской художественной коммуникации.....	3
Дидык М.А. К. Ясперс: «осевое время» всемирной истории как конструкция и гипотеза.....	4
Кафаров Т.Э., Рамазанов М.Р. Биоэтика как новое направление в морально-этическом дискурсе современного общества.....	1
Кафаров Т.Э., Халиков А.С., Рамазанов М.Р., Рагимов А.А. Об этико-аксиологических основаниях медицины.....	3
Королев В.К., Евграфова О.В. Экономическая культура как «форма содержательная» трансформации понятия «человеческий капитал».....	1
Лебский А.В. Ценности коллективизма и проблема идентичности в современных обществах.....	1
Моисеев А.В. Феноменология философской формы культуры в концепции М. К. Мамардашвили.....	3
Рендл М.В. Социальная эпистемология в современной научной парадигме.....	2
Снеговая О.А., Долгановская Н.В., Катичева М.Г. Аспекты культурной динамики в теориях глобализации.....	4
Устименко Д.Л., Шарыпова В.А. Контуры антропологического учения Э. Гуссерля.....	4
Хоконов М.А., Абидова И.З. Архетип одинокого героя и этнокультурная специфика персоналистского мышления в адыгской традиционной культуре.....	2
Черных С.С. Метафизическое понимание власти и формы её легитимации в антропологической перспективе.....	2
Черных С.С. Психоанализ метафизических основ власти: З. Фрейд, А. Кожев.....	3
Эмирбекова Э.Э. Практики власти в визуальном поле пространства личности.....	3
Юшина С.В. Политическая теология как одно из явлений современной исламской концепции власти.....	4

**К 100-ЛЕТИЮ РОСТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
(ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

Драч Г.В. Ростовская философская школа: научные идеи и основания.....	3
--	---

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Бедрик А.В., Бузов В.И. Генезис политического неоисламизма в Турции в начале XXI века.....	3
Бобрышева В.В. Теоретические аспекты инновационной политики государственного управления.....	2
Вялых Н.А. Институциональное недоверие в системе факторов самолечения в современном российском обществе: социологический взгляд.....	2
Денисова Г.С., Валуев Д.Г. Историческое образование как инструмент политической социализации: проблема идентификации гражданственности и патриотизма.....	4
Долгов А.А. Основные направления и этапы исследования миграции населения в отечественной науке.....	2
Еналдиев Т.Б. Этносоциальность казачества: теоретико-методологические проблемы.....	3
Зейналов И.М., Мазина Р.Р. Оценка и диагностика управленческих кадров (профессиональной элиты) – территориально-отраслевой аспект.....	1
Иванова А.А. Трансформация брачно-семейных отношений в российской семье: сравнительный анализ социологических исследований.....	4
Ковалев В.В. Вариативность социокультурных и интеллигентных паттернов гражданского общества в процессе модернизации.....	2
Крамарова Е.Н. Меценатство в экспертном измерении Юга России.....	2
Кузнецова А.В., Петрулевич И.А. Миф и мифологема города в тексте культуры: социологический и лингвокогнитивный аспекты.....	4
Меркулов Е.Д. Пути преодоления социально обусловленных массовых болезней в современном обществе.....	4
Пасовец Ю.М. Адаптированность населения к социальным изменениям и ее показатели.....	1
Попова В.Э. Современные тенденции в политике управления системой высшего образования.....	2
Сухоносенко Д.С., Морозова Н.В., Обьедкова О.А. Сравнительный анализ субъективного восприятия источников опасности населением крупного города Волжского и малого города Николаевска.....	4

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

Аверьянов А.В. Национальная политика на Дону в 1930-е годы: на примере Калмыцкого района.....	4
Акиева П.Х. Историческая эволюция первых мифических существ – вампалов – в мировоззрении ингушей.....	2
Венков А.В. Донские казаки в боях на Перекопе в 1920 году.....	2
Гаврицков Д.Ю. Партийно-государственная политика по отношению к религии на Дону в разрезе городских пространств (1970-е – середина 1980-х гг.).....	3
Горковская Д.В. Массовое движение казачества на Дону 1792–1794 годов в отечественной историографии.....	3
Забелин В.М. Армянская социал-демократия на Кубани в начале XX века.....	2
Землянский К.А. Организация устной пропаганды в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ростовской области).....	4
Исакова М.А. Доно-украинские отношения на страницах «Казачьего исторического сборника» И.П. Буданова.....	3
Ищенко А.С. Образ Владимира Мономаха в украинском общественно-историческом сознании.....	1
Казарова Н.А. Историк Н.Н. Любич (к 160-летию со дня рождения).....	2
Краснова И.А. Память рода в семейных книгах Флоренции XIV – XV веков.....	4

Кузнецов Т.И., Махчиева Н.С. Восстановление и деятельность колхозов Моздокского района в 1943–1945 годах.....	2
Малахов Е.С. Остзейский вопрос и причины переселения эстонских крестьян в русские губернии в очерках русской прессы XIX века.....	3
Мануковский Н.Г. Модернизация и социальное развитие: перспективы изучения.....	4
Мигаль А.С. Восток учёных: английское исламоведение в эпоху Просвещения.....	1
Мининкова Л.В. Н.П. Павлов-Сильванский о теории вотчинного государства в русской историографии.....	1
Мининкова Л.В. Теория вотчинного государства в советской и современной отечественной историографии.....	4
Надолинская А.И. Политика Э. Хита в Северной Ирландии: попытка перехода от силовых методов к переговорному процессу.....	4
Натаев С.А. Интерпретации структуры чеченского тайпа в кавказоведческих исследованиях.....	1
Олифинов К.А. Ипотечная деятельность Донского отделения Крестьянского поземельного банка Российской империи в конце XIX – начале XX века.....	4
Орехова О.Ю. Милосердие и благотворительность в городском обществе Средневековья.....	2
Подольников В.П. Патриотизм французского общества в начале франко-прусской войны 1870–1871 годов (по произведениям французских писателей).....	2
Подольников В.П. Франко-прусская война (1870–1871) в русской периодике 70-х годов XIX века.....	4
Рыбаков И.М. А.Ф. Керенский и его роль в революционном процессе 1917 года: опыт историографического анализа.....	3
Татарченко М.В. История казачества на Дону (на основе работы «Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для общего права, собранные Михаилом Харузиным»).....	3
Филатова Н.В. Процесс по делу Агнес Семпсон в контексте охоты на ведьм в Шотландии раннего Нового времени... ..	4

ЭКОНОМИКА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Беданок М.К., Измайлова Г.С., Шаева И.А. Организационно-экономические механизмы реализации инклюзивного туризма и рекреации в Республике Адыгея.....	3
Горбанева О.П. Анализ влияния уровня государственной поддержки на рентабельность сельхозтоваропроизводителей... ..	1
Дорофеев В.А., Троянов И.В., Солнышкин Д.Г. Баланс между доверием и недоверием к экономической политике у студентов в условиях экономических изменений.....	3
Евченко Н.Н., Филонович В.В. Кризис российско-украинских отношений и внешняя торговля: проекция для трех уровней управления.....	4
Коржов М.С. Естественное воспроизводство молодежи ценных и товарно-промысловых видов рыб – повышение инвестиционной привлекательности рыбного бизнеса.....	1
Коханова В.С., Полтавский А.А. Финансовый инжиниринг и его роль в банковской деятельности.....	3
Папин В.В. Детерминация кризисных процессов на российском рынке ценных бумаг.....	1
Плотников Н.В. Теоретические аспекты обоснования принципов формирования и развития системы экономической безопасности высшего образования.....	3
Рубинская Э.Д., Ушаков Д.С. Государственная политика предупреждения нелегальной трудовой миграции: российские условия адаптации зарубежного опыта (на примере Королевства Таиланд).....	1
Симаченко М.Г. Слабая конкуренция как барьер для перехода к инновационной экономике.....	3
Фоменко Н.М. Информационные технологии в процессе управления знаниями.....	1
Чернов С.А., Дайкер А.О. Сетевая организация: закономерности, тенденции развития.....	4
Щербинин Т.А. Система регулятивных инструментов обеспечения финансовой устойчивости национальной экономики в условиях глобализации.....	3

ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

Арзумян А.А. Проблемные аспекты использования различных видов экспертно-криминалистических учетов в раскрытии и расследовании преступлений.....	2
Ахмед Камаран Сабах. Значение гарантий прав личности в уголовном процессе России и Ирака: сравнительный анализ.....	2
Бураева К.Т. О преимуществах федеративного государства.....	2
Воскресов Б.Н. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как дополнительный вид наказания.....	4
Леплявкин А.Н. О совершенствовании уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.....	2
Омарова С.И. Источники и основные черты обычного права Салатавии.....	2
Семенцова И.А. К вопросу об аффекте как психической аномалии.....	2
Фоменко А.И., Семенцова И.А. Профилактика кибераддикции как основа предотвращения преступного поведения подростков с пограничным состоянием психики.....	2

ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ

Джанерьян С.Т., Ращупкина Ю.В. Особенности личностной зрелости городской учащейся молодежи.....	1
--	---

ОБРАЗОВАНИЕ

Барабаш М.В. Системный подход к процессу формирования архитектурной среды школьных зданий.....	2
Беленький П.П., Тищенко Е.Н., Черкезов С.Е., Шарьшова Т.Н. Методология взаимодействия профессорско-преподавательского состава вузов кластера в контексте профессиональных стандартов.....	3
Долгановская Н.В., Катичева М.Г. Актуальные проблемы развития методологии педагогического прогнозирования.....	1
Кагермазова Л.Ц., Абакумова И.В., Лунин С.Л., Шульдц Е.О. О формировании коммуникативной компетентности будущего педагога.....	1

Карпова Г.Ф. Педагогика и психология в современном архитектурно-художественном образовании.....	4
Писаренко С.А. Исследование восприятия ракурсных сокращений в связи с задачами обучения реалистическому рисунку.....	2
Стаканова Е.В., Толстихина Е.В. Смыслообразующие стратегии обучения иностранному языку.....	4
Янова М.В. Об инновационных формах и направлениях развития образования в Калмыкии.....	1

ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ

Абдокова М.Б. Энциклопедия ностальгических переживаний поэтессы черкесского зарубежья Зейн Кандур.....	4
Акопов А.С. О социальной и вербальной природе концепта.....	2
Гузь Ю.А., Жарина О.А. Активное самообразование студентов посредством рефлексии изучения иностранного языка... ..	2
Зарипова А.Р. Семантическая эволюция слова <i>жребий</i> в истории русского языка.....	4
Табаченко Л.В. Результативные приставочные дериваты позиционных глаголов в истории русского языка.....	2
Чернухина Т.Б., Чернухин А.Ю. Академическое эссе как компонент коммуникативной иноязычной компетенции: теоретические и методические аспекты.....	3
Шишкина Т.С. Речевое сотрудничество собеседников как прагматическая основа маркирования речевого жанра «неформальное интервью» на английском языке.....	1

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Гасанов М.Р. Осторожно: фальсификация истории русского, кавказских и других народов (Ольховский О.Ф. Древние русы и Кавказ (Кавказ – русская земля): 2-е изд., доп. Ростов н/Д., 2014. 288 с.).....	2
Дзидзов В.Д. Анализ политических репрессий на Северном Кавказе в 20–30-е годы XX века (Эльбуздукаева Т.У. Политические репрессии на территории Чечни и Ингушетии в 1920–1930-е годы. Махачкала, 2015. 840 с.).....	4
Дзидзов В.Д. Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ, 2013. 686 с.	3
Исаев Д.П. Буллер А. Введение в теорию истории: учеб. пособие. М., 2013. 184 с.	3
Кореневский А.В. Иценко А.С. Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. Ростов н/Д., 2014. 276 с.	4
Магомедов А.А. Дзидзов В.Д., Хадиков А.К. Этапы национально-государственного строительства в Осетии и проблемы современной этнополитики (исторический и политико-правовой анализ). Владикавказ, 2014. 415 с. ...	3
Мининков Н.А. Интеллектуальный Ростов: книга дискуссий / отв. ред. В.П. Макаренко. Ростов н/Д., 2014. 696 с. ...	1
Нестеров А.С. Аникеев А.А., Линец С.И., Януш С.В. Битва за Кавказ в исследованиях, документах и фотоматериалах. Пятигорск, 2015. 518 с.	3
Черюкина Г.Л. Белопольский В.Н. Достоевский и другие. Статьи о русской литературе. Ростов н/Д., 2011. 250 с. ...	3

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Архипов А.Ю., Мартишин Е.М. Пятая юбилейная Международная научно-практическая конференция «Глобальный мир: многополярность, антикризисные императивы, институты» (Ростов-на-Дону, 22–24 мая 2014 г.)... ..	1
Бурмистрова И.В., Паниотова Т.С., Штомпель Л.А. Точки роста культуры (фестиваль «Экология культуры» Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, 2–26 декабря 2014 г.).....	1
Ивлиева О.В., Сухов Р.И. IV Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых по проблемам туризмоведения (Ростов-на-Дону, 10–14 апреля 2015 г.).....	3
Савченко Л. А., Вялых Н. А. Вторая межрегиональная научно-практическая видеоконференция «Гендерные взаимодействия обучающихся в полиэтнической среде» (Ростов-на-Дону – Краснодар, 2 апреля 2015 г.).....	3
Савченко Л.А., Вялых Н.А. Двенадцатые Международные гендерные чтения «Гендерные трансформации в современном мире».....	2
Сень Д.В. Всероссийская научная конференция «Границы и пограничье в южнороссийской истории» (Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.)	1
Чапны Е.В. Культура как фактор развития общества, государства, личности (обзор форума работников культуры Дона, посвященного 95-летию Ю.А. Жданова).....	1
Черюкина Г.Л. III Международная научно-практическая конференция «Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации» (Ростов-на-Дону, 17–18 сентября 2015 г.).....	4

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Гасанов М.Р. Корифей кавказской этнографии (к 125-летию со дня рождения Г.С. Читая).....	4
Гежа Е.Г. Созидатель, ученый, учитель (к 75-летию В.Н. Овчинникова).....	2
Казарова Н.А., Кислицын С.А. Ученый-историк, исследователь, педагог Эмма Дмитриевна Осколкова.....	2
Кислицын С.А., Кислицына И.Г. Видный историк, мужественный солдат, участник движения Сопrotивления в Нидерландах Г.Г. Бауман.....	1
Кислицын С.А., Кислицына И.Г. Воин, археолог, декан Г.А. Иноземцев.....	2
Матвеев Г.А. Ученый, педагог, руководитель, человек (к 90-летию со дня рождения Евгения Николаевича Осколкова).....	2
Чибиров Л.А. Неутомимый труженик науки (к 65-летию В.Д. Дзидзоева).....	2